

ГРАММАТОЛОГИЯ

Том I

НАРРАТОЛОГИЯ

Версия 1.0

УДК 82.09
ББК 83
У 73

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Евгении Варламовой*

ООО Типография «Липецк-Плюс»
398002, г.Липецк, ул. Игнатъева, д.36

Подписано в печать 25.08.09. Формат 420х300 1/8. 28 печ. л.
Печать цифровая. Гарнитура Arial. Бумага офсетная.
Тираж 100 экз. Заказ № 122

Урусов, Д.С.

У 73 Грамматология. Т.1: Нарратология / Д.С. Урусов. –
Версия 1.0. – Липецк: Типография «Липецк-Плюс», 2009. – 224 с.

УДК 82.09
ББК 83

© Урусов Д.С., 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

0. ВВЕДЕНИЕ	6
0.1. Экспликаторность	7
0.2. Релевантность	19
1. МАТРИЦА	30
1.1. Партиципанты	31
1.2. Падежи	43
2. АЛГОРИТМ	54
2.1. Инстанции	55
2.2. Шифтеры	69
3. СТЕММА	80
3.1. Композиция	81
3.2. Архитектоника	93
4. СЕРИЯ	104
4.1. Монтаж	105
4.2. Риторика	121
5. БРИКОЛАЖ	136
5.1. Интертекст	137
5.2. Коммутация	149
6. РИЗОМА	160
6.1. Генотекст	161
6.2. Трансформация	171
0. ЗАКЛЮЧЕНИЕ	182
0.3. Деконструкция	183
0.4. Грамматология	195
БИБЛИОГРАФИЯ	206

0. ВВЕДЕНИЕ

0.1. ЭКСПЛИКАТОРНОСТЬ

0.1.0. Нарративность

Область рассмотрения гуманитарной науки определяется границами текстуального пространства, репрезентирующего функционирование письма в его историческом измерении. Основным ориентиром в этом пространстве литературы длительное время служил линейный принцип, задающий траекторию поступательного движения, именуемого научным прогрессом. Возведение несущих конструкций «великой библиотеки» культуры в процессе коллективного строительства, ставшего привилегией и уделом интеллектуала, было призвано, в свою очередь, обеспечить перманентный рост научного знания. Повествование, направленное на фиксацию природы текстуальности, демонстрирует, однако, двусмысленность подобного интенционального акта, обнажая нарративность гуманитарного письма, не замечать которую принуждал функциональный менталитет традиционного научного мышления. Подрывая основание сциентизма, историографическая наука [см.: Данто, 2002 (1965); Уайт, 2002 (1973); Анкерсмит, 2003 (1994)] обращает внимание, в частности, на «...обусловленность своих концепций <...> схемами рассказывания, законами языка, применяемого в повествовательных целях» [Зенкин, 2003, с.524]. Обнаруживая принципиальное отсутствие связи между описанием прошлого и самим прошлым, Ф.Анкерсмит констатирует, что «...у прошлого как такового нет нарративной структуры – нарративные структуры появляются только в нарративе» [Анкерсмит, 2003 (1983), с.128]. Разоблачая научный процесс как перверсивную игру самосознания, Х.Уайт провозглашает идею изначальной нарративности научного текста включительно, для которого, подобно тексту фикциональному, характерны законы поэтики и риторики. Описание последних собственно и вменяется в обязанность нарратологии, факт существования которой продиктован, по сути, признанием тщетности любой попытки из лабиринта «великой библиотеки» выйти.

0.1.1. Критерий истинности

Потребность в выработке общезначимого критерия истинности формируется в рамках проекта модерн и сопровождает оформление науки в качестве социального института по производству знания. Устанавливаемая университетом монополия на знание не имеет, однако, ничего общего с декларируемыми гуманистическими целями просвещения. Персональная идентификация представителя науки, позиционирующегося фигуре «непосвящённого», характеризуется не только лояльностью к действующим в научном сообществе гласным и негласным законам, но также ангажированностью определённой идеологией. Легализация научного знания в рамках соответствующих социальных институтов, происходит посредством ритуализованных процедур, призванных символически устанавливать тождество категорий истинности и научности. Совокупность подобных социальных процедур образуют институализированную форму научного дискурса, уполномоченного обществом обслуживать отправление функции истины, и, вследствие этого, наделённого привилегированным статусом, проблематизировать который, собственно, и предлагал Ж.Деррида. Утрата иллюзий по поводу научного знания обусловлена также и тем фактом, что сциентизм, восполняя лакуну онтологической картины мира в постметафизическую эпоху, контрабандой протаскивал в гуманитарную науку дуалистическую метафизику порождающей модели, которой он оказался отнюдь не чужд. Для осознания зыбкости тех опор, на которых держался сциентистский проект, достаточно произвести весьма приблизительный экскурс в историю науки, демонстрирующий различия сменяющих друг друга критериев истинности. При этом сложившиеся подходы по отношению к оценке научного знания, среди которых уместно, в первую очередь, рассмотреть индуктивизм, конвенционализм и фальсификационизм, не исчерпывают проблему, оставляя её, по существу, открытой.

0.1.1.1. Индуктивизм

Согласно доктрине индуктивизма, общезначимым критерием истинности научного знания провозглашается эмпирический принцип, в соответствии с которым «...только те суждения могут быть приняты в качестве научных, которые либо описывают твёрдо установленные факты, либо являются их неопровержимыми индуктивными обобщениями» [Лакатос, 1978 (1970), с.205]. Индуктивист в своей деятельности, таким образом, опирается на совокупность собранных путём наблюдения опытных данных, а также полученных от определённой референтной группы задокументированных сведений; способом же доказательства научного положения признаётся верифицирующий эксперимент. Однако, согласно тезису Дюгема-Куайна, теория не может быть полностью предопределена эмпирическим материалом вследствие конечности экспериментальных данных и бесконечного числа потенциально следующих из неё предсказаний. Не имея возможности охватить всей совокупности фактических данных, исследователь вынужден по основанию производить ангажированную выборку, обеспечивающую корпус позитивной эвристики, которая служит подтверждению его научной концепции. Вместе с тем, рационального объяснения для предпочтения того или иного материала в отношении теории сформулировано не было, а распространённое убеждение, согласно которому вероятность, выводимая из обобщения конечного числа фактов, является надлежащим критерием обоснованности научных положений, подверг критике ещё К.Поппер. Следует также добавить, что теория детерминирует интерпретацию эмпирического материала, и индуктивные обобщения всегда теоретически нагружены, что, однако, оправдывается впоследствии установками прагматизма, определяющего в качестве критерия оценки научного знания эффективность его использования, понимая под этим способность давать нужные результаты в случае его применения к ряду объектов одного и того же типа.

0.1.1.2. Конвенционализм

В качестве основного критерия истинности в противовес эмпирическому принципу П.Дюгем выдвигает соглашение научного сообщества, в соответствии с которым истинным признаётся знание, прошедшее процедуру легитимации в рамках сложившихся социальных институтов. Специфика конвенционализма, однако, продиктована не только способностью обосновать теорию, руководствуясь лишь базовыми положениями, подкрепляемыми общественным договором, но также методологическими требованиями простоты и экономии, значимыми с точки зрения выбора той или иной теории. Для предпочтения какого-либо одного из непротиворечащих научных построений революционные ветви конвенционализма предлагают руководствоваться утилитарным принципом удобства, согласно которому «...любую систему можно отбросить, если она становится чрезмерно сложной и если открыта более простая система, заменяющая первую» [Там же, с.208-209]. Принцип простоты, а также принцип сводимости к конечному числу элементов были подхвачены структурализмом, стремившимся сводить структуру объекта к фиксированному набору комбинируемых единиц. Установка, согласно которой из двух методов следует выбирать наипростейший, была озвучена, в частности, родоначальником глоссематики Л.Ельмслевым, согласно которому, «если несколько методов представляют в равной степени простые описания, должен быть выбран тот метод, который приводит к конечным результатам путём наипростейшей процедуры» [Ельмслев, 1960 (1953), с.278]. Чрезмерный симплицизм, вместе с тем, не всегда методологически оправдан, т.к. научный процесс не исчерпывается определением фиксированного числа постулатов и составлением перечня соотносимых с аксиоматическим методом правил вывода одних утверждений из других. Под вопросом стоит и собственно конвенциональный статус членов научного сообщества, процедура легитимации которого дискредитирована.

0.1.1.3. Фальсификационизм

Согласно концепции приближенного познания, выразителем которой выступил, в частности, Г.Башляр [Башляр, 1987 (1940)], научное знание носит гипотетический характер, а ситуация ошибки является двигателем прогресса. Руководствуясь подобными представлениями, К.Поппер предлагает отсутствие правил установления истинности знания компенсировать методологической процедурой, позволяющей определить степень ложности теории. Принципу верификации К.Поппер [Поппер, 1983 (1959)] противопоставил принцип фальсификации, рассматривая в качестве атрибута существования любой теории возможность её опровержения. Значение теории предлагается оценивать с точки зрения её способности противостоять попыткам фальсификации, однако, если теорию невозможно проверить, она находится вообще вне науки. Рост научного знания в фальсификационизме мыслится как последовательный процесс устранения ошибочных гипотез, предполагая целенаправленное установление фактов, которые, будучи обнаруженными, опровергают теорию, освобождая пространство для нового способа концептуализации. По И.Лакатосу, теория может существовать и развиваться, несмотря на большое число аномалий, ставящих под сомнение её истинность, и опровержение фиксируется лишь по факту оформления альтернативной исследовательской программы; главной же моделью научного прогресса признаётся ситуацию, когда «...решающий эксперимент оставляет непровергнутой одну теорию, опровергая в то же время конкурирующую с ней теорию» [Лакатос, 1978 (1970), с.248]. Постулируя тезис о конкуренции научно-исследовательских программ, под которыми понимается ряд сменяющихся теорий, объединяемых совокупностью базовых идей, И.Лакатос [Лакатос, 1995 (1970)] вводит для выяснения степени их конкурентоспособности претендующую на универсальность шкалу прогрессивности и регрессивности теории, подвергнутую критике Т.Куном и П.Фейерабендом за произвольность выдвигаемых стандартов оценки.

0.1.2. Дисконтинуальность

Теория разрывов Г.Башляра, противопоставляющая кумулятивизму науки представление о дисконтинуальности научного процесса, ложится в основание провозглашаемой Т.Куном [Кун, 1975 (1970)] концепции научных революций. Отказываясь усматривать рост знания в накоплении вечных истин, Т.Кун представляет исторический процесс в форме сменяющихся парадигм, сохраняя при этом представление об однонаправленном и необратимом прогрессе в науке. В свою очередь, М.Фуко линейной последовательности парадигм противопоставляет изложенную в книге «Слова и вещи» [Фуко, 1994 (1966)] концепцию эпистемологических переворотов, подразумевающую различные формы денонсации легитимизированной дискурсивной практики со стороны маргинальных аутсайдеров. Разоблачая гуманистическое прикрытие науки, М.Фуко трактует научный процесс как реализацию воли к власти в условиях экспансии и доминирования привилегированной дискурсивной практики, когда «...эта воля к истине, <...> опирающаяся на институциональную поддержку и институциональное распределение, имеет тенденцию <...> оказывать на другие дискурсы своего рода давление и что-то вроде принудительного действия» [Фуко, 1996 (1971), с.56]. Ответом на конвенциональность научного знания становится, в контексте концепции знания-власти и логики научных революций, провозглашённый П.Фейерабендом [Фейерабенд, 1986 (1975)] и подхваченный впоследствии постструктурализмом эпистемологический анархизм, декларирующий отказ от методологического принуждения. Рост знания П.Фейерабенд обосновывает пролиферацией, или размножением, теорий, характеризующихся несоизмеримыми способами видения и противоречащей методологией. В условиях плюрализма интерпретаций существование альтернативных версий может соотнобразовываться, в частности, с критериями приемлемости, относительности и дополнительной, которые рассмотрим последовательно.

0.1.2.1. Приемлемость

Формулируя критерий относительной приемлемости, К.Поппер предписывает отдавать предпочтение теории, которая обладает большей объяснительной и предсказательной силой, обеспечивающей преимущество того или иного знания в ходе своеобразного «естественного отбора». Обосновывая, в свою очередь, значимость процедуры выбора приемлемой теории в условиях сосуществования альтернативных подходов в лингвистике, Н.Хомский утверждает, что «...цель общей лингвистической теории должна состоять не в том, чтобы искать аналитические процедуры для построения грамматик, а в том, чтобы искать процедуру для выяснения степени адекватности уже построенных грамматик» [цит. по: Шаумян, 1962, с.403]. Солидаризуясь с Н.Хомским, который признавал определяющим для установления степени адекватности грамматики критерий объяснительной силы, Ю.Апресян в ряду других критериев наделяет модель свойством экспликаторности, «...если она 1) объясняет факты или данные специально поставленных экспериментов, которые необходимы с точки зрения старой теории; 2) предсказывает неизвестное раньше, но принципиально возможное поведение объекта, которое позднее подтверждается данными наблюдения или новых экспериментов» [Апресян, 1966, с.88-89]. Оформление новой исследовательской программы может вести к сокращению объяснительной силы предшествующей, однако преимущество теории по отношению к альтернативным концепциям не освобождает её от ограничителей, препятствующих достижению максимального значения экспликаторности. Обладающая широкими экспликаторными возможностями модель, вместе с тем, не способна охватить все аспекты функционирования объекта и, ограничивая специальную область исследования, сводит всё многообразие его проявлений к некоему фиксированному параметру в ущерб, соответственно, значению остальных.

0.1.2.2. Относительность

Постструктурализм аннулирует объяснительную силу любой научной теории, постулируя значение интерпретации вне отношений истинности / ложности. Разоблачая притязание на обладание истиной и отрицая как логоцентризм любую попытку ограничения интерпретативного процесса некоторым конечным числом значений, представители постструктурализма провозглашают тотальную произвольность истолкования. Напр., Р.Барт санкционирует множественность интерпретаций, при которой существование любой версии прочтения гносеологически оправдано, т.е. «множественность интерпретирующих методологий не может быть устранена; она должна быть узаконена. Каждый волен ставить в связь с произведением то означаемое, которое он считает нужным» [Косиков, 1977, с.50]. Установка, определяющая отсутствие универсального метода, оформилась в методологический релятивизм, согласно которому интерпретация зависит от точки зрения исследователя, а различные языки описания несводимы друг к другу. Следствием подобной релятивистской логики становится провозглашённый Ж.-Ф.Лиотаром [Лиотар, 1998 (1979)] в качестве конститутивного свойства состояния постмодерна отказ от универсальных нарративов, на статус которых в разные исторические эпохи претендовали различные концепции, в пользу методологического плюрализма, выражающегося в допущении применительно к научному познанию множественности интерпретативных версий, число которых может быть неограниченным. Отрицая возможность выстраивания в форме метанарратива фундаментальных методологических концепций, применимых к широкому кругу феноменов, ситуация постмодерна, вместе с тем, позволяет множить число псевдонаучных текстов, что приводит к девальвации статуса исследовательской деятельности, вызывая справедливую озабоченность в части научного сообщества [см.: Сокал, Брикмон, 2002 (1997)].

0.1.2.3. Дополнительность

В случае принципа неопределённости В.Гейзенберга также чётко выражена зависимость научных представлений от положения воспринимающего субъекта, специфики его познавательных средств, характера измерительных приборов. Концепция Копенгагенской школы, однако, позволяет рассматривать объект с привлечением одновременно нескольких комплементарных способов интерпретации. Обосновывая дуализм волнового и корпускулярного описания в квантовой физике, Н.Бор формулирует принцип дополнительности, рассматривая «...обе картины – корпускулярную и волновую – как два дополнительных описания одной и той же реальности. <...> Нужно указать границы применения корпускулярной картины, так же как и применения волновой картины, ибо иначе нельзя избежать противоречий» [Гейзенберг, 1963 (1959), с.24]. Возможность сосуществования двух альтернативных концепций Н.Бор объясняет также с помощью принципа соответствия, согласно которому новая теория, претендующая на более широкую область применения, должна включать предшествующую в качестве предельного случая. Безусловно, развитие науки представляет собой процесс революций, в результате которого легализацию получают новые научные парадигмы, однако выбор между конкурирующими теориями в контексте принципа соответствия не является настолько безапелляционным. Отказ от старой парадигмы в пользу новой не является абсолютным, и на определённом уровне абстрагирования от объекта несовместимые, конкурирующие методологии выступают в качестве комплементарных. Принцип дополнительности демонстрирует также, что в случае кризиса фальсификации речь не идёт об издержках проявления воли к власти авторов исследовательских программ, заведомо грешащих в некотором отношении против истинности в пользу эффективности, как это представляется, напр., М.Фуко, но скорее об изначальной недостаточности применения единичной модели.

0.1.3. Верификация

Критическая оценка индуктивного подхода мотивирует принципиальное устранение в пределах данного текста эмпирической процедуры доказательства формулируемых научных положений. Имеющая место привязка теории к лингвистической компетенции носителя языка производится не в форме обращения к избирательным языковым фактам, а путём апелляции к уже сложившимся обобщениям теоретической лингвистики и объясняется желанием обнаружить конкретные языковые механизмы, обслуживающие функционирование различных аспектов структуры. Антиэмпирическая установка в целом не отменяет, однако, значимости принципа верификации, предполагающего достижение условия воспроизводимости результатов. Традиционная филология, в которой применением индуктивного метода признаётся практика обращения к репрезентативным текстам, что призвано, по всей видимости, ввести некий гуманитарный аналог естественнонаучного верифицирующего эксперимента как общезначимого способа доказательства выдвигаемых теорий, очевидным образом злоупотребляет подобным алиби. Условие воспроизводимости результатов не может обеспечиваться апелляцией к избирательным текстам, подбор которых обусловлен нередко сакрализацией тех или иных культурных артефактов, а достижимо исключительно в рамках деятельности, результатом которой становится, напр., создание программ автоматического перевода или искусственного интеллекта, в связи с чем «представляется естественным считать центральной задачей лингвистики создание действующей модели языка – логического устройства, которое было бы способно, действуя чисто автоматически, имитировать речевое поведение человека» [Жолковский, Мельчук, 1969, с.5]. Полноценным эквивалентом верифицирующего эксперимента в науке, формулирующей задачу описания языкового функционирования, следует признать, таким образом, лишь тест Тьюринга [Тьюринг, 1960 (1956)].

0.2. РЕЛЕВАНТНОСТЬ

0.2.0. Полиструктурность

Установка на дополнительный характер рассматриваемого объекта является принципиальной для инициированного Л.Берта-ланфи «системного движения» [Исследования по общей теории систем, 1969], в рамках которого под системой понимается «...структурно организованный объект, в котором выделяются состояния, переходы, подструктуры и взаимодействия частей» [Анисимов, 1991, с.6]. Принцип системности, однако, не следует отождествлять с иерархическим распределением уровней организации, подразумевая, прежде всего, объединение подсистем, каждая из которых характеризуется совершенно определённым типом функционирования, что свидетельствует о полиструктурности объекта. Примыкающий к системному направлению методолог Г.Щедровицкий интерпретировал полиструктурность как составленность объекта из многих частных структур, находящихся во взаимодополнительных отношениях друг с другом. «...Системная проблематика и системное мышление, – писал Г.Щедровицкий, – существуют там и только там, где сохраняется несколько разных предметов, и мы должны работать с этими разными предметами, двигаясь как бы над ними и по ним, добиваясь связанного описания объекта при различии и множественности фиксирующих его предметов» [Щедровицкий, 1981, с.201]. Многообразие научных подходов объясняется во многом тем, что при изучении различных аспектов функционирования сходных объектов неминуемо формируются противоречащие методы, когда «каждое из этих направлений выделяет в исследуемом объекте <...> собственный предмет, а также вырабатывает задачи и принципы исследования (а на их основе и соответствующий теоретический язык), необходимые для адекватного познания именно этого предмета» [Косиков, 1977, с.44]. Системное движение, напротив, выступает за анализ всей предметной совокупности, рассматриваемой с позиции общей методологии.

0.2.1. Структурные регистры

Полиструктурность системы не может являться следствием произвольного установления, меняющегося в зависимости от интерпретативных предпочтений научного субъекта, поэтому в основу подразделения типов структуры следует положить чёткие разграничительные критерии. Подобная процедура позволяет ввести в сферу аналитического рассмотрения фундаментальное для иницилируемой методологической программы понятие структурного регистра, определяемого в качестве области схождения конечного числа измерений структуры, в которых производится её артикуляция. Представление системы в виде совокупности структурных регистров свидетельствует о принципиальной интенциональности научного исследования, воспроизводящего структуру объекта, в качестве которого выступает в данном случае повествовательный текст, лишь посредством наложения параметрической решётки. Системный подход к объекту, характеризующийся представлением о специфике его функционирования в аспекте полиструктурности, предполагает, таким образом, подразделение предметного поля посредством определённых процедур разграничения, результатом применения которых становится делимитация границ структурных регистров. Для выявления конечного числа структурных регистров следует зафиксировать основные измерения, в которых производится артикуляция структуры, в контексте чего значимым является классическое для лингвистики противопоставление синхронии, диахронии и панхронии, а также оппозиция статики и динамики. Введение параметров разграничения, соответствующих установившимся контрадикторным оппозициям, позволяет определить фиксированное число структурных регистров, при переключении которых происходит переход от одного предметного поля к другому, обеспеченных в нарратологии сложившейся номенклатурой понятий, пересматриваемой по ходу работы.

0.2.1.1. Панхрония / Синхрония / Диахрония

Начиная с «Курса общей лингвистики» Ф.Соссюра, принято различать синхронический и диахронический аспекты функционирования языковой структуры в соответствии с временным критерием: «...синхрония и диахрония будут соответственно обозначать состояние языка и фазу эволюции» [Соссюр, 1933 (1922), с.89]. Синхрония определяется как совпадение во времени образующих язык элементов; диахрония, подразделяющаяся, в свою очередь, Ф.Соссюром на проспективную и ретроспективную, отражает историческую модификацию языка или отдельных его компонентов. Представление, согласно которому любое диахроническое изменение устанавливает новое синхроническое отношение между элементами, Ф.Соссюр иллюстрирует на примере игры в шахматы, где взаимосвязи, устанавливающиеся между фигурами, преобразуются с каждым последующим ходом, меняя значение всех остальных фигур. «Каждое данное состояние языка, – писал Э.Бенвенист, – представляет собой прежде всего результат известного равновесия между частями структуры, <...> всякое повреждение, нанесённое в одной точке, нарушает всю систему отношений и влечёт за собой рано или поздно её перестройку в новую систему» [Бенвенист, 1974, с.39]. Не разделяя более задач сравнительно-исторической лингвистики, Ф.Соссюр призывал пренебречь диахронией в пользу изучения состояния языка, поэтому длительное время анализ синхронии выдвигался в качестве обязательного условия применения структуральной методологии. Создатель генетической эпистемологии Ж.Пиаже, однако, выступал против такой односторонней формализации данной категории, а Р.Якобсону, примирившему синхронию и диахронию, синтагматику и парадигматику в рамках структурного анализа, принадлежит заслуга реабилитации универсальности языковой структуры. Помимо синхронии и диахронии Ф.Соссюр выделял также панхронию, понимая под этим вневременную совокупность языковых предустановок.

0.2.1.2. Статика / Динамика

Параллельно противопоставлению синхронии и диахронии в структурализме происходит оформление оппозиции статике и динамике. Термины эти нередко интерпретировались как синонимичные, хотя, напр., уже Р.Якобсон в работе «Принципы исторической фонологии» писал: «Было бы серьёзной ошибкой утверждать, что синхрония и статика – это синонимы. Статический срез – фикция: это лишь вспомогательный научный приём, а не специфический способ существования» [цит. по: Лотман, 1974, с.4]. Хотя ещё И.Бодуэн-де-Куртенэ обратил внимание на отличие языка как комплекса грамматических категорий и языка как беспрерывно повторяющегося процесса, а Н.Хомской способствовал укоренению в лингвистическом сознании задач динамического описания языка, всё же содержательное различие статике и динамики стало осознаваться только с переосмыслением в постструктурализме оппозиции знаковой системы и семиотического процесса. В частности, «...структуралистское представление о неподвижных знаковых системах, в котором нет места главной характеристике семиозиса – динамике, было подвергнуто сокрушительной критике, и поворот от статике к динамике – это, собственно, и есть, поворот от структурализма к постструктурализму» [Бел, Брайсен, 1996 (1991), с.523]. Если классический структурализм, таким образом, предпочитал работать со статикой, и его методы в значительной степени бессильны при анализе динамики, то постструктурализм, напротив, хорошо себя зарекомендовал именно в случае анализа динамической структуры. Соотнесение оппозиции статика / динамика с тремя измерениями, зафиксированными Ф.Соссюром, даёт основание выделить шесть структурных регистров, а именно статическую и динамическую структуру в панхронии, синхронии и диахронии. Очевидно, что для целей построения комплементарной теории, в свою очередь, требуется привлечение как структуралистских, так и постструктуралистских методик описания.

0.2.2. Моделирование

Исследование нарративного текста не может ограничиваться исключительно разработкой понятийного аппарата и требует точного воспроизведения механизмов повествовательного развёртывания с помощью научного метода моделирования. Формализованная модель, структура которой изоморфна структуре объекта, замещает его в процессе изучения и, таким образом, разрабатывается как концептуальный образец для указания общей формы в различных феноменах, т.е. «...структурная модель используется для того, чтобы свести к однородному дискурсу несходный опыт» [Эко, 2004 (1968), с.370]. Для описания структуры в шести регистрах эпистемология накопила достаточный арсенал когнитивных моделей, к числу которых следует отнести матрицу, алгоритм, стемму, серию, бриколаж и ризому, разрабатывавшихся в удалённых друг от друга областях гуманитарного знания. Матрица, напр., использовалась в рамках актантной и фреймовой теории; стемма получила теоретическое обоснование в лингвистике Л.Теньера; модель алгоритма традиционна для теории информации и кибернетики; бриколаж, являясь разновидностью парадигматической модели, введён в обращение в этнологии К.Леви-Стросом; разрабатывавшаяся в эпистемологии Ж.Пиаже модель серии получила переоформление в постструктуралистских концепциях Ж.Лакана и У.Эко; ризома, сформулированная Ж.Делёзом, Ф.Гваттари, является неклассической моделью, научный статус которой ещё не определён. Сводная таблица размещает когнитивные модели, в соответствии с которыми построены все формулируемые в данной работе производные модели оперативного характера, согласно релевантности соответствующему структурному регистру (см. табл. 1). Противопоставление когнитивных и оперативных моделей подразумевает необходимость различать, напр., собственно модель матрицы и актантную модель как модель матричную, повествовательную модель и её формализацию в виде алгоритма и т.д.

Таблица 1:

	Статика	Динамика
Панхрония	МАТРИЦА	АЛГОРИТМ
Синхрония	СТЕММА	СЕРИЯ
Диахрония	БРИКОЛАЖ	РИЗОМА

0.2.2.1. Принцип фальсифицируемости

Традиционно указанные модели рассматривались по отношению друг к другу как фальсифицирующие. Характерным примером опровержения в нарратологии является заочная полемика К.Леви-Строса и В.Проппа, в рамках которой исследователи обменялись обоюдными критическими статьями. Иницируя в работе «Структура и форма» [Леви-Строс, 1985 (1960)] попытку ревизии результатов морфологии сюжета, К.Леви-Строс осуществляет её с позиции совершенно другой модели, имплицитно противопоставляя восходящую к матричной модели функциональную поэтику В.Проппа, принявшую впоследствии у А.-Ж. Греймаса форму актантной модели, свою парадигматическую модель, на которую в пределах данного текста распространяется понятие бриколажа. Впоследствии, в свою очередь, У.Эко, касаясь во «Введении в семиологию» поднятого К.Леви-Стросом в предисловии к первому тому «Мифологии» [Леви-Строс, 1999 (1964), с.29-33] вопроса о различии двух культурных установок, обозначаемых как «структурное мышление» и «серийное мышление», противопоставляет модель серии, актуализация которой иллюстрируется творчеством Дж.Джойса, П.Булёза и сюрреалистов, принципу структурности, под которым понимается вполне ограниченный набор структуралистских моделей, а именно набор вошедших в аналитический обиход под разными марками моделей парадигматических. В качестве ещё одного характерного примера доказательства и опровержения можно привести распространение в структуральной теории модели стеммы и последующую попытку её фальсификации с позиции модели ризомы Ж.Делёзом. Вместе с тем, под видом ризомы Ж.Делёз фактически выдвигает модель, описывающую функционирование текста лишь в одном структурном регистре, а именно динамической структуре в диахронии, что может послужить необходимым условием её последующего опровержения вследствие неадекватности применения к другим структурным регистрам.

0.2.2.2. Принцип дополнительности

Опыт научного познания подрывает сложившееся представление о возможности сведения исследуемого объекта к какой-либо единичной модели, что позволяло И.Пригожину озвучивать утверждение, согласно которому «...“реальный урок, который мы можем извлечь из принципа дополнительности <...>”, заключается в понимание того, что объективное “богатство и разнообразие реальности” не может быть исчерпывающе адекватно выражено средствами какого-то одного языка...» [цит. по: Постмодернизм, 2001, с.312]. Адекватное познание становится возможным только в том случае, если одновременно охватываются несколько способов полагания предметности, что позволяет представить отношения, в рамках которых одна модель потенциально опровергает другую, в качестве взаимодополнительных. Вместе с тем, число комлементарных моделей, используемых в аналитическом процессе, может не соответствовать классическому случаю принципа дополнительности Н.Бора, для экстраполяции которого на другие области знания нет достаточного основания. Чтобы определить число привлекаемых к анализу моделей, будем руководствоваться, апеллируя к системному подходу, представлением о полиструктурной организации объекта. Принцип дополнительности, таким образом, следует соотносить с полиструктурностью системы, обладающей, как было продемонстрировано, конечным числом структурных регистров, от исчисления которых зависит и количество используемых при анализе моделей. Предпринимаемое описание повествовательного текста с привлечением шести моделей следует считать исчерпывающим лишь в том смысле, что основанием для этого является равноценное число обнаруживаемых структурных регистров. Утверждение дополнительного характера аналитических моделей, однако, ещё не обеспечивает нас критерием приемлемости научного знания, т.к. требуется также оговорить конкретные области применения каждой модели.

0.2.2.3. Принцип релевантности

Отправной точкой данной работы является представление, согласно которому опровержение отдельных моделей мотивируется нарушением границ того предметного поля, к которому подобное моделирование применяется. В связи с тем что полиструктурность системы предполагает выделение комплекса структурных регистров и привлечение ряда комплементарных моделей, в качестве общезначимого критерия истинности научного знания следует постулировать принцип релевантности, в соответствии с которым для каждой модели ограничивается определённая область, в пределах которой её применение является адекватным. Результаты данного исследования демонстрируют, что принципу релевантности отвечает использование модели матрицы для описания статической структуры в панхронии, модели алгоритма – для описания динамической структуры в панхронии, модели стеммы – для описания статической структуры в синхронии, модели серии – для описания динамической структуры в синхронии, модели бриколажа – для описания статической структуры в диахронии, модели ризомы – для описания динамической структуры в диахронии. Формулируя оригинальную теорию, исследователь традиционного типа, однако, не обладал эффективными методиками, с помощью которых можно было бы точно определить допустимые границы её применения, и наделял модель статусом, позволявшим привлекать её к анализу произвольного числа гипотетических фактов функционирования изучаемого объекта. Кризисы фальсификации, в свою очередь, объясняются нерелевантностью применения модели в случае анализа того или иного структурного регистра, и опровержение тогда выступает как профилактика чрезмерного расширения предметного поля, в границах которого декларируется экспликаторность предлагаемой модели. Появление альтернативной теории, однако, не всегда ведёт к полной аннигиляции предшествующей, но продиктовано лишь требованиями дополнительности описания в условиях полиструктурности системы.

0.2.3. Процедура демаркации

В соответствии с принципом дополнительности в процессе анализа различных структурных регистров, разграничивающих предметное поле исследуемого объекта, необходимо пользоваться целым комплексом когнитивных моделей. Не придавая, однако, какой-либо из моделей, образующих инструментальный арсенал исследователя, привилегированный статус, нужно очертить для каждой в отдельности границы того предметного поля, в пределах которого её использование будет отвечать критерию релевантности. Согласно принципу релевантности, таким образом, границы научного знания проходят по делимитативным линиям структурных регистров, и объяснительная сила, или экспликаторность, модели не распространяется за пределы предметной области, соответствующей зоне её ответственности. Обобщая, можно заключить, что для исчерпывающего решения проблемы демаркации научного знания, регламентирующего условия адекватности использования моделей, следует руководствоваться набором принципов, которые могут быть оформлены в последовательную процедуру, фиксирующую общий методологический порядок анализа. Процедура демаркации научного знания, таким образом, включает: 1) принцип полиструктурности, определяющий измерения структуры, а также перечень структурных регистров; 2) принцип дополнительности, предполагающий привлечение комплементарных моделей, число которых соответствует количеству структурных регистров; 3) принцип релевантности, требующий ограничения для каждой модели области её применения соответствующим структурным регистром; и 4) принцип фальсифицируемости, в соответствии с которым опровергается нерелевантное использование модели. Дальнейший анализ, посвящённый собственно нарратологии, организован согласно указанным методологическим правилам и демонстрирует отношения релевантности структурных регистров и когнитивных моделей, по типу которых построены формулируемые в данной работе модели оперативного характера.

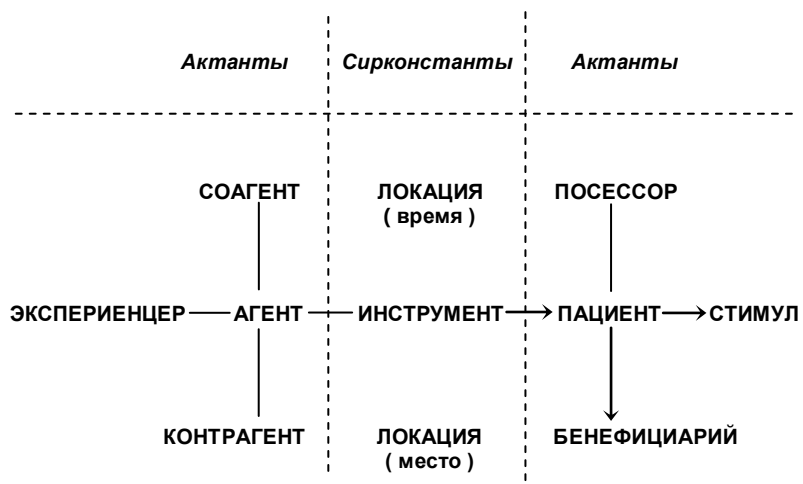
1. МАТРИЦА

1.1. ПАРТИЦИПАНТЫ

1.1.0. Модель партиципантов

Опирающиеся на опыт функциональной поэтики В.Проппа исследования в области структурной фольклористики [см.: Дандес, 2003 (1962); Проблемы структурного описания..., 1969], призванной изучать различные типы мифологических повествований, «...показали существование почти универсальных нарративных форм, которые, безусловно, значительно шире лингвистических границ языковых коллективов» [Греймас, Курте, 1983 (1975), с.503]. Предпринятая, однако, в рамках «Морфологии сказки» [Пропп, 1928] попытка покрыть ряд однотипных произведений однозначной последовательностью функций встретила справедливую критику в лице, напр., К.Бремона [Бремон, 1983 (1974)] и А.-Ж.Греймаса, предлагавшего рассматривать функции безотносительно к их синтагматическому размещению в тексте. Руководствуясь подобными представлениями, структурная поэтика сюжетосложения [см.: Мелетинский, 1969; Косиков, 1984], представленная именами А.-Ж.Греймаса [Греймас, 1985 (1966)], К.Бремона [Бремон, 1972 (1966)], Р.Барта [Барт, 1987 (1966)], Ц.Тодорова [Тодоров, 1978 (1968)], задалась целью дехронологизировать повествование, а именно выделить список ролевых позиций, образующих алфавит свободно комбинируемых единиц, выступающих в качестве ресурса для сборки. Соответственно, «если рассматривать семиотико-нарративные структуры как инвентарь форм, которые могут быть высказаны, то акт высказывания имеет целью отобрать те из них, в которых он нуждается, чтобы “стать тем или иным дискурсом”» [Греймас, Курте, 1983 (1975), с.493]. Аналитическое рассмотрение позволило ограничить число исходных ролевых элементов сюжета десятью партиципантами, представленными в виде модели (см. схему 1), задающей формообразующую матрицу события. Рассмотрим актантные категории, входящие в состав модели партиципантов.

Схема 1:

1.1.1. Актанты

По Л.Теньеру, актантами обозначаются непосредственные участники ситуации, т.е. «...живые существа или предметы, которые участвуют в процессе в любом качестве, даже в качестве простого статиста, и любым способом, не исключая самого пассивного» [Теньер, 1988 (1976), с.117]. Совмещая предложенную Л.Теньером классификацию актантов, состоящую из трёх больших синтаксических функций (агент, пациент, бенефициарий), со схемой акта речевой коммуникации Р.Якобсона (адресант – адресат), а также производя логизацию семиперсонажной схемы В.Проппа и шестиперсонажной схемы Э.Сурьо, А.-Ж.Греймас осуществляет перераспределение основных семантических ролей повествовательного текста в форме актантной модели, состав которой образуют позиции субъекта и объекта, помощника и противника, отправителя и получателя. В силу своей простоты и минимального актантного состава модель А.-Ж.Греймаса приобрела широкую известность, продемонстрировав, вместе с тем, и ограниченность своего применения в практике нарративного анализа. Определение оптимального числа исходных элементов сюжета, в качестве которых выступают партиципаны, или участники ситуации, требует доведения оперативной модели до состояния, удовлетворяющего, с одной стороны, условиям простоты и сводимости, а с другой стороны, делающего состав её конститутивных членов исчерпывающим для описания функционирования повествовательного текста. По отношению к актантной модели А.-Ж.Греймаса сформулированная выше модель партиципантов отличается: 1) наделением субъекта и объекта архиактантным статусом; 2) расщеплением и замещением некоторых актантных категорий; 3) увеличением числа образующих модель актантов; 4) включением в модель сирконстантов.

1.1.1.1. Агент / Пациент

Производя пересмотр категорий субъекта и объекта, интегрирующих в модели А.-Ж.Греймаса целый набор функций, следует, в первую очередь, выделить роли агента и пациента, подразумевая «...предмет (или существо), совершающий акт (действие) или подвергающийся действию» [Греймас, Курте, 1983 (1975), с.483]. В лингвистике Л.Теньера агент и пациент рассматриваются в качестве основных актантных категорий, предполагая, с одной стороны, участника ситуации, предпринимающего акт действия, что требует наличия необходимой потенции для его осуществления, и, с другой стороны, претерпевающего воздействие персонажа. В контексте теории сюжетосложения К.Бремона [Бремон, 1972 (1966)], формулируемой с целью описать логику повествовательных возможностей, «...пациент испытывает на себе влияние определённых процессов, агент является их инициатором, в частности, оказывает влияние на пациентов, меняя их (повествовательную) ситуацию (улучшая или ухудшая), либо сохраняя её (хорошей или плохой)» [Prince, 1988, с.4]. Под агентом в сюжетологии понимается, таким образом, активный производитель действия, иницирующий развёртывание события, осуществляющий управление ситуацией, контроль над её ходом. Пациент, напротив, занимает позицию претерпевающей стороны, представляя собой объект направленного воздействия, в результате которого происходит его изменение или перемещение. Функцию агента не следует, однако, смешивать с фигурой лица, получающего от этого действия выгоду, т.е. являющегося субъектом обращённого на объект желания, по отношению к которому реализуется в добровольной или принудительной форме посреднический акт действующего лица.

1.1.1.2. Посессор / Бенефициарий

Третьим актантом в теории Л.Теньера, таким образом, обозначается бенефициарий, или «...актант, в чью пользу или в ущерб которому совершается действие» [Теньер, 1988 (1976), с.124]. Фиксируя «...место того, кто испытывает на себе улучшение...» [Бремон, 1972 (1966), с.115], структурная поэтика сюжетосложения обозначает понятием бенефициария лицо, которое получает выгоду от направленного на объект действия, т.е. «...извлекает выгоду из результатов деятельности главного субъекта рассказа или вмешательства донатора (дарителя благ)» [Ильин, 1975, с.451]. Бенефициария, соотносимого с получателем, по В.Проппу, вспомогательного средства, следует, однако, отличать от посессора, представляющего собой фигуру, характеризующуюся способностью вступать с объектом в отношения обладания. Производная от отношений принадлежности процедура обмена фиксируется в том случае, если имеет место отчуждение имущества в пользу лица, притязающего на обладание объектом, либо добровольное перемещение предмета ценности от одного персонажа к другому. Исходя из этого А.-Ж.Греймас подводит бенефициария под понятие адресата, которым обозначается актант, получающий предмет в своё пользование в результате действия отправителя. Вместе с тем, А.-Ж.Греймас [Греймас, 2004 (1996), с.288-291] распространяет понятия адресанта и адресата на область не только обмена благами, включая различные формы символического обмена (напр. ритуалы дарения), но и обмена языковыми сообщениями, что является спорным утверждением, т.к. уже В.Пропп выводил коммуникативные отношения за пределы функциональной поэтики, указывая на необходимость формализовать их особым образом (см. § 2).

1.1.1.3. Соагент / Контрагент

Актант, соответствующий функции контрагента, обозначает лицо, оказывающее сопротивление действиям агента, или предмет, препятствующий успешности их осуществления. Соагент, напротив, оказывает пособничество актам действующего лица, представляя собой «...класс персонажей или персонифицированных сил, приходящих на помощь главному субъекту рассказа или вступающими с ним в союз» [Ильин, 1975, с.451]. Если контрагент, таким образом, занимает конфронтационную позицию, противоположную по направленности той, которую реализует агент, то соагент является распространителем его роли. Данные функции могут быть спроецированы на плоскость отношений обмена и обладания, образуемых у В.Проппа фигурами дарителя, который в теории сюжетосложения обозначается также понятием донора, или донатора, осуществляющего вложение (инвестирование) по отношению к другому персонажу, и вредителя, причиняющего ущерб, создавая ситуацию нехватки. Функция соагента указывает также на совместность производимого действия, которое не следует, однако, смешивать с актом коллективного (напр. парного) актанта, формулируемого А.-Ж.Греймасом в противоположность актанту индивидуальному. Когда «повествование, описанное в терминах межличностного конфликта, включает двух основных персонажей с разными целями: протагониста (или героя) и антагониста, или врага» [Prince, 1988, с.6], действия агента и контрагента следует рассматривать в контексте теории игр [см.: Нейман, Моргенштерн, 1970 (1953)], в которой конфликт образуется столкновением позиций игроков, а победа одной из сторон зависит от результативности содействий союзников и контракций противников.

1.1.1.4. Экспериенцер / Стимул

Дополняя актантную теорию действующих лиц «семиотикой состояний» [см.: Греймас, Фонтаний, 2007 (1991)], в модели партиципантов следует отвести место экспериенцеру, обозначающему участника ситуации, который испытывает определённое состояние под влиянием различных факторов. В лингвистической теории У.Чейфа, который собственно и ввёл в обращение данный термин, экспериенцером считается «...тот, чьё умонастроение или умственные процессы подвергаются воздействию» [Чейф, 1975 (1971), с.168]. Экспериенцером, таким образом, является лицо, находящееся в некотором физиологическом или эмоциональном состоянии, партиципант, внутреннее состояние которого в значительной степени зависит также и от внешнего окружения. Состояние экспериенцера может являться, в частности, реакцией на источник раздражения, обозначаемый понятием стимула. Стимул характеризует способность объекта, в качестве которого может фигурировать любое явление фикциональной действительности, выступать феноменом репрезентации. Актантное значение стимула, таким образом, соответствует понятию раздражителя, который является объектом регистрирующей внешние сигналы перцептивной способности другого участника ситуации. Формально соответствующий значению пациента стимул факультативно вводится в модель партиципантов с тем, чтобы отличать объект эмоционально-психической направленности от объекта физического воздействия. Введение актанта стимула объясняет также уместность проекции бихевиористической схемы на плоскость сюжетосложения, представленной в ряде теорий в виде бинарного блока «стимул – реакция».

1.1.2. Сирконстанты

Редуцированный к актантному уровню состав модели партиципантов не исчерпывает, однако, всю полноту сюжетных возможностей и должен быть дополнен значением обстоятельственной характеристики, которая сопровождает описание события. Разыгрываемый в предложении спектакль, который, по определению Л.Теньера, *homo loquens* даёт самому себе, предполагает, следовательно, не только действие и его участников, образующих совокупность базовых ролевых позиций акционального поля сюжета, но также сопровождающие событие обстоятельства: «...самая простая фраза уже представляет собой маленькую драму, включающую в себя процесс, акторов и обстоятельства» [цит. по: Рикёр, 2000 (1985), с.52]. В отличие от актантов, которые являются непосредственными участниками ситуации, сирконстанты представляют собой совокупность дополнительных элементов события, не связанных с ролевым значением активных действующих лиц сюжета. Вводя понятие сирконстантов, Л.Теньер наделяет их значением сопутствующих обстоятельств, в которых актуализируется событийный план действия: «Сирконстанты выражают обстоятельства (времени, места, способа и пр.), в которых развёртывается процесс» [Теньер, 1988 (1976), с.117]. Сирконстанты представляют собой, таким образом, типовые обозначения второстепенных компонентов ситуации, в качестве которых выступают инструмент, время, место. Для различения двух базовых сирконстантов сформулированной модели партиципантов следует зафиксировать понятия инструмента, т.е. предмета, с помощью которого действие осуществляется, и локации, выражающей значение времени и места действия.

1.1.2.1. Локация (место, время)

Выделяя базовые функции акционального поля волшебной сказки, В.Пропп оговаривает также функцию пространственного перемещения, выступающую частным случаем выражения локативного обстоятельственного значения. Локация, однако, не исчерпывается лишь топографией сюжета и определяет в целом пространственно-временную ориентацию события, маркируемую сирконстантами места и времени. Р.Барт, в частности, помимо ядерных функций и функций-катализаторов включает в свою модель так называемые информанты, «...позволяющие идентифицировать людей и события во времени и пространстве» [Барт, 1987 (1966), с.209]. Локация времени вводит в сюжет временной параметр характеристики, определяющий нахождение во времени предмета, действия, события. Локация места очерчивает пространственные границы, в пределах которых разворачиваются происходящие события, либо фиксирует объект, по отношению к которому определяется местоположение действующего лица или предмета. Ошибочно, однако, сводить представление о пространстве к категории, которая «...в литературном отражении действительности служит изображению фона событий» [цит. по: Тамарченко, 2004, с.142]. Обстановка, в которой происходит событие, не всегда является только нейтральным фоном сюжета по отношению к содержанию этих событий. Обстановка находится в прямой зависимости от характера ситуации и определяет также состав участников, их социальное поведение и проч. Следует отличать также собственно обстановку (напр. интерьер) от категории реквизита, т.е. компонентов обстановки, выступающих в качестве орудий действия.

1.1.2.2. Инструмент

В поздних версиях своей актантной модели А.-Ж.Греймас трактует категорию помощника более широким термином «вспомогательного средства», под которое подпадает как определение непосредственного соучастника событий, способствующего реализации действий агента, так и орудия, которое служит успешности их осуществления. В контексте полемической структуры состязания «...вспомогательное средство и противник представляют собой лишь проекции воли к действию и воображаемого сопротивления, оказываемого самим субъектом, которые оцениваются как благоприятные или пагубные по отношению к его желанию» [Греймас, 2004 (1996), с.260]. По К.Бремону, «устранение препятствия предполагает в свою очередь вмешательство факторов, действующих в пользу бенефициария, в качестве средств преодоления препятствия» [Бремон, 1972 (1966), с.116], обретению которых нередко предшествует их поиск. Если контрагент, таким образом, маркирует объективированную форму препятствия, с которым имеет дело действующее лицо, то инструмент обозначает в широком смысле некое средство, с помощью которого данная операция производится. Инструмент, в качестве которого может выступать также и часть тела, представляет собой физическую силу или предмет, привлекаемые как вспомогательное орудие для изменения положения участника ситуации. С помощью инструмента агент воздействует на другие объекты и производит то или иное акциональное действие. Инструмент, таким образом, играет важную роль в осуществлении процесса, но, не являясь его инициатором и производителем, не может относиться к актантной категории.

1.1.3. Грамматика / Лексика

Теоретические положения концепции В.Проппа были подвергнуты упомянутой критике со стороны К.Леви-Строса, усматривающего «...заблуждение формализма, состоящее в уверенности в том, что можно приступить непосредственно к грамматике и оставить в стороне лексику» [Леви-Строс, 1985 (1960), с.33]. Выступая за создание интегрирующей метатеории, Е.Мелетинский объясняет принципиальное разногласие этих двух авторов тем фактом, что «...В.Пропп был сосредоточен на специфике жанра сказки и на сюжетной синтагматике, а К.Леви-Строс – на специфике сказочно-мифологического мышления и на семантической парадигматике» [Мелетинский, 1977, с.155]. Несмотря на то что претензии К.Леви-Строса, учитывая работу В.Проппа «Исторические корни волшебной сказки» [Пропп, 1946], являлись не совсем оправданными, они выявили, вместе с тем, слабую сторону функциональной поэтики, а именно отсутствие соответствующего аналитического аппарата, способного адекватно формализовать «лексический компонент» значения. Осознавая ограниченность подобного одностороннего подхода к нарративу, некоторые представители структурной фольклористики, ориентируясь на дихотомию термов и функций, предлагали усматривать «...в структуре матричную форму, а в содержании – список социально-исторически обусловленных термов, способных её заполнить» [Маранда, Кёнгас-Маранда, 1985 (1976), с.202]. Эффективную формализованную модель дескрипции «лексического компонента», способного наполнять семантической конкретизацией те нарративные структуры, которые мы имеем в матрице партиципантов в виде наличных форм, предложил для анализа мифологического нарратива К.Леви-Строс (см. § 5.2.1.1).

1.2. ПАДЕЖИ

1.2.0. Падежная грамматика

Согласно образному выражению М.Фуко, «пригоршня типографских литер, которые могут лежать на моей ладони, или буквы на клавиатуре пишущей машины не образуют высказывания – это в лучшем случае инструменты, с помощью которых можно будет записать высказывание» [Фуко, 1996 (1969), с.87]. Подобно этому ахронная матрица партиципантов, воспроизводящая категориальную сетку значения, содержит набор наличных форм, образующих все потенциально возможные комбинации сюжета. Конституирующее для восприятия и текстопорождения значение стереотипных клише, способных укладывать действительность в формальные образцы, получило обоснование в теории фреймов [Минский, 1979 (1974); Ван Дейк, 1989], в соответствии с которой в распоряжении человеческого мышления находятся готовые формы представления предметов и явлений реальности, обеспечивающих адекватное распознавание содержания ситуации. Лингвистическое воплощение теории фреймов получила в падежной грамматике, основу которой составляет обнаружение за внешним разнообразием падежных систем мира универсального набора фундаментальных семантических категорий, или глубинных падежей, получающих манифестацию в поверхностных падежах, составляющих парадигму склонения, т.е., иными словами, «...исходная инстанция порождающей перспективы состоит из логико-семантических форм, на основе которых действием трансформаций порождаются поверхностные формы» [Греймас, Курте, 1983 (1975), с.523]. Хотя традиция Л.Теньера и Ч.Филлмора отличается от традиции А.-Ж.Греймаса в употреблении актантов [см.: Силантьев, 2004, с.129], в пределах данной главы совокупность глубинных падежей, выступающих показателями семантической роли, рассматривается как условие лингвистической формализации абстрагированной модели партиципантов.

1.2.1. Гиперроли

Осуществив попытку выстроить общую теорию, объединяющую семантические значения и грамматические показатели именных членов предложения, падежная грамматика, однако, строгих критериев для выделения глубинных падежей сформулировать не смогла, следствием чего стала произвольность типологий, опирающихся на интуитивные представления конкретных носителей языка. Вопрос о классификации глубинных падежей, таким образом, является до сих пор одним из наиболее спорных в падежной грамматике [см.: Кубрякова, Панкрац, 1985], а количество глубинных падежей в различных концепциях варьируется от 6-9-ти у Ч.Филлмора [Филлмор, 1981 (1968)] до 16-ти у В.Богданова [Богданов, 1977], 25-ти у Ю.Апресяна [Апресян, 1973] и более. Желая приостановить бесконечное дробление семантического значения и руководствуясь процедурами классификации, предполагающими выбор основания для разграничения и составление перечня выделяемых видов, следует провести, ограничив число вводимых падежей соответствующими правилами, повторную инвентаризацию падежной парадигмы, по итогам которой можно прийти к фиксированному набору типовых форм выражения значений партиципантов. В качестве основания для разграничения глубинных падежей обозначим соотнесённость поверхностных падежных форм с семантическими классами, для определения числа которых следует ввести оппозицию субъект / объект, столь же значимую для классификации падежного значения, что и базовая оппозиция актанта / сирконстанта. Субъект и объект являются, таким образом, более общими понятиями для целого класса партиципантов и соответствуют значению архиактантов, или, точнее, гиперролей, для выражения которых определяющую роль играет синтаксическая позиция.

1.2.1.1. Субъект

По А.-Ж.Греймасу, «термин актант связан с определённой синтаксической концепцией, согласно которой элементарное высказывание расчленяется на функции (такие, как субъект, объект, предикат) независимо от их реализации в синтагматических единицах...» [Греймас, Курте, 1983 (1975), с.484]. Актантное значение субъекта и объекта, исходным пунктом построения которых, по А.-Ж.Греймасу, выступает «пучок функций» [Греймас, 2004 (1996), с.273], не укладывается, однако, в представленное распределение ролевых позиций модели партиципантов, что предполагает помещение их на более высокий уровень генерализации. Субъект представляет собой гиперроль, под которую подпадают различные семантические содержания, объединяемые значением инициатора направленной на объект активности. В соответствующей отражаемой ситуации базовой семантической структуре субъектом является производитель действия, а также носитель терминального состояния. Выражением функции субъекта в предложении выступает синтаксическая позиция подлежащего, в связи с чем ряд исследователей подчеркивает центральное положение субъекта по отношению к периферийному положению объекта. Распространение в языкознании концепции, указывающей на привилегированный статус субъекта, обусловлено, однако, лишь тем, что подлежащее, актуализирующее в пропозиции семантическую роль субъекта, выполняет двойную функцию, будучи призвано обслуживать также и нарративные инстанции, реализующие коммуникативные отношения в тексте. Действительно, сказуемое, согласно Т.Алисовой [Алисова, 1971, с.14], сохраняет грамматический показатель субъекта даже в тех случаях, когда позиция подлежащего исключена, однако маркер этот имеет дейктический характер (см. § 2.2).

1.2.1.2. Объект

Если в теории В.Проппа развёртывание сюжета производится по отношению к фигуре искомого персонажа, вокруг которого завязывается основной конфликт и группируются заинтересованные в том или ином результате лица, то А.-Ж.Греймас интерпретирует категорию объекта в значении прежде всего объекта обладания, подразумевая также, что «...отношение между субъектом и объектом, до конца не удавшееся уточнение которого стоило нам столько трудов, в обоих вариантах обнаруживает идентичную смысловую нагрузку, обозначаемую как “желание”» [Греймас, 2004 (1996), с.255]. Актантная модель А.-Ж.Греймаса, таким образом, «...целиком ориентирована на объект желания, определяемый субъектом и помещённый в качестве объекта коммуникации между адресатом и адресантом, притом что желание субъекта, со своей стороны, изменено в соответствии с проекциями вспомогательного средства и противника [Там же, с.260]. Оставляя в стороне специфику жанра сказки, можно заключить, что категория объекта, объединяющая у А.-Ж.Греймаса широкое поле актантного значения, интегрирует в себе функции, по крайней мере, объекта направленной деятельности субъекта и источника его терминального состояния. Более формальная дефиниция данной категории позволяет представить объект в качестве гиперроли, обозначающей класс партиципантов, которые являются носителями акционального статуса, обусловленного поведением активного участника ситуации. В зависимости от отнесения объекта к категории актантов или сирконстантов, данная категория будет выражена формами дополнения или обстоятельства, т.е. теми синтаксическими позициями, которые заполняют в составе предложения объектный компонент значения, связанный с подлежащим фиксированным отношением.

1.2.2. Семантические классы

Грамматические падежи и участники ситуации соответствуют друг другу не случайным образом, и каждый падеж можно рассматривать как репрезентацию определённого партиципанта, как маркер его семантического значения. Падежная парадигма языка, таким образом, вполне удовлетворяет описанию семантических категорий, а значения партиципантов имеют типовые падежные формы выражения, распределяющиеся в соответствии с принадлежностью тому или иному семантическому классу. Соотнесение областей значения, разграничиваемых по признаку актантности / неактантности и субъектности / объектности, т.е. наиболее фундаментальных оппозиций, структурирующих поле значения, даёт основание выделить три семантических класса (актанты-субъекты, актанты-объекты, объекты-сирконстанты), манифестацией которых в предложении обычно выступает синтаксическая позиция подлежащего, дополнения и обстоятельства. Сопоставление наличествующих в языке грамматических падежей с каждым семантическим классом позволяет выделить девять глубинных падежей, т.е. закреплённых за каждым грамматическим падежом значений, соответствующих зафиксированным в модели партиципантам (см. табл. 2). Выступая эквивалентом обозначения грамматического падежа, используемого для выражения роли определённого партиципанта в том или ином семантическом классе, форма глубинного падежа, вместе с тем, должна включать также и синтаксические показатели соответствующего члена предложения. Глубинный падеж, таким образом, является лишь более точным определением реализующей значение партиципанта языковой формы, образованной путём совмещения двух типов лингвистических показателей: грамматического падежа и синтаксической позиции.

Таблица 2:

Семант. класс Грам. падеж:	Актанты- субъекты	Актанты- объекты	Объекты- сирконстанты
Им.	АГЕНТИВ	---	---
Род.	ПОСЕССИВ	---	---
Дат.	ЭКСПЕРИЕНСИВ	БЕНЕФИЦИАТИВ	---
Вин.	---	ПАЦИЕНТИВ	---
Твор.	СОАГЕНТИВ	КОНТРАГЕНТИВ	ИНСТРУМЕНТАТИВ
Пред.	---	---	ЛОКАТИВ

1.2.2.1. Актанты-субъекты

Класс актантов-субъектов, получающий в пропозиции форму подлежащего, охватывает грамматические значения целого ряда падежей, кодирующих участников ситуации, характеризующихся функциями действия, состояния, принадлежности. Форма именительного падежа является привилегированной для выражения класса актантов-субъектов и кодирует, соответствуя в данном классе понятию агента, значение активного действующего лица, выступающего в качестве инициатора события. Согласно В.Богданову, в частности, «агентив характеризует семантему активного одушевлённого производителя действия» [Богданов, 1977, с.52]. Форма родительного падежа, обозначаемая в данном семантическом классе понятием посессива, кодирует значение партиципанта посессора, реализующего функции принадлежности и обладания. Значение экспериенцера, соответствующего субъекту эмоционального и психологического состояния, ощущения которого затрагиваются внешним раздражителем, кодируется дательным падежом, обозначаемым в качестве экспериенсива для выражения значения данного партиципанта в категории актантов-субъектов. Согласно В.Богданову, напр., «экспериенсив описывает семантему одушевлённого аргумента, находящегося в некотором физиологическом или психическом состоянии...» [Там же, с.53]. Соагентив, выражаемый в классе актантов-субъектов творительным падежом, имеет в первую очередь значение совместности и маркирует лицо, вступающее во взаимодействие с другим участником ситуации, являясь, таким образом, активным соучастником действия.

1.2.2.2. Актанты-объекты

Грамматическим выражением класса актантов-объектов служит синтаксическая позиция дополнения, в роли которого выступает имя существительное в косвенном падеже, т.е. второстепенный член предложения, обозначающий объект в каком-либо отношении к действию или предмет, затрагиваемый действием. Дательный падеж в категории актантов-объектов кодирует позицию заинтересованного лица, или бенефициария, и обозначается в этом классе понятием бенефициатива (или адресатива). Согласно В.Богданову, «бенефициатив относится к семанте одушевлённого аргумента, выступающего в функции адресата, получателя или вообще того, в пользу или в ущерб кому совершается действие» [Там же, с.53]. Бенефактивный адресат представляет собой объектный компонент отношений обмена и, являясь воспринимающей стороной, выступает обязательным участником процедуры переноса. Винительный падеж, кодирующий в данном классе позицию пациента, или объекта, претерпевающего некоторое воздействие со стороны активного деятеля, обозначается пациентивом, который, по В.Богданову, «...характеризует семантему одушевлённого аргумента как объект действия, состояния или отношения» [Там же, с.52]. Под определение пациентива В.Богдановым подпадает и значение стимула, который, выступая источником эмоционально-психического состояния субъекта, также кодируется винительным падежом. Творительным падежом в классе актантов-объектов кодируется контрагентив, маркирующий объективированную форму препятствия, оказывающего сопротивление сторонним воздействиям.

1.2.2.3. Объекты-сирконстанты

Категория объектов-сирконстантов соотносится с лингвистическим понятием обстоятельства, служащего для выражения класса объектов, не реализующих функции действующих лиц, т.е. лишённых признака актантности. Творительному падежу в классе объектов-сирконстантов соответствует инструментатив, который, по В.Богданову, «...характеризует семантему аргумента как орудие или инструмент» [Там же, с.54], т.е. выражающий предмет, вовлечённый в действие в качестве орудия. Предложный падеж, в силу исторической преемственности древнерусскому «местному падежу», первоначально обозначавшему место, где совершается действие, и время, когда оно происходит, кодирует в классе объектов-сирконстантов партиципанта, который определяет обстоятельственную характеристику события, а именно пространственную ориентацию местоположения и временную локацию предмета, действия, ситуации. По Ч.Филлмору, в частности, локатив представляет собой «...падеж, которым характеризуется местоположение или пространственная ориентация действия или состояния, называемого глаголом» [Филлмор, 1981 (1968), с.406]. Более широкий диапазон локативных форм пространственного местоположения, который содержится в типологии Ю.Апресяна [Апресян, 1973], включающей, напр., значение начальной и конечной точки, а также маршрута, является результатом производных модификаций. В целом же процесс дробления ролевого значения, обусловленный действием в пределах повествовательного высказывания актантных трансформаций, рассматривается далее (см. § 6.2.2.1).

1.2.3. Глубинные и поверхностные падежи

Совмещение актантной модели с падежной грамматикой предполагает, однако, отказ от такого логоцентрического способа противопоставления в лингвистике поверхностных и глубинных падежей, согласно которому грамматические падежи, посредством которых ролевая структура манифестируется в тексте, являются лишь нейтрализацией глубинных отношений. Возможность выражать превосходящий число грамматических падежей спектр значений достигается за счёт соотнесения падежной парадигмы с тем или иным семантическим классом, реализацией которого в предложении выступает синтаксическая позиция. Усматривая определённое соответствие грамматической инфраструктуры и семантической категоризации, следует подчеркнуть, что совокупность грамматических форм, используемых языком для выражения различных участников ситуации, не исчерпывает всего поля значения, оставляя за пределами сферу лексической семантики, описание которой требует обращения к другой когнитивной модели. В отличие от лексического историческая модификация грамматического значения протекает крайне медленно и является фактически отражением наиболее общей для носителей языка семантической категоризации действительности, зафиксированной в падежах и синтаксисе предложения. Следует также добавить, что разграничение общих и частных (относительных) значений грамматических категорий, отражающееся в различии грамматического значения падежей и шифтеров как двойственных перекрывающихся структур отличает имя существительное от глаголов и местоимений (см. § 2.2).

2. АЛГОРИТМ

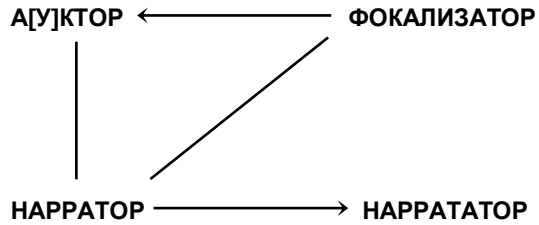
2.1. ИНСТАНЦИИ

2.1.0. Нарративная модель

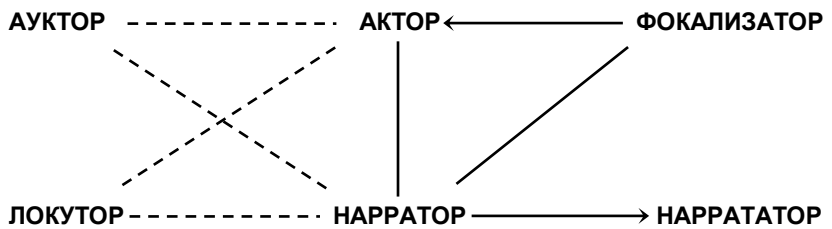
Оформление нарратологии как самостоятельной отрасли гуманитарного знания связано с возникновением и развитием теории информации [см.: Шеннон, 1963 (1950)] и кибернетики [см.: Винер, 1983 (1961)], повлиявших на распространение в области поэтики представлений о коммуникативной природе искусства [см.: Anderegg, 1973]. Исходным пунктом нарратологических поисков явилась предложенная Р.Якобсоном схема акта коммуникации «адресант – адресат» [Якобсон, 1975 (1960), с.198], стимулировавшая дальнейшие попытки развёрнутого описания коммуникативных отношений в тексте. Влиятельным положением нарратологии стало терминологическое разграничение в формализме фабулы и сюжета, или, по Ц.Тодорову, опиравшееся, в свою очередь, на Э.Бенвениста, оппозиции истории и дискурса, детализированной впоследствии в теории С.Чэтмена [Chatman, 1978]. Значимую роль в становлении теории повествования сыграло оформление концепции «точки зрения», систематизированной в книге «Искусство прозы» П.Лаббока [Lubbock, 1931] и в теории фокализации Ж.Женетта, призванной исследовать проблему перспективы, а также те формы нарративного присутствия, которыми наделяется в тексте субъект восприятия. Опуская рассмотрение выдвинутых моделей повествования, подробное изложение которых представлено, напр., в статье И.Ильина «Между структурой и читателем», следует выделить предложенную М.Баль схему коммуникативных уровней [см.: Ильин, 1985, с.160], в которой получила признание инстанция фокализатора, фиксирующая точку зрения воспринимающего субъекта. Являясь вполне репрезентативным образцом, демонстрирующим стратегию повествовательного развёртывания, схема М.Баль предоставляет, однако, возможности для её существенной редукции, результатом которой отчасти и является представленная в двух вариантах модель (см. схему 2: а, б).

Схема 2:

а)

б)

2.1.1. Нарративные инстанции

Подобно другим повествовательным моделям представленная содержит нарратора и наррататора, обеспечивающих прямую коммуникацию в тексте. Вместе с тем, модель включает в свой состав ряд других нарративных инстанций, в частности, следуя подходу М.Баль, в схеме повествования отражен также носитель точки зрения, или фокализатор, закрепляющий положение воспринимающего субъекта по отношению к объекту рецепции, в качестве которого выступает актер, или действующее лицо референтного мира, преобразующийся в ауктора в случае референции события рассказывания. В модели М.Баль, в которой фокализатор координируется с инстанцией «имплицитного “зрителя”», образуя с ним отдельный нарративный уровень, «каждая инстанция (т. е. нарратор, фокализатор и актер) осуществляет переход из одного плана в другой – актер, пользуясь действием как материалом, делает из него историю; фокализатор, выбирающий действия и точку зрения, с которой он их излагает, делает из них наррацию» [цит. по: Шмид, 2003, с.114]. Напротив, представленная нарративная модель содержит уровни а[у]ктора – фокализатора и нарратора – наррататора, предполагающих различные каналы связи и способы взаимодействия участников коммуникативной ситуации. Помимо базовых инстанций нарративная модель факультативно включает в свой состав также инстанцию локутора, соответствующего нарратору, высказывание которого функционирует в качестве перформатива. Если ауктор, таким образом, является субститутутом нарратора в диегезисе, подразумевая измерение, относящееся к повествуемому миру, то локутор, напротив, является своеобразной реализацией в экзегезисе, т.е. в измерении, относящемся к самому акту повествования, полномочий действующего лица (актора).

2.1.1.1. Нарратор / Наррататор

Образуя указание на речевого субъекта, инициирующего повествовательное высказывание, нарратор, который традиционно считался центральным понятием теории повествования, должен быть дополнен также фигурой адресата, вводимого в нарратологию Г.Принсом под наименованием наррататора: «все повествования, <...> рассказывают ли они историю или просто пересказывают последовательность действий во времени, предполагают не только как минимум одного нарратора, но и как минимум одного наррататора, наррататор – это некто, к кому обращается нарратор» [Prince, 1980, с.7]. Предпринятое в рамках нарратологии исследование дискурсивных взаимодействий в произведении восходит, однако, не только к оформлению Р.Якобсоном модели коммуникации. Важную роль в этом процессе сыграла также концепция диалогизма, представленная работами Л.Якубинского [Якубинский, 1923], который позиционировал монологические и диалогические речевые структуры, а также текстами М.Бахтина, противопоставлявшего полифонию монолизму и настаивавшего, в частности, на активной роли читателя в организации произведения. Признанный последователь М.Бахтина Б.Корман формулирует в контексте своего противопоставления субъектной и объектной организации литературного произведения понятие конципированного читателя, противопоставляемого читателю реальному. Согласно Б.Корману, «процесс восприятия произведения реальным, биографическим читателем есть процесс формирования читателя как элемента эстетической реальности» [Корман, 1977, с.512]. Подобно Г.Принсу, создавшему словарь нарратологии [Prince, 1988], Б.Корман отметил авторством экспериментального словаря [Корман, 1981], претендующего на описание корпуса нарратологических терминов.

2.1.1.2. Фокализатор

Понятие фокализации ввёл в научное обращение в работе «Повествовательный дискурс» Ж.Женетт [Женетт, 1998 (1972), Т.2, с.206], желая, во-первых, различить «голос» повествования и его «модус», понимаемый как способ регулирования нарративной информации, во-вторых, объединить работу всех, помимо визуальной, разновидностей репрезентации. По Ж.Женетту, фокализация фиксирует точку зрения, которая организует нарративную перспективу, и определяет «фокус наррации», в соответствии с которым производится «...ограничение поля, т.е. выбор нарративной информации по отношению к тому, что обычно называется “всеведение”» [цит. по: Шмид, 2003, с.112]. Обоснование Ж.Женеттом понятия фокализации стало принципиальным этапом реконструкции повествовательной структуры и привело к последующей легализации М.Баль в качестве полноценной инстанции «фокализатора», а также появлению специфического объекта «фокализуемого», изображаемого, мира. Последующие экспликации М.Баль, несмотря на критическое отношение самого Ж.Женетта, способствовали введению особого уровня, так или иначе закрепившегося в современной нарратологии, что позволило легализовать точку зрения и её носителя, фокализатора, в рамках повествовательной модели. Возводя данную инстанцию в статус отправителя нарративной информации, в качестве получателя которой выступает «имплицитный “зритель”», М.Баль производит, однако, неадекватную квалификацию роли фокализатора в повествовательной модели. Природа фокализации как явления, отражающего рецептивную способность субъекта восприятия, позволяет признать за фокализатором статус получателя информации, идентичный тому, который М.Баль приписывает «имплицитному “зрителю”», совместив, таким образом, две дублирующие инстанции в одной.

2.1.1.3. Актор / Ауктор

Под влиянием А.-Ж.Греймаса, который подчёркивал металингвистический статус актанта по отношению к сменяющим друг друга персонажам сюжета, понятие актора обычно интерпретировалось как «конкретизация актанта на уровне нарративной поверхностной структуры» [Prince, 1988, с.3]. Представленная модель повествования, которая включает фокализатора, предполагающего в качестве своего дополнения указание на объект рецепции, и нарратора, состоящего в некотором темпоральном отношении с объективной референцией, позволяет обосновать значение актора несколько иным образом. Пересмотр этот вызван тем, что в модели повествования референция различных инстанций, т.е. нарратора, наррататора и фокализатора, определяется именно по отношению к актору, заполняющему в позиции актантную форму субъекта. Инстанция актора, таким образом, представляет собой проекцию принадлежащего референтному полю повествования действующего лица на плоскость дискурсивных взаимодействий нарративной модели. Желая избежать понятийного смешения, следует обозначать данную инстанцию понятием ауктора в тех случаях, когда совершаемое актором действие, составляющее содержание повествовательного высказывания, в свою очередь, носит характер рассказа. Определенное повествовательного акта осуществляется с целью придания событию рассказывания референтного статуса, значимого также в отношении объединения различных уровней референции в пределах повествовательного монтажа (см. § 4.1.2.2). Несмотря на то что полное отождествление нарратора и ауктора являлось бы ошибкой, данные инстанции следует считать взаимоконвертируемыми, т.к. ауктор выступает, по сути, представителем инстанции нарратора в диегезисе.

2.1.1.4. Локутор

Перформативное высказывание, описание которого предпринял Дж.Остин [Остин, 1999 (1962)], не являясь простым повествованием о событиях, используется для осуществления действия, будучи равносильным ему: «Произнося перформативное высказывание, мы всегда осуществляем некоторый акт, или, что то же самое, выполняем некоторое действие, которое, видимо, едва ли смогли бы выполнить каким-то другим способом...» [Остин, 2004 (1963), с.23]. Формулируя понятие перформатива в контексте прагматического значения, Дж.Остин противопоставляет его констатирующему утверждению, которое может обладать свойствами истинности или ложности. Напротив, важнейшим критерием оценки перформативного высказывания является успешность, обуславливаемая обстоятельствами производства речевого акта и полномочиями говорящего лица, а также его желанием исполнять взятые на себя обязательства. Инстанцию, ответственную за производимое высказывание, следует обозначить понятием локутора, под которым понимается, по О.Дюкро, тот, кто несёт ответственность за высказанное в силу самого высказывания или, по крайней мере, ответственен за акт произнесения высказывания. Дж.Остин в пределах перформативного высказывания различал собственно локутивный аспект, фиксирующий действие самого говорения, иллокутивный аспект, характеризующийся полномочиями говорящего, и перлокутивный аспект, направленный на оказание влияния через речь. Разделяя представление Дж.Остина и его последователей [см.: Стросон, 1986 (1964); Сёрль, 1986 (1965)] по поводу конвенционального статуса перформатива, Ж.Деррида [Деррида, 1996 (1972)], рассматривавший перформатив в интертекстуальном аспекте прагматики дискурса, указывал, вместе с тем, на феномен повторяемости его воспроизводства в пространстве культуры.

2.1.2. Нарративная типология

Проблеме нарративной типологии посвящены многочисленные исследования [см.: Западное литературоведение..., 2004, с.277-280], напр., развивающие традицию П.Лаббока работы У.Бута [Both, 1974] и Н.Фридмана [Friedman, 1974]. Другие классификации, основанные, в частности, на степени выявленности нарратора в тексте (имплицитный, эксплицитный), а также степени его персонификации (реальный, абстрактный, конкретный и т.д.) определяют для каждого типа коммуникации обособленный повествовательный уровень. Так, модель вертикального разреза повествовательной структуры В.Шмида [Шмид, 2003, с.24], получившая классификационное разграничение у Х.Линк [Link, 1976, с.25], транспонирует отношения нарратор / наррататор на всё более глубокие уровни повествования, включая помимо вне-текстового уровня коммуникации также внутритекстовый уровень абстрактной коммуникации, внутритекстовый уровень фиктивной коммуникации, а также уровень «мира в тексте», образуемый коммуникациями персонажей. Более перспективный подход представлен традицией Ф.Штанцеля [Stanzel, 1964], который выделял три типа повествовательных ситуаций, а именно: 1) аукториальную ситуацию, когда повествователь сохраняет дистанцию по отношению к событиям; 2) нейтральную ситуацию, когда повествователь устраняется; а также 3) я-повествование. Формулируемая ниже нарративная типология оперирует терминологией Ж.Женетта, предполагая, однако, установление чёткого критерия для классификационного разграничения нарративных типов, в качестве которого избран критерий идентификации нарратора с другими инстанциями нарративной модели. Типология, вместе с тем, оставляет в стороне случаи определения наррататора в качестве фиктивного партнера автокоммуникации, при которой устанавливается идентичность нарратора и наррататора, т.е. когда речь повествователя обращена к самому себе.

2.1.2.1. Гетеро- и гомодиегетический нарратор

По утверждению Л.Долежеля, «нарратор может брать на себя функцию действия, становясь активным агентом повествуемых событий. Проще говоря, нарратор может быть идентифицирован с одним из действующих лиц события» [Doležel, 1973, с.7]. Нарратор, идентифицируемый с одним из персонажей сюжета, обозначается, в соответствии с терминологией Ж.Женетта, в качестве гомодиегетического нарратора, противопоставляемого нарратору гетеродиегетическому: «Будем различать здесь два типа повествования: одно – с повествователем, отсутствующим в рассказываемой им истории <...>, другое – с повествователем, присутствующим в качестве персонажа в рассказываемой им истории <...>. Первый тип я называю, по очевидным причинам, гетеродиегетическим, а второй тип – гомодиегетическим» [Женетт, 1998 (1972), Т.2, с.254]. В случае гомодиегетического нарратора, для обозначения спецификации которого С.Бройтман предложил использовать понятие «рассказчика», повествовательное высказывание фиксирует две инстанции одновременно: «...под рассказчиком мы будем понимать лицо (субъекта речи), которое замещает автора в качестве носителя повествования, но является и изображающим, и изображённым...» [Теория литературы, 2004, Т.2, с.236]. Случаю гомодиегетического повествователя, при котором нарратор идентифицируется с актором, следует противопоставлять ситуацию, когда нарратор посредством осуществления иллокутивного акта является одновременно и производителем действия. Статус нарратора, высказывание которого является перформативным, т.е. функционирует в качестве акта полномочного лица, локутора, требует отдельного обозначения, в связи с чем можно предложить понятие собственно диегетического нарратора, противопоставляемого нарратору экзегетическому, нарратору в чистом виде.

2.1.2.2. Экстра-, интра- и метадиегетический нарратор

При отсутствии идентичности наличествующих в высказывании инстанций нарратора и ауктора, следует различать, используя терминологию Ж.Женетта [Женетт, 1998 (1972), Т.2, с.239], нарратора экстрадиегетического и интрадиегетического соответственно. Разграничение экстра- и интрадиегетического нарраторов более продуктивно по сравнению с бесконечным исчислением первичного, вторичного и т.д. нарраторов Б.Ромберга, уместным разве что применительно к количественному учёту вставных конструкций. Метадиегетический статус, под которым Ж.Женетт понимает повествование в третьей степени, следует приписывать нарратору, позиционируя это определение оригинальной трактовке, в случае его идентификации с ауктором. Фигуры метадиегетического и гомодиегетического нарратора, таким образом, принадлежат одному порядку и обслуживаются одними и теми же лингвистическими средствами (см. § 2.2.2). Выбор метадиегетического нарратора свидетельствует о персонализации повествования, в котором нарратор заявляет о своём присутствии посредством использования личной формы. Подобные случаи идентификации, однако, не дают основания смешивать лицо («я-повествующее»), которое производит высказывание, с персонажем («я-повествуемое»), по поводу которого ведётся речь. Так, Ц.Тодоров указывал на «...ложное отождествление “я” персонажа-рассказчика с настоящим субъектом процесса повествования. Как только субъект процесса высказывания становится субъектом событий, о которых идёт речь, это уже не тот же самый субъект высказывания» [Тодоров, 1975 (1973), с.76]. Аналогичным образом Ж.Лакан в связи с проблемой расщепления субъекта обращал внимание на то, «...что “я”, совершающее акт высказывания, “я” акта высказывания, вовсе не совпадает с “я” самого высказывания...» [Лакан, 2004 (1973), с.149].

2.1.2.3. Фокализованный и нефокализованный нарратор

Отнюдь не любое проявление языковой индивидуальности, как это постулируется, напр., в «Поэтике композиции» Б.Успенского [Успенский, 1970], следует трактовать в пользу присутствия в тексте точки зрения. В числе выводимых исследователем разновидностей формально можно зафиксировать лишь пространственную точку зрения, определяющую положение наблюдателя по отношению к объекту восприятия. Чрезмерное расширение содержательных границ понятия точки зрения объясняется тем фактом, что речь повествователя в литературоведении рассматривается в неотъемлемой связи с его идеологически и аксиологически мотивированной интерпретацией, т.е. с позиции персонифицированного обладателя ментальной «точки зрения». Согласно В.Тюпа, напр., в повествовательном тексте «...событие неотделимо от его пристрастной интерпретации в качестве значимого (для кого-то) деяния или происшествия» [Тюпа, 2001, с.20]. Отождествление фокализатора и нарратора является, однако, совершенно иллюзорным в виду принципиального отличия функций, которые выполняют данные инстанции в пределах нарративной модели. Введённое П.Лаббоком разграничение аспекта показа и рассказа, в частности, свидетельствует о том, что нарратор может излагать историю безотносительно к принятию той или иной точки зрения. Данный случай позволяет противопоставить нарратора, не присутствующего при происходящих событиях, и нарратора-очевидца, выступающего непосредственным свидетелем повествуемой ситуации. Нарратора-очевидца следует считать фокализованным как в случае совпадения позиций нарратора и фокализатора в пространстве, так и в случае, если нарратор придерживается точки зрения несовпадающего с ним в пространственном положении наблюдателя, выступающего реципиентом происходящих событий.

2.1.3. Интерсубъективность

Интерсубъективный статус модели обусловлен её соответствием некартезианской модели субъекта, получившей теоретическое обоснование в концепции психоанализа. Инициированный деятельностью З.Фрейда пересмотр классического представления о субъекте был продолжен в теории субъективности Ж.Лакана, опиравшегося, в свою очередь, на лингвистические концепции Р.Якобсона и Э.Бенвениста. Обобщая свои представления в этой области, Ж.Лакан в рамках второго семинара [Лакан, 1999 (1978), с.349] демонстрирует модель субъекта, распределение инстанций которой соотносимо с составом сформулированной нарративной модели. Находящаяся в прямой зависимости от лакановской теории субъективности представленная интерсубъективная модель повествования охватывает различные инстанции коммуникативного процесса, одновременно задавая координаты нарративных инстанций в пределах речевого акта, что позволяет воспроизводить структуру коммуникации без пересечения границ речевого субъекта, а также транспонировать её в сознание конечного потребителя текста. Однако, описание аппарата повествования, исчерпывающееся представленной выше схемой, создавало бы впечатление, что при порождении дискурса субъект высказывания принимает различные роли, заполняя лакуны, предоставленные в распоряжение повествовательной структурой. Это указывало бы на матричный характер модели и противоречило бы собственно логике Ж.Лакана, который отказывался видеть в субъекте «пустую лохань». Напротив, роль повествования в высказывании сводится вовсе не к определению позиций, способных быть занятыми повествовательными инстанциями, а исключительно к регулированию режимов референции посредством использования специальных лингвистических средств, выполняющих функцию операторов.

2.2. ШИФТЕРЫ

2.2.0. Операторы повествования

Нарративная модель функционирует подобно кибернетической машине, обеспечивающей циркуляцию дискурсивных потоков внутри системы, регулирование которых происходит посредством специальных лингвистических средств, а именно шифтеров, выполняющих функцию операторов повествования. Заслуга в актуализации недооценённого в лингвистике понятия shifters (переключателей) принадлежит Р.Якобсону [Якобсон, 1972 (1957)], который подверг данную языковую область детальной разработке. Шифтер имеет референтную соотнесённость и является «аутореферентным», отсылая к самому акту высказывания: «Общее значение грамматической формы, именуемой “шифтер”, отличается тем, что в состав её общего значения входит ссылка на данный речевой акт, т.е. на речевой акт, в состав которого включена эта форма. Так, напр., прошедшее время – “шифтер”, потому что буквальное значение прошедшего времени – это указание на событие, предшествующее данному речевому акту» [Якобсон, 1996, с.236]. В качестве шифтеров могут выступать местоимения, наречия, глагольные суффиксы, а также другие языковые средства, в частности, «...в лингвистическом отношении слово “последних” является шифтером (включателем): это слово соотносит рассказываемую историю с положением рассказчика во времени, тем самым усиливая непосредственность воздействия рассказываемой истории» [Барт, 1989 (1973), с.438]. Шифтеры можно подразделить на операторы, устанавливающие реляцию нарративных инстанций, и операторы, осуществляющие их корреляцию. Роль шифтеров, выполняющих функцию переключателей, заключается, таким образом, в установлении реляции различных референтов, корреляции режимов референции, а также в образовании кореференции.

2.2.1. Операторы реляции

Присутствие в речи операторов реляции, реализующих функцию двойной референции, определяется функционированием различных форм дейксиса: «Дейктическим называется такой элемент, который выражает идентификацию объекта – предмета, места, момента времени, свойства, ситуации – через его отношение к речевому акту, его участникам или контексту» [Падучева, 1996, с.245]. Предпринимая акт высказывания, субъект речи фиксирует пространственно-временную ориентацию повествовательных инстанций по отношению друг к другу, маркировав её соответствующими показателями временного и пространственного дейксиса, сопровождаемого, если имеет место не только вербальная коммуникация, определёнными указательными жестами, свидетельствующими о семиотической способности наделять действие знаковой функцией. Если временной дейксис устанавливает отношение времени рассказа и времени истории, то пространственный ответственен за соотношение события и точки зрения, причём от локативного участника времени и места временной и пространственный дейксис отличает реляционный характер референции. Пронизывающие язык дейктические элементы определяют эгоцентрический характер речи и свойственную ей «наивную физику пространства и времени», соотносимую с традиционным для литературоведения понятием хронотопа [см.: Бахтин, 1974]. В пределах дейктического словаря Ю.Апресян выделяет также дейксис первичный и вторичный, характеризующиеся указанием на речевую и нарративную ситуации, которые соответствуют плану речи и плану истории Э.Бенвениста. Обращаясь к понятиям первичного и вторичного дейксиса, Е.Падучева, однако, связывает последний с ситуацией, в которой обнаруживается присутствие наблюдателя.

2.2.1.1. Временной дейксис

По Ю.Апресяну, который считал дейктическую лексику по основанию эгоцентрической, «фигура говорящего организует и семантическое пространство высказывания, и систему дейктических слов языка. <...> фигура говорящего является тем ориентиром, относительно которого в акте коммуникации ведётся отсчёт времени и пространства» [Апресян, 1995, Т.2, с.631]. Временной дейксис, устанавливающий темпоральную реляцию повествуемого события и акта повествования, обеспечивает соотношение закреплённых в повествовательной модели инстанций актора и нарратора, осуществляя тем самым соотнесение диегезиса и наррации. Временной дейксис позволяет установить реляцию времени повествования и времени события, регулируя общую временную ориентацию глагольного действия посредством установления отношений одновременности / разновременности, предшествования / следования повествуемого события и акта повествования. Для выражения в схеме соответствующих реляционных отношений времени истории (*тактора*) и времени повествования (*нарратора*) достаточно использовать простые математические символы равенства «=» и «≠», а также соотношения «>» и «<» (см. схему 3). Кроме этого, Ю.Апресян относит к дейктическим элементам лингвистические средства, которые позволяют дифференцировать помимо однократности также многократность (итеративность) и длительность (дуративность) протекания события по отношению к акту повествования. Допуская прямую реляцию времени события и времени повествования, следует также учитывать, начиная с Г.Рейхенбаха, возможное присутствие точки отсчёта во времени, относительно которой производится координация аспектов диегезиса и наррации.

2.2.1.2. Пространственный дейксис

Помимо временного дейксиса, устанавливающего темпоральную реляцию акционального и нарративного аспектов референции, существует также дейксис пространственный, рассматривая который Ю.Апресян обнаруживает в тексте наряду с позицией повествователя, или «местом говорящего», позицию также и наблюдателя, идентичного инстанции фокализатора в повествовательной модели: «Для пространственного дейксиса существенна, помимо говорящего, ещё одна фигура – наблюдатель» [Там же, с.633]. Пространственный дейксис, посредством реляции события и точки зрения, производит референциальную отнесённость актора не только по отношению к инстанции нарратора, но и по отношению к инстанции фокализатора. Пространственный дейксис может указывать на тождественность места нарратора и фокализатора, однако Ю.Апресян фиксирует также случаи несовпадения места говорящего с пространственной точкой зрения наблюдателя. Фокализацию и фокализатора, таким образом, лингвистически можно зафиксировать в предложении лишь в случае пространственного дейксиса, ограничивающего перспективу восприятия и координирующего отношения воспринимающего субъекта и воспринимаемого им события. Для пространственного дейксиса характерен широкий спектр реляционных отношений, среди которых наиболее значимым является оппозиция ближнего (проксимального) и дальнего (экстремального). Учитывая, однако, многообразие реляционных отношений, устанавливающихся в пределах пространственного дейксиса в отличие от дейксиса временного, а также средств этого дейктического выражения, вынесем их за скобками формализующего повествовательную модель алгоритма.

2.2.2. Операторы корреляции

Формулируя теорию субъективности речи («человек в языке»), Э.Бенвенист указывает на способность говорящего присваивать себе язык в процессе его применения, в основе чего лежит свойство «...индивидуальной речи, когда каждый говорящий как бы берёт весь язык для личного пользования» [Бенвенист, 1974, с.288-289]. Демонстрируя специфику функционирования языка, Э.Бенвенист представляет его в качестве такой семиотической системы, основные референциальные точки которой непосредственно соотнесены с говорящим индивидом. Отталкиваясь от принятого, начиная с Ф.Соссюра, различия языка и речи (*langue / parole*), Э.Бенвенист выдвигает, подчеркивая отличие своей концепции субъективности, оппозицию языковой деятельности и дискурса (*langage / discours*), выделяя класс показателей, которые позволяют осуществлять аутореференцию и которыми располагает индивид для выражения собственной субъективности. В соответствии со своей концепцией Э.Бенвенист предпринимает попытку пересмотра грамматической категории лица, выделяя помимо корреляции субъективности, определяющей «...“ты” как лицо несубъективное по отношению к лицу субъективному, которое представлено в “я”» [Там же, с.266], ещё и корреляцию личности, регулирующую нарративный выбор лица и «не-лица», в качестве которого выступает, по Э.Бенвенисту, третье лицо. Обращаясь к вопросу нарративной типологии, следует отметить, что использование личной формы, позволяет осуществить идентификацию повествовательных инстанций а[у]ктора и narra[та]тора, производимую, напр., с помощью местоимения «я», которое, по словам Ж.Лакана, «...есть не что иное, как “шифтер” или “индикатив”, указывающий в подлежащем высказывания субъект, в смысле того, кто ведёт речь. Другими словами, он указывает на субъект акта высказывания, но при этом отнюдь не означает его» [Лакан, 1997 (1966), с.154].

2.2.2.1. Корреляция личности

Вводя корреляцию личности, Э.Бенвенист противопоставляет лица «я» / «ты» не-лицу «он», посредством которого вещь наделяется атрибутом деперсонализации. В отличие от личностно маркированных местоимений, фиксирующих инстанции нарративной коммуникации, третье лицо получает в качестве своей постоянной функции лишь способность представлять неличную форму. Руководствуясь корреляцией личности, Э.Бенвенист разводит план речи и план истории, причём если «речь следует понимать <...> как всякое высказывание, предполагающее говорящего и слушающего и намерение первого определённым образом воздействовать на второго» [Бенвенист, 1974, с.276], то исторический план сообщения характеризует повествование о событиях прошлого, который Э.Бенвенист определяет «...как способ высказывания, исключающий какую бы то ни было “автобиографическую” языковую форму» [Там же, с.272]. Выделяемые Э.Бенвенистом шифтеры, таким образом, представляют собой операторы корреляции, регулирующие направление нарративных потоков посредством выбора планов повествования. Е.Падучева, однако, противопоставляет значению плана у Э.Бенвениста, к определённому типу которого относится тот или иной текст в целом, понятие «режима интерпретации эгоцентрического элемента» [Падучева, 1996, с.406], способного изменяться даже в пределах одного предложения. Элиминируя оппозицию плана истории и плана речи в пользу терминологии Е.Падучевой, следует ввести понятие персонального режима референции, указывающего на личную форму повествования, противопоставляемого имперсональному режиму референции, именуемому часто нулевой нарратив. Имперсональным режимом, таким образом, является повествование в третьем лице; режимом персональным, в качестве самого общего определения, является личностно маркированное повествование.

2.2.2.2. Корреляция субъективности

Формулируя корреляцию субъективности, Э.Бенвенист указывает на уникальность употребления лиц «я» и «ты», позволяющего индивидуализировать участников нарративной коммуникации. По Э.Бенвенисту, лицо свойственно только позициям «я» и «ты», и «...первым определяющим признаком лиц «я» и «ты» служит только им присущая уникальность: «я», которое производит высказывание, «ты», к которому «я» обращается, каждый раз уникальны. Напротив, «он» может представлять собой бесконечное число субъектов – либо ни одного» [Бенвенист, 1974, с.264]. Корреляция субъективности, которая, в свою очередь, производится внутри персонального режима референции, устанавливает соотношение режима нарратора и режима наррататора, часто определяемых в качестве нарративных форм я-повествования и ты-повествования. Корреляция субъективности, таким образом, позволяет лингвистически зафиксировать две инстанции повествовательной модели (нарратора и наррататора), а также свидетельствует об установлении кореференции данных инстанций с инстанцией а[у]ктора, обслуживая тем самым введение гомодиегетического и метадиегетического narra[та]тора. Полемизируя с Э.Бенвенистом, Ю.Кристева признаёт диалогическим любое высказывание (в том числе и исторический план), фиксируя в нём вмешательство в повествование говорящего и его ориентацию на Другого, в качестве которого выступает наррататор, для выражения чего в языке имеются нормативные средства, обеспечивающие соответствующие речевые позиции. Диалогизм высказывания Ю.Кристева видит не только в обращении к наррататору, посредством чего происходит вовлечение реального читателя в фикциональную сферу произведения, но и в использовании косвенной речи, что, однако, ошибочно полностью отождествлять с интертекстуальностью (см. § 5.1.1).

2.2.3. Рекурсия

Помимо плана речи и плана истории Э.Бенвенист выделяет третий смешанный тип, обозначаемый им «косвенной речью». В свою очередь, Р.Якобсон, рассматривая проблему шифтеров, касается также явления «засвидетельствованности» [Якобсон, 1972 (1957), с.101], под которым понимается сообщение говорящего о событии, основанное на высказывании другого лица и принимающее форму прямой, несобственно-прямой, косвенной или цитатной речи. Литературоведческая спецификация этих лингвистических фактов описана, напр., в исследовании типологии повествовательных форм Н.Кожевниковой [Кожевникова, 1994], в книге «Формы повествования» Э.Лэммерта [Lämmert, 1955], а также Ж.Женеттом, который выделяет нарративизированный, т.е. пересказанный, транспонированный и цитатный дискурс, когда голос повествователя, выступающего лишь посредником коммуникации, опускается, и речь переходит ауктору [Женетт, 1998 (1972), Т.2, с.189-190], что даёт основание фиксировать в пропозиции интрадиггетического повествователя. С учётом возможности присутствия в высказывании показателей «засвидетельствованности», обеспечивающих, путём циклической процедуры, позволяющей замкнуть нарративную цепь, переход к обработке всё новых образующих высказывание пропозиций, получаем, совмещая корреляцию личности и корреляцию субъективности Э.Бенвениста с временным дейксисом, рекурсивную модель, представленную в виде алгоритма бинарной сортировки, для составления которого использован способ блок-схем (см. схему 3). В целом же обращение к теории шифтеров, формализуемой посредством алгоритмической модели, демонстрирует, что сформулированная повествовательная модель не является результатом произвольного установления, её адекватность подтверждается свидетельством языка.

Схема 3:

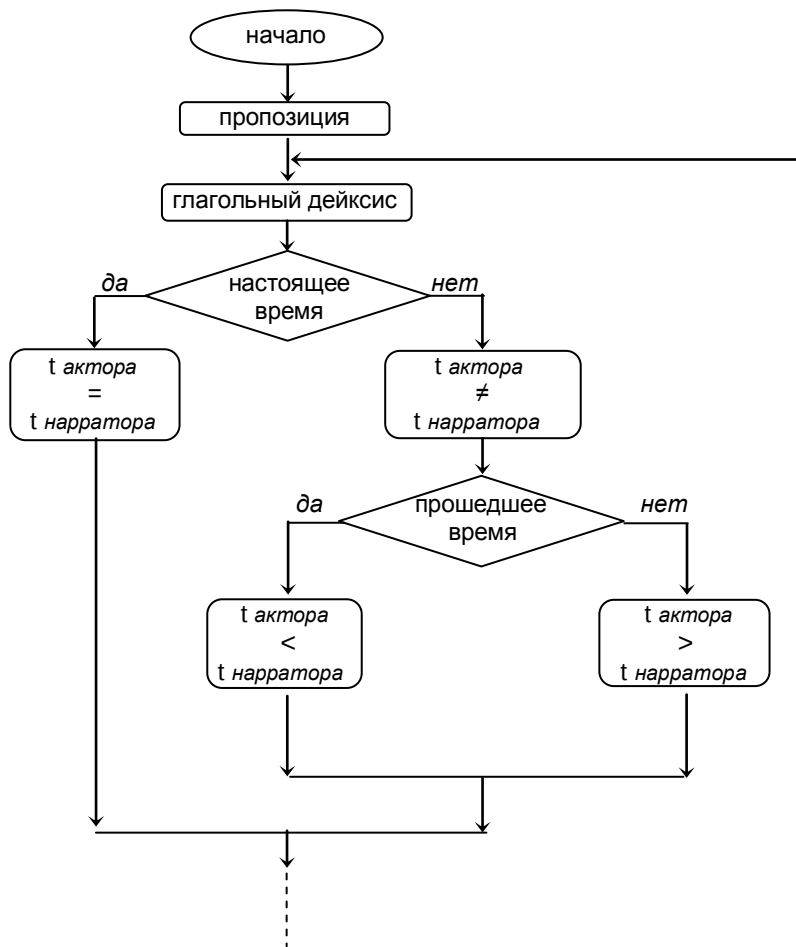
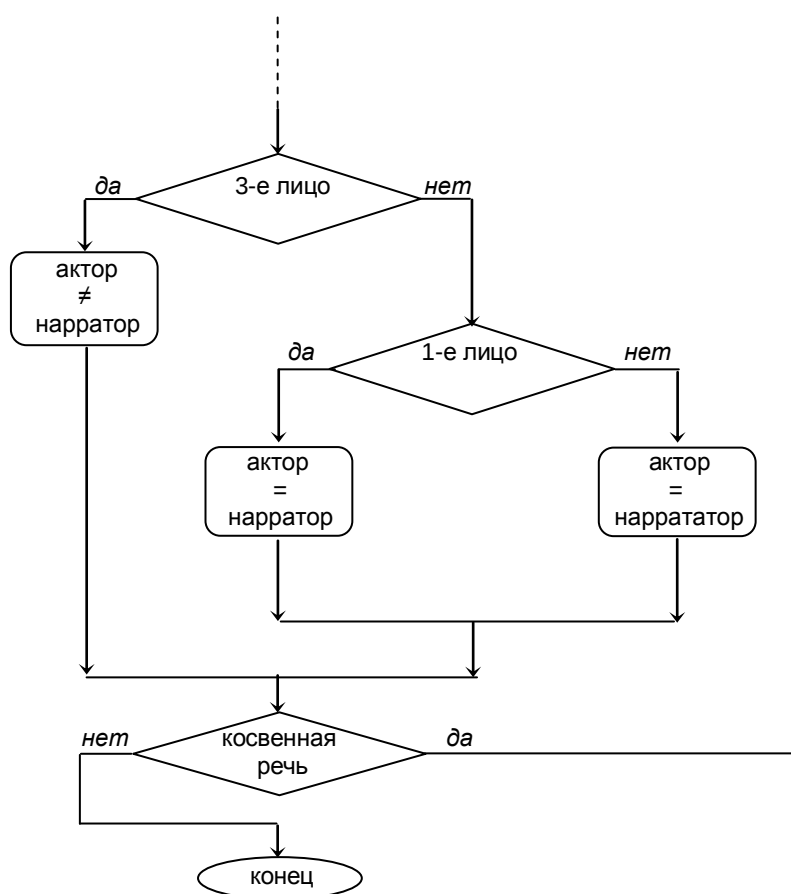

Схема 3:
(продолжение)

3. CTEMMA

3.1. КОМПОЗИЦИЯ

3.1.0. Иерархизм

Рассматривая эпистемологическое значение принципа структурности, У.Эко в своей книге «Отсутствующая структура» приводит утверждение М.Корти, согласно которому существует, по крайней мере, «...два понимания структуры – как структурированного объекта и как обобщающей модели» [цит. по: Эко, 2004 (1968), с.355]. Оба определения взаимосвязаны, т.к., «если целое является “моделью отношений”, то часть, как замечает Нагель, может также относиться к “любому из элементов, которые соотносены по этой модели в конкретном её воплощении”» [цит. по: Якобсон, 1985 (1963), с.305]. Анализ структурированного объекта позволяет не только осуществить расчленение конструкции на совокупность образующих её состав элементов, но и выявить связи между ними, т.к. «каждый элемент системы либо связан хотя бы с одним другим элементом системы, либо хотя бы один другой элемент системы связан с данным элементом» [Исследования по общей теории систем, 1969, с.196]. Структурированность объекта, следовательно, не является результатом простого суммирования единиц, а отличается свойством определённого порядка, конституирующим основанием которого становится иерархия, в пределах которой формируются отношения зависимости. Для описания иерархических связей научная эпистемология традиционно использует модель дерева, или стеммы, схематически изображаемой с помощью графов, т.е. совокупности точек, соответствующих элементам, соединённым отрезками прямых. Анализ структурированного объекта и, соответственно, фиксация иерархических связей его элементов не исчерпывает, однако, многомерного пространства структуры и отражает лишь синхронический аспект структурной организации текста, связанный с установлением статических отношений.

3.1.1. *Дерево зависимостей*

Заочно полемизирую с Э.Сепиром, согласно взглядам которого «наиболее основным и наиболее могучим из всех связывающих принципов является принцип линейного порядка» [Сепир, 1993 (1929), с.109], Л.Теньер противопоставляет линейному порядку структурный порядок синтаксиса, отражающий иерархические отношения, устанавливающиеся между элементами пропозиции: «Структурный порядок слов – это порядок, в котором устанавливаются синтаксические связи» [Теньер, 1988 (1976), с.27]. Игнорируя линейный порядок расположения элементов в речевой цепи, следует, по Л.Теньеру, определять их структурный порядок и на этой основе составлять синтаксическую модель, изображаемую графически в виде стеммы. Формулируя оригинальную синтаксическую концепцию, Л.Теньер демонстрирует, что «в основании всего структурного синтаксиса лежит соотношение между структурным порядком и порядком линейным. <...> Построить или установить стемму предложения – значит преобразовать линейный порядок в структурный» [Там же, с.30]. Для описания синтаксических отношений Л.Теньером в книге «Основы структурного синтаксиса», таким образом, была выдвинута модель стеммы, или дерева зависимостей, в которой связанность актантов определяется по отношению к центру пропозиции, в качестве которого выступает предикат, или, точнее, глагольное ядро, обладающее валентными свойствами, т.е. способностью присоединять к себе участники. Соединение участников в пропозицию определяется правилами сочетаемости, а образование высказывания предполагает установившуюся предикативность предложения. Подобные вопросы получили достаточное рассмотрение в лингвистических исследованиях синтаксиса и заслуживают здесь краткого освещения.

3.1.1.1. Валентность

Основную роль в установлении иерархических отношений в дереве зависимостей играет валентность, характеризующая способность слова сочетаться с другой языковой единицей. Формулируя понятие валентности, Л.Теньер определяет её как способность глагола присоединять к себе актанты, в контексте чего различаются а-, би-, три-, тетра-, а также многовалентные глаголы. Развивая идеи Л.Теньера, Ю.Апресян распространяет свойство валентности на другие части речи, учитывая также семантику слова. В отличие от синтаксических семантические валентности различаются по типу выражаемого смыслового отношения, являясь аналогом сюжетных ролей: «Система зависимостей, составляющая ядро синтаксиса семантического языка, почти целиком содержится в его элементарном словаре. Это – зависимости, отражающие валентные свойства элементарных значений различных классов (субъектная, объектная, контрагента, содержания, места, времени <...>)» [Апресян, 1995, Т.1, с.78]. Не смешивая оба подхода, следует, вместе с тем, отметить, что элементы матрицы функций, симультантно зафиксированные номенклатурой партиципантов, получают сукцессивное развёртывание в синтагматической последовательности путём глагольного управления. Пропозиция, безусловно, представляет собой определённую конфигурацию, включающую набор опосредованно сочетающихся друг с другом партиципантов. Однако, несмотря на то что валентность в значительной степени диктуется семантической ролью, актуализирована она может быть только по отношению к глаголу, выполняющему функцию центра пропозиции и формирующему синтаксические отношения зависимости. Падежная форма также получает своё значение лишь в том случае, если выполняет определённую функцию в составе единицы более высокого уровня, а именно предложения.

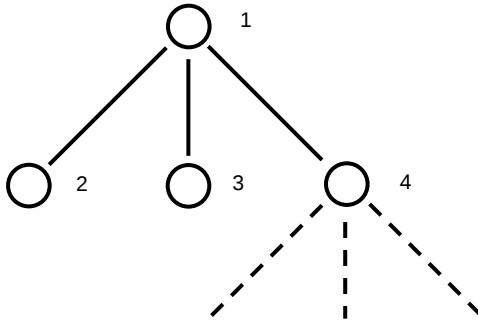
3.1.1.2. Предикативность

Согласно вербоцентрической теории Л.Теньера, центром пропозиции считается предикат, в качестве которого выступает глагольное ядро, формирующее периферию в виде в равной степени зависимых от него партиципантов. Альтернативная идея Л.Теньера лингвистическая концепция акцентирует внимание на субъектно-предикативных отношениях и подчёркивает привилегированный статус субъекта по сравнению с другими валентными классами (см. § 1.2.1.1). Субъект здесь выступает исходным пунктом грамматической предикации, а «субъектно-предикатные отношения образуют основную единицу речи – высказывание и основную синтаксическую единицу языка – предложение» [Алисова, 1971, с.9]. Концепция, основанная на приоритете субъектно-предикативных отношений, отражена в альтернативной синтаксису зависимостей модели дерева непосредственно составляющих, сформулированной представителями Йельской лингвистической школы Б.Блоком, Р.Уэллсом и активно используемой в порождающей грамматике Н.Хомского. Экстраполяция данной концепции на область нарратива позволяла представлять высказывание в качестве пропозициональной структуры, содержащей не только субъект, но и предикат, который рассценивался в сюжетологии в качестве основного атрибута мотива [см.: Ревзин, 1975] и рассматривался в рамках, по крайней мере, двух подходов Е.Мелетинского и В.Тюпы, причём «...если первый трактует предикативность мотива изнутри структуры повествования – с точки зрения грамматики его фабульного развития, то второй трактует это свойство мотива извне повествования как структуры – с точки зрения прагматики его сюжетно-смыслового развития в рамках коммуникативной функции художественного произведения в целом» [Силантьев, 2004, с.81].

3.1.2. *Дерево композиции*

Содержание данной главы не может исчерпываться рассмотрением синтаксиса предложения и предполагает анализ грамматики дискурса на межфразовом уровне, а именно исследование проблемы композиции. Композиция, однако, не только обеспечивает синтагматический порядок размещения элементов, но и участвует в образовании логических связей, устанавливающихся между пропозициями. По Б.Корману, в частности, следует определять «...композицию как сеть отношений между сюжетами, охватывающими всё произведение» [Корман, 1977, с.509]. Композиция повествовательного текста, таким образом, является условием его развёртывания и может быть определена как внутреннее отношение, посредством которого организованы элементы целого. Культивируемая в литературоведении пятичленная схема композиции Г.Фрайтага [см.: Теория литературы, 2004, Т.1, с.315], включающая экспозицию, завязку, нарастание напряжения, кульминацию и развязку, является, однако, следствием произвольного установления и не может удовлетворять строгим критериям структурного описания логического порядка сюжета. Для построения адекватной модели композиции следует формализовать логические связи, образующиеся между элементами синтагматической последовательности, в виде дерева композиции (см. схему 4), вершину которого формирует метапозиция, определяющая зависимое положение элементов экспозиции, экстрапозиции и пресуппозиции. Подобно дереву зависимостей Л.Теньера, в котором структурный порядок позиционируется линейному, дерево композиции предполагает противопоставление логического порядка сюжета, устанавливающего причинно-следственные и условные отношения между пропозициями, линейному расположению пропозиций в речевой цепи.

Схема 4:

1. Метапозиция; 2. Экспозиция; 3. Пресуппозиция; 4. Экстрапозиция

3.1.2.1. Метапозиция

Событие не существует автономно, а пребывает в контексте логической организации сюжета, в рамках которой между различными пропозициями, образующими состав связанного высказывания, устанавливаются причинно-следственные связи. Подобным образом пропозиции, занимающие в композиционной схеме строго фиксированные положения по отношению друг к другу, способны в соответствии с определёнными повествовательными принципами образовывать значимые единицы сюжета. Пропозициональное ядро причинно-следственного порядка сюжета, выступающее в качестве центра отношений логической зависимости, обозначим понятием метапозиции. По отношению к нейтральному пропозициональному элементу, в качестве которого в композиционной стемме метапозиция выступает, экспозицией обозначается причина, экстрапозицией, за неимением лучшего термина, – следствие, а пресуппозицией – условие её актуализации. В схематическом представлении дерева композиции по отношению к метапозиции наклонной линией влево обозначаются, таким образом, отношения причины, устанавливающие каузальные связи между событиями, наклонной линией вправо – отношения следствия одного события из другого, а вертикальной – зависимость действия и его условия. Каждый из элементов стеммы может, в свою очередь, выступать последующим центром отношений логической зависимости, в результате чего дерево композиции может распространяться на нижеследующие иерархические уровни организации. Результатом процедуры декомпозиции структурированного объекта, таким образом, является разветвлённое дерево композиции, пропозициональные единицы которого выступают узлами иерархической организации, формирующей периферические связи ядерного элемента.

3.1.2.2. Экспозиция / Экстрапозиция

Нарративное привнесение в реальность причинно-следственных связей, интенциональность которых исчерпывающе проанализировал А.Данто [Данто, 2002 (1965), с.229-232], закрепляется в композиционной стемме элементами экспозиции и экстрапозиции. Традиционное определение экспозиции в литературоведении означает начальную расстановку персонажей и описание ситуации, непосредственно предшествующей развёртыванию основного сюжетного действия. Применительно к дереву композиции экспозицию образуют, однако, не столько события, предшествующие основной фазе сюжета, сколько факторы, выступающие в качестве причин её актуализации. Под экстрапозицией, в свою очередь, понимается совокупность акциональных последствий, проистекающих по факту реализации события или осуществления действия. В контексте причинно-следственных связей сюжета фигурируют также понятия цели и результата, которые К.Бремон, напр., вводит в рамках своей элементарной последовательности, содержащей три базовых элемента композиции, а именно «...а) функция, которая открывает возможность действия в форме определённого поступка или предвидимого события; б) функция, которая реализует эту возможность в форме события или поступка; в) функция, которая завершает действие в форме достигнутого результата» [Бремон, 1972 (1966), с.109]. Следствие события рассматривается с точки зрения результата в контексте поставленной цели, которая каузирует ход действия, представляя собой его причину. Результат, понимаемый как предмет или состояние, возникающий по факту осуществления действия, является экстрапозицией события, в качестве экспозиции которого может выступать цель, обозначающая мотивировку, направляющую чью-либо деятельность.

3.1.2.3. Пресуппозиция

Пресуппозиция представляет собой особый вид логических отношений между пропозициями, получивший различные трактовки в логике и лингвистике. В частности, разделять то, что утверждается, и то, что предполагается в высказывании, предлагал ещё Г.Фрёге, а терминологическое закрепление понятия пресуппозиции принадлежит П.Стросону. Под пресуппозицией в логике понимается семантическое условие, обеспечивающее истинность суждения: если пресуппозиция высказывания ложна, то высказывание не является ни истинным, ни ложным. В лингвистической теории пресуппозиция, как подразумеваемый компонент высказывания, содержит определённые предположения, неявным образом скрытые в высказывании и демонстрирующие неосознаваемые представления говорящего. Нарратологическую спецификацию данного понятия следует формулировать независимо от того, получает ли пресуппозиция самостоятельное выражение в тексте или реконструируется на основе анализа другой пропозиции. В дереве композиции пресуппозицию образуют условия, которые должны быть удовлетворены, чтобы содержание, зафиксированное в метапозиции, имело силу. Пресуппозиция в рамках композиционной стеммы, таким образом, является тем, что делает возможной реализацию метапозиции, по отношению к которой устанавливаются отношения обусловленности. Определяя акциональные предпосылки действия, пресуппозиция влияет и на его результат, обозначая, в случае перформативного высказывания, также и те условия, которые делают его произнесение успешным с точки зрения эффективности, напр. указание на полномочия говорящего.

3.1.3. Сочинение / Подчинение

Представленная модель дерева композиции, призванная описывать грамматику дискурса на межфразовом уровне, в свою очередь, может быть спроецирована на уровень полипропозициональных предложений, имея в виду «...конструкции с периферийными позициями», представляющими собой «результат конденсации двух предикатов, один из которых сохраняет первоначальную форму и значение, а другой теряет самостоятельные показатели предикативности...» [Алисова, 1971, с.30]. Логические отношения элементов композиции выражаются в полипропозициональном высказывании классом так называемых детерминативных придаточных, а именно придаточных причины, условия и следствия. Вместе с тем, помимо подчинения композиция полипропозиционального высказывания может оперировать также сочинительной связью, служащей целям семантического и позиционного согласования единиц монтажа. Указывая на фундаментальное значение подчинительной и сочинительной связи для образования сюжетных конструкций, Ц.Тодоров, который в «Теории прозы» апеллировал к В.Шкловскому, противопоставлявшему открытый и закрытый тип структуры, обращал внимание на следующее: «Шкловский даже не осознавал, что эти две формы представляют собой точную проекцию двух базовых синтаксических фигур, используемых в комбинации двух пропозиций между ними: сочинение и подчинение» [Todorov, 1977, с.21]. Если подчинительные средства в полипропозициональных конструкциях служат установлению отношений логической зависимости, то сочинительная связь (юнкция) обеспечивает линейную репрезентацию, или композицию контекстную.

3.2. АРХИТЕКТОНИКА

3.2.0. Композиция / Архитектоника

Исследование литературного текста предполагает в качестве своей обязательной предпосылки обработку повествовательного материала с целью адаптации его к проведению дальнейшего структурного анализа. Обращаясь к сюжету произведения, исследователь воссоздаёт на его основе некую отвлечённую конструкцию, высвобождая составные элементы композиции, упорядоченные в соответствии с акциональной логикой, из-под власти любых других отношений в тексте. Сюжетолог, таким образом, работает прежде всего с «кратким содержанием», а операцией, предшествующей анализу, является пересказ. Вместе с тем, построение литературного произведения может отличаться многосоставностью и сложностью сюжетной конструкции, характеризуемой способностью вмещать в себя большие повествовательные блоки, отягощать основные сюжетные линии дополнительными ответвлениями. Совмещаемый в рамках произведения сюжет, вводимый дискретно, образует, таким образом, конструкцию, включающую комплекс взаимосвязанных между собой сегментов. Общая картина сюжетного действия, напр. в романе, складывается в некий конгломерат зависимых в пределах модели композиции, а также самостоятельных сегментов, существование которых в иных условиях возможно в качестве отдельных произведений. Представление о построении литературного произведения как единого целого, взаимосвязь его составных частей и элементов соотносилось в традиционном литературоведении с понятием архитектуры. Применительно к повествовательному тексту понятия композиции и архитектуры следует принципиально противопоставлять: если композиция является абстрактной моделью отношений элементов произведения, то архитектура представляет собой конструктивное устройство текста.

3.2.1. Понятие архитектоники

Понятие «архитектонического» построения впервые ввёл в обращение представитель европейского формального направления В.Гильдебранд, обозначив им конструктивный принцип, в соответствии с которым «...произведение искусства является замкнутым в себе целым, каждый элемент которого получает своё значение не в соотношении с чем-либо вне произведения находящимся <...>, а лишь в самозначимой, самоцельной структуре своего целого. <...> каждый элемент художественного произведения имеет прежде всего чисто конструктивное значение в произведении» [цит. по: Медведев, 1934, с.26], как в замкнутой самодовлеющей конструкции. Подобная установка в литературоведении закрепляет фиксацию объекта поэтики на конструкции художественного произведения, а привилегированной задачей теории литературы делает именно раскрытие этого конструктивного единства и квалификацию функциональности каждого элемента в нём. С таким подходом к искусству солидаризовался и русский формализм в лице Б.Томашевского [Томашевский, 1927], В.Шкловского [Шкловский, 1929], а также В.Жирмунского [Жирмунский, 1928], который, трактуя категорию стиля, апеллировал к единству художественного задания произведения, в котором отдельные приёмы получают своё место и оправдание. Однако, в формализме, изучению теории которого посвящены многочисленные работы [см.: Энгельгардт, 1927; Медведев, 1934; Эрлих, 1996 (1955); Ханзен-Лёве, 2001 (1978)], понятие архитектоники не закрепилось в значении конструктивного принципа и использовалось лишь для обозначения внешнего построения произведения. Альтернативное употребление термина архитектоники связано также с именем М.Бахтина.

3.2.1.1. Архитектоника в формализме

Введение литературоведческих понятий часто происходит вне чётких концептуальных рамок, определяющих их содержание. Так, артикулируя понятие архитектуры, формалисты подводят под него как графическое деление произведения на разделы, части и главы, так и претекст, сопутствующий вводу этих блоков, напр. названия глав. Если, однако, отделить надтекстовую речь писателя, представляющую собой, по Ж.Женетту, явление паратекстуальности (см. § 5.1.1.1), и сконцентрироваться на внешнем подразделении произведения, то под архитектурой будет пониматься некая пунктуация повествовательного текста, которая является лишь внешним выражением лежащего в основании текста синтаксиса. Весь инструментарий этой пунктуации, в своём роде «точку» и «запятую» повествовательного текста, составляют пропуск строки и её отступ, объединяемые понятием «пробела», аналогом которого в кинематографическом коде служит членение на кадры и эпизоды. Являясь, прежде всего, следствием требований, предъявляемых к письменной речи, внешнее подразделение произведения свидетельствует нередко и об этапах его публикации. Не ограничиваясь, однако, фиксацией парциальности изложения, архитектура служит формальным показателем границ конструктивных блоков, регистрируя разделительные линии между частями повествования. Архитектура, следовательно, должна рассматриваться именно как совокупная конструкция произведения, манифестирующаяся в плане выражения посредством пунктуации, осуществляемой с помощью использования графических средств. Расхождение между реальной конструкцией произведения и визуальными маркерами, определяющими внешнее подразделение материала, может иметь место в любом повествовательном тексте.

3.2.1.2. Архитектоника М.Бахтина

Нередко, однако, стремление рассматривать отношения означающих вне связи с означаемым служила основанием для обвинений формализма в том, что он уничтожает свой собственный объект исследования. В противоположность формалистам, которые, распространяя понятие композиции на художественную форму как конечный результат этой операции, интерпретировали архитектонику в качестве всего лишь внешнего оформления текста, М.Бахтин в своей работе «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» [Бахтин, 1975] всецело отождествил композицию с формой произведения, противопоставив ей архитектонику в качестве содержания. Предпринимая критику формалистской интерпретации композиции с её тенденцией недооценивать смысловой значительности всех без исключения элементов, входящих в художественную конструкцию, М.Бахтин интерпретирует понятие архитектуры в качестве эстетического способа освоения действительности. Способ художественного видения материализуется в композиции, которую М.Бахтин, в свою очередь, сводит к конечному состоянию всех элементов, образующих конструкцию литературного текста. Произведение возникает как результат превращения исходного творческого замысла, имеющего архитектурное устройство, посредством применения необходимых приёмов композиции. С помощью подобного истолкования понятия архитектуры М.Бахтин произвёл в противовес идеям формалистов реабилитацию смысловой составляющей произведения, фактически противопоставив композицию и архитектонику как форму и содержание. Неудовлетворительность обоих трактовок архитектуры очевидна и требует обращения к существенно более формальным основаниям.

3.2.2. Интегративность

Рассматривая отношения, устанавливающиеся между элементами синтагматической последовательности, Э.Бенвенист предлагал противопоставлять связи интегративные и дистрибутивные: «Вследствие того, что языковые сущности дискретны, они допускают два типа отношений <...>. Между элементами одного уровня имеют место дистрибутивные отношения, между элементами разных уровней – интегративные» [Бенвенист, 1974, с.134]. Адаптируя разграничение Э.Бенвениста к области текстов больших, нежели предложение, следует распространить понятие композиции на дистрибутивные, а архитектоники – на интегративные связи. Дистрибутивное распределение элементов композиции порождает стратификацию текста, единицы которой в синтагматической последовательности связаны подчинительной и сочинительной связью. Элементы композиции, таким образом, объединены дистрибутивными отношениями, однако по отношению к образованной ими единице более высокого уровня они находятся в положении интеграции. Интегративный состав текста, содержащий подчинённые функциональному единству элементы композиции, образует архитектоническую конструкцию, которая мыслится в качестве единицы некоего целого, доминирующего над своими частями. Пересмотр понятия архитектоники, распространение его содержания на уровень всей конструкции произведения объясняются попыткой сформулировать более чёткое определение самой композиции, лишаящее её слишком широкого толкования и конкретизирующее границы её использования. В целом же любое теоретическое построение обладает присущим ему способом концептуализации, который предполагает формулирование понятийного аппарата альтернативного по отношению к устоявшейся традиции.

3.2.2.1. *Motus*

Вводимая в пределах данного исследования номенклатура понятий в значительной степени не согласуется с традиционным терминологическим аппаратом, в пересмотре которого нарратология очевидным образом нуждается, что касается, в частности, дефиниций фабулы, новеллы и мотива. Последний, напр., являясь интегративной единицей для образующих его состав участников, связанных посредством глагольного управления, поддается членению, однако выделяемые таким образом элементы не способны самостоятельно функционировать в речевой цепи. Именно в этом смысле и следует понимать озвученный А.Веселовским [Веселовский, 1913, Т.2, с.11] и поддержанный Б.Томашевским [Томашевский, 1927, с.136-137] тезис о неразложимости мотива как простейшей единицы сюжета. Разделяя представление, согласно которому следует различать принципиально разные процедуры членения текста на компоненты, обладающие самостоятельным значением, и компоненты, существование которых невозможно вне объединяющего их целого, следует противопоставлять членение мотива на составляющие его несамостоятельные элементы, в качестве которых выступают субъект, объект, предикат, и рассмотрение мотива как автономной единицы по отношению к интегрантам более высокого уровня. Значение составных элементов мотива непредставимо вне их принадлежности к конструктивному целому, поэтому в рамках архитектоники текста, мотив следует обозначать, таким образом, в качестве интегранта нулевого уровня. Рассмотрение мотива, изолированный анализ которого И.Силантьев считал невозможным [Силантьев, 2004, с.125], в аспекте интертекстуальности следует производить в пределах другой модели с привлечением термина лейтмотив [см.: Гаспаров, 1993].

3.2.2.2. Фабула

В отличие от В.Шкловского, для которого фабула выступает лишь материалом действительности, используемым для сюжетного оформления, и отождествляется «...с эстетически индифферентными, долитературными событиями...» [Шмид, 2003, 149], Б.Томашевский называл фабулой «...совокупность мотивов в их логической причинно-временной связи, сюжетом – совокупность тех же мотивов в той же последовательности и связи, в какой они даны в произведении» [Томашевский, 1927, с.137]. Противопоставление хронологического порядка следования событий и порядка их изложения в произведении не даёт, вместе с тем, основания терминологически разграничивать понятия фабулы и сюжета. По Ц.Тодорову, напр., сформулировавшему оппозицию истории и дискурса, первое отличается от второго лишь тем, что дискурс содержит в себе историю в трансформированном виде. Достаточно, однако, свести обнаруживаемые в синтагматической последовательности аномалии к совокупности производимых над композиционно упорядоченным материалом трансформаций, напр. сокращения или перестановки, которые имеют нередко риторический статус (см. § 4.2.2), чтобы считать базовую оппозицию формальной теории сюжетосложения снятой. Элиминируя данное противопоставление, обозначим понятием фабулы интегративную единицу, которая объединяет основные элементы дерева композиции, связанные отношениями логической зависимости. Применительно к образующим её состав мотивам, между которыми устанавливаются логические, причинно-следственные связи в пределах композиционной стеммы, фабула, таким образом, выполняет функцию интегранта. Заполнение дерева композиции оборачивается в интегративном аспекте образованием архитектурного сегмента, выполняющего функцию интегранта первого уровня.

3.2.2.3. Новелла

Изучению жанра новеллы посвящен целый ряд формалистских работ, среди которых уместно упомянуть статью А.Реформатского «Опыт анализа новеллистической композиции» [Реформатский, 1922], а также статью М.Петровского «Морфология новеллы» [Петровский, 1927]. Обращая внимание, однако, на терминологическую двусмысленность данного понятия, Б.Томашевский подчеркивал, что «новелла как самостоятельный жанр есть законченное произведение. Внутри романа это только более или менее обособленная сюжетная часть произведения и законченностью может не обладать» [Томашевский, 1927, с.197]. Руководствуясь вторым определением, следует обозначить понятием новеллы составную часть архитектоники текста, которая представляет собой интегративную единицу, образуемую совокупностью нескольких фабул. Объединение фабул в составе новеллы, вместе с тем, происходит посредством иерархического подчинения, а не сочинительной связи. Новелла представляет собой совокупность фабул, элементы которых в аспекте логической зависимости восходят к общей пропозиции, выполняющей в композиционной стемме функцию ядерного узлового элемента, по отношению к которому нисходящее иерархическое ветвление может быть сколь угодно длительным. Подобная конструктивная особенность обуславливает «замкнутый» характер новеллы, на который обращал внимание М.Петровский [Петровский, 1927, с.71], не различавший, правда, жанровое и архитектурное её определение. По отношению к входящим в её состав фабулам, новелла выступает, таким образом, в качестве конструктивной единицы, обладающей статусом интегранта второго уровня, а анализ архитектуры охватывает два основных этапа членения: сведение новеллы к образующим её состав фабулам, и фабулы – к образующим её состав мотивам.

3.2.3. Рассказ / Повесть

Различая исторические и теоретические жанры, Ц.Тодоров [Тодоров, 1997 (1970)] предлагал выводить первые посредством сравнения произведений и манифестов их авторов, а в основу классификации вторых полагал дедуктивную гипотезу. Воспользовавшись последним принципом, можно с формальных позиций подступиться к проблеме жанровой классификации повествовательных текстов, относительно которой в литературоведении до сих пор существует некоторая неопределённость. Так, Н.Тамарченко, осозная неудовлетворительность количественного критерия, в соответствии с которым «“малыми” формами <...> принято считать новеллу и рассказ, средней – повесть; к большой форме относят эпопею и роман» [Тамарченко, 2001, с.25], предлагает при классификации лишь отчасти учитывать значение объёма текста. Представленный анализ даёт возможность построить формальную классификацию повествовательных жанров не на основе размера произведения, а на основе состава его архитектоники. Понятие рассказа применимо к произведению, архитекtonика которого, без учёта повествовательного обрамления, образована одной новеллой. Напротив, жанр повести отсылает к монтажу двух и более новелл, посредством различных приёмов согласования. Аналогичное можно утверждать и по поводу романа, происхождение которого, согласно гипотезе В.Шкловского, ведётся от сборника новелл, претерпевших различные усечения, наложения, совмещения, т.е. «роман как большая повествовательная форма обычно сводится к связыванию новелл воедино» [Томашевский, 1927, с.197]. Переход от рассказа к повести сопровождается включением закрытой конструкции, элементы которой связаны подчинительными отношениями, в состав открытой конструкции архитектоники, устанавливающей сочинительные связи между новеллами.

4. СЕРИЯ

4.1. МОНТАЖ

4.1.0. Приёмы монтажа

Структуралистское оформление модели серии происходит в рамках эпистемологических работ Ж.Пиаже [Пиаже, Инельдер, 1963 (1959)], посвящённых исследованию логической операции сериации. Обоснование модели серии в постструктурализме, предпринятое, напр., в концепции У.Эко, восходит к традиции семиотики Ч.Пирса [Пирс, 1983 (1960)], согласно которому «...значение знака содержит в себе в зачаточной форме все те тексты, в которые данный знак может быть вставлен» [Эко, 2005 (1979), с.306], а также идеям Р.Якобсона, актуализированным, в свою очередь, в теории связи означающих Ж.Лакана, в соответствии с которой «...смысл “настаивает” на себе именно в цепи означающих, и ни один из отдельных элементов этой цепи не “состоит” при этом в значении, которое он в момент речи способен принять» [Лакан, 1997 (1966), с.61]. Оставляя в стороне эпистемологические и семиологические экспликации модели серии, обратимся к нарратологической области её применения, соответствующей в синхронии динамическому аспекту текстопорождения, по отношению к которому традиционно используется понятие монтажа, или контекстной композиции, подразумевая «...такой принцип построения любых сообщений (знаков, текстов и т.п.) культуры, который состоит в соположении <...> хотя бы двух (или сколь угодно большего числа) отличающихся друг от друга по денотатам или структуре изображений, самих предметов (или их названий, описаний и любых других словесных и иных знаковых соответствий) или же целых сцен...» [Монтаж..., 1988, с.119-120]. Существование развитой со времени формализма концепции монтажа, получившей теоретическое обоснование в работах Б.Томашевского, В.Шкловского и практическую реализацию в творчестве С.Эйзенштейна, позволяет лишь систематизировать различные приёмы сюжетосложения, основные виды которых представлены в сводной таблице (см. табл. 3).

Таблица 3:

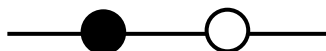
<i>Позиционное согласование</i>	<i>Тип конструкции</i>	<i>Семантическое согласование</i>	<i>Тип конструкции</i>
<i>Линеаризация</i>	Линейная	<i>Нанизывание</i>	Цепочная
<i>Обрамление</i>	Кольцевая	<i>Задержание</i>	Прерывистая
<i>Чередование</i>	Параллельная	<i>Отождествление</i>	Перекрёстная
<i>Наложение</i>	Слоистая	<i>Градация</i>	Ступенчатая

4.1.1. *Позиционное согласование*

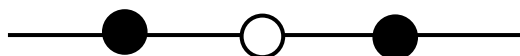
Руководствуясь тезисом В.Шкловского [Шкловский, 1929] об искусстве как приёме, следует описать в пределах ограниченного инструментария базовый набор приёмов монтажа, применяемых по отношению к исходной совокупности элементов с целью порождения сюжетной конструкции. Подразделение приёмов монтажа производится на основании восходящего к Р.Якобсону различия позиционного и семантического типов согласования, образующих в комбинаторном аспекте широкий диапазон художественных средств, представляющих собой ассортимент наличных возможностей сюжетосложения. Основными приёмами позиционного согласования будем считать линеаризацию, обрамление, чередование (см. схему 5: а, б, в) и наложение (см. схему 5: г). Выделив приёмы позиционного согласования, следует зафиксировать основные типы монтажных конструкций, являющихся результатом их применения, а именно линейную, кольцевую, перекрёстную и слоистую конструкции, а также сумму всех их возможных оформлений посредством согласования семантического. Способ расстановки, в свою очередь, определяет диспозицию одного элемента относительно другого, или позиционную значимость элемента серии. Прежде всего следует выделить такие разновидности диспозиции элемента относительно других единиц речевой цепи как препозицию, интерпозицию, постпозицию. В случае частичного наложения одного сегмента на другой можно говорить также о суперпозиции совмещаемых единиц. Сформулированные приёмы позиционного согласования распространяются на область конструктивных элементов архитектоники, функционирующих в качестве самостоятельных единиц (мотивов), а также композиционно упорядоченных сегментов, в качестве которых выступают фабула и новелла.

Схема 5:

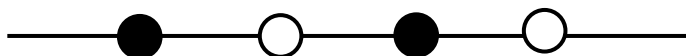
а)

б)

в)

г)

4.1.1.1. Линеаризация

Аппарат текstopорождения содержит не только совокупный инвентарь нарративных единиц, но и правила их сочленения, регламентирующие общий порядок синтагматического развёртывания. Следовательно, выявив исходные элементы повествования, необходимо определить также допустимые способы их комбинации в речевой цепи. Учитывая особенность языкового высказывания, в соответствии с которым контекстная композиция выстраивает свои сегменты в линейном порядке, наиболее элементарной процедурой синтагматической расстановки единиц следует признать простую последовательность, возникающую в результате линеаризации. По В.Шмиду, в частности, «наррация является результатом композиции, организующей элементы событий в искусственном порядке», обязательным условием которого признаётся «...линеаризация одновременно совершающихся в истории событий...» [Шмид, 2003, с.88]. При согласовании элементов путём их линеаризации, распределяющей компоненты своего развёртывания в упорядоченные ряды, создаётся линейная конструкция монтажа. Вместе с тем, контекстная композиция, которой соответствует понятие монтажа, представляет собой способ текstopорождения, основанный на установлении между пропозициями не подчинительных, а сочинительных отношений. Если, таким образом, в случае линейной репрезентации компонентов композиционной стеммы между ними устанавливаются отношения грамматической или логической зависимости, а значение элемента определяется статическим положением, которое он занимает в иерархической организации текста, то значение единиц монтажа напрямую зависит от позиционного контекста, одновременно предполагая все те значения, которые элемент получает в разнообразных окружениях.

4.1.1.2. *Обрамление*

«Сборники новелл, – писал В.Шкловский, – обыкновенно делали так, чтобы отдельные части, в них входящие, были связаны, хотя бы формально. Это достигалось тем, что отдельные новеллы вставлялись в одну обрамляющую как её части» [Шкловский, 1929, с.83]. Соединение монтажных единиц может осуществляться, таким образом, посредством приёма обрамления, при котором положение элемента определяется его интерпозицией внутри некоей обрамляющей единицы. Рассматривая в своей теории технику обрамления, Б.Томашевский обычно сводит её к тому, «...что одна новелла (обрамляющая) раздвигается. Изложение её растягивается на весь роман, и в неё внедряются в качестве перебивающих эпизодов все остальные новеллы» [Томашевский, 1927, с.198]. Разновидностью архитектурного построения, соответствующего приёму обрамления, выступает кольцевой тип конструкции, состав которой образуют обрамляющая единица и вставные сегменты, напр. вставные новеллы. По отношению к простой линеаризации, определяющей горизонтальную ось членения и связывающей отдельные монтажные сегменты в рамках линейной последовательности, обрамление задаёт вертикальную ось членения, объединяющую в нисходящий ряд последовательность вставных конструкций. Возможность обрамляющего включения одного сегмента в другой сообщает линейной геометрии повествовательного пространства столь необходимый ей эффект глубины. Монтажное инкорпирование, таким образом, выступает одним из способов размещения в рамках текста разнородных сегментов архитектуры, причём вставная конструкция может вводиться мотивом рассказывания, сопровождающимся, соответственно, эффектом задержания для вышестоящей повествовательной линии.

4.1.1.3. Чередование

Развёртывание сюжета может происходить по нескольким магистральям, связанным с различными событиями и вовлечёнными в них группами героев: «Обычно персонажи группируются на несколько самостоятельных групп, связанных каждая своей судьбой. <...> Повествование ведётся многопланно: сообщается о том, что происходит в одном плане, затем то, что происходит в другом плане, и т.д.» [Там же, с.198]. Приём чередования позволяет производить одновременное изложение нескольких независимых событийных последовательностей в пределах единого повествования. Наибольшая степень связанности и координации повествовательных линий может быть достигнута благодаря регулярности чередования, задающего определённый ритмический рисунок. Переменное чередование событийных фрагментов разных повествовательных отрезков реализуется в параллельной конструкции, которая, в свою очередь, является текстуальным проявлением сформулированного С.Эйзенштейном принципа вертикального, или полифонного, монтажа, в котором «...через серию кусков идёт одновременное движение целого ряда линий, из которых каждая имеет свой собственный композиционный ход, вместе с тем неотрывный от общего композиционного хода целого» [Эйзенштейн, 1940, с.17]. Однонаправленный порядок прочтения повествования определяет параллельную конструкцию чередующихся элементов изложения в качестве единственно возможной формы вертикального монтажа в пределах вербального текста. Напротив, кинематографический код располагает возможностью воспроизводить одновременно несколько визуальных рядов, изображающих параллельные повествовательные линии, а также интегрировать различные репрезентативные регистры (напр. аудиальный и визуальный).

4.1.1.4. Наложение

Присоединение единиц серии, при котором происходит частичное объединение монтажных сегментов, связано с приёмом наложения. В рамках архитектоники произведения экстрапозиция одной новеллы, напр., может выступать в качестве экспозиции другой, когда «конечная ситуация каждой новеллы является начальной для следующей новеллы; таким образом, в промежуточных новеллах отсутствует экспозиция и даётся несовершенная развязка» [Томашевский, 1927, с.197]. Разрушение новелл как обособленных единиц путём взаимоналожения расценивается Б.Томашевским в качестве необходимого условия образования романной формы, так, «необходимо не только объединить новеллы, но и сделать их существование немыслимым вне романа, т.е. разрушить их целостность. Это достигается отсечением концовки новеллы, спутыванием мотивов новелл (подготовка развязки одной новеллы происходит в пределах другой новеллы романа) и т.д.» [Там же, с.196-197]. Превращение обособленной единицы в конструктивный сегмент архитектоники путём наложения является хорошей иллюстрацией формирования целостности всего произведения. Образующий в результате наложения различных сегментов тип архитектоники назовём слоистой конструкцией, а возникающую в результате наложения общую часть монтажных сегментов обозначим понятием суперпозиции. Рассматривая монтаж интертекстуально нагруженных сегментов, извлечённых из предшествующих текстов и объединённых в новом, Б.Гаспаров обозначал суперпозицию понятием «речевого шва», отмечая, что «различные коммуникативные фрагменты связаны друг с другом не по принципу парадигматического тождества (вариантности) и парадигматической контрастности, но по принципу наложения и смежности» [Гаспаров, 1996, с.141]

4.1.2. Семантическое согласование

Помимо способов позиционного согласования теории В.Шкловского и Б.Томашевского содержат описание ряда приёмов согласования семантического, среди которых следует выделить нанизывание, задержание, отождествление, а также градацию. Каждая разновидность семантического согласования находится в некотором соответствии с определённым типом позиционного согласования. Так, простой линейаризации новелл часто сопутствует нанизывание их на остов судьбы главного героя, обрамление вставного сегмента мотивирует задержание для основного сюжета, чередующиеся линии параллельной конструкции связываются с помощью отождествления персонажей, а наложение сегментов монтажа происходит обычно в рамках кумулятивной схемы. Подобная соотнесённость разновидностей позиционного и семантического согласования является типичным, но отнюдь не обязательным условием монтажа. Напр., введение мотива рассказывания может реализовываться не за счёт обрамления вставной конструкции, а с помощью линейаризации, при которой начальный сегмент последовательности получает форму пролога. Градации, состоящей обычно в связке с нанизыванием, достаточно простой линейной (кумулятивной) или кольцевой (циклической) конструкции. Наконец, нанизывание может происходить как в рамках линейного развёртывания, так и в пределах обрамляющего включения. Следует отметить, что в произведениях большого объёма используются различные типы монтажа, позволяющие образовывать сложные конфигурации составных сегментов, что приводит к формированию многомерной архитектурной конструкции. Согласованию элементов синтагматической последовательности придаёт дополнительную силу также сопутствующий некоторым событийным последовательностям логический и хронологический порядок сюжета.

4.1.2.1. Нанизывание

Повествование может использовать определённого персонажа в качестве стержня, на который нанизывается сюжет произведения. А.Никифоров, в частности, формулирует закон композиционного стержня сказки, согласно которому она «бывает одногеройная, двухгеройная <...> и никогда не бывает безгеройная...» [Никифоров, 1928, с.175]. С помощью приёма нанизывания, подробно описанного В.Шкловским [Шкловский, 1929], создаётся цепочная конструкция, при которой имеет место единый, проходящий сквозь все истории персонаж, наделённый обычно статусом главного героя: «Нанизывание новелл на одного героя – один из обычных приёмов объединения новелл в одно повествовательное целое» [Томашевский, 1927, с.196]. Стержнем сюжетного нанизывания может выступать также персонаж, выполняющий, напр., значимую с точки зрения повествования функцию хроникёра. Нанизывание, предполагающее прикрепление различных сюжетов к остоу судьбы главного героя, прочерчивает биографическую канву всей истории. Континуум повествования в таких случаях располагается согласно временной последовательности и воспринимается в соответствии с хронологическим порядком сюжета. Помимо связующей категории времени развитие сюжета может характеризоваться также определённой степенью пространственной смежности, иллюстрируемой жанром путешествия: «Типичный приём связывания новелл – это последовательное их изложение, обычно нанизываемое на одного героя и излагаемое в порядке хронологической последовательности новелл. Подобные романы строятся как биография героя или история его путешествий...» [Там же, с.197]. В лингвистическом плане нанизывание осуществляется посредством использования анафорических местоимений и номинаций персонажей, служащих их идентификации и различению.

4.1.2.2. Задержание

Хронометраж повествования не соответствует реальной хронологии событий, предполагая, напр., компрессию времени, когда «...время сказывания имеет меньшую длительность по сравнению с длительностью излагаемых событий» [Общая риторика, 1986 (1970) с.310]. Опуская, однако, приёмы сжатия или растяжения временной длительности в зависимости от целей повествования, следует акцентировать внимание на технике перебивания, при которой рассказ об одних событиях прерывается ради какого-либо другого сообщения, в частности, «роман представляет собственно замедленную в повествовании и растянутую новеллу, по отношению к которой всё остальное является задерживающими и перебивающими эпизодами» [Томашевский, 1927, с.198]. Значимым с точки зрения семантического согласования здесь является, вместе с тем, не сам приём перебивания, создающий прерывистую конструкцию архитектоники, но возобновление нарративной последовательности, восстанавливающее связь разъединённых частей, разнесение которых обусловлено повествовательной вставкой. Введение вставных сегментов, в свою очередь, может быть мотивировано нарративной инициативой одного из персонажей сюжета, его желанием рассказать историю, что позволяет с помощью повествовательного монтажа и посредством охватывающей истории формально соединить в пределах архитектурной конструкции ряд дискретных сегментов, соплагающих нередко разнородные друг от друга события, а также различные пространственные и временные сферы. Сопровождающее нарративное обрамление задержание порождает «...отсрочку, задаваемую ретардирующей структурой повествования» [Барт, 2001 (1970), с.89], возможные мотивировки которой, исследуя цикл «1001 ночи», перечисляет, напр., М.Герхардт [Герхардт, 1984 (1963), с.336-373].

4.1.2.3. Отождествление

Наряду с приёмом нанизывания, в соответствии с которым объединение новелл производится на базе главного героя, участвующего во всех основных событиях сюжета, Б.Томашевский упоминает приём отождествления второстепенных и эпизодических лиц: «Обычно в новеллах, объединённых в один роман, не довольствуются общностью одного главного героя, а лица эпизодические также переходят из новеллы в новеллу (или, иначе говоря, отождествляются). Обычный приём в романической технике – эпизодические роли в отдельные моменты поручать лицу, уже использованному в романе...» [Томашевский, 1927, с.196]. Предполагая полифункциональность действующих лиц литературного произведения, повествование позволяет многократно задействовать одного персонажа для участия в разных историях, развёртываемых в различных событийных линиях. Объяснение характерного для жанра романа перемещения персонажей из одного сюжета в другой, когда один и тот же персонаж участвует на правах действующего лица в разных сценах, формалисты усматривают в принципе экономии. Перекрёстная конструкция, основанная на приёме отождествления, при семантическом согласовании часто сопутствует параллельной конструкции в плане позиционного согласования, за счёт чего происходит сближение самостоятельных линий сюжета: основные событийные линии магистральных новелл могут сходиться и расходиться, персонажи из одной линии могут перемещаться в другую. В случае регулярности чередования разных событийных планов общего акционального поля перекрёстная конструкция становится базовой для воссоздания игрового процесса противоборства двух и более сил, в рамках которого «сюжеты соответствуют гамбитам, т.е. классическим розыгрышам этой игры, которыми в вариантах пользуются игроки. Задачи и перипетии соответствуют роли ходов противника» [Шкловский, 1929, с.59-60].

4.1.2.4. Градация

Ж.Пиаже рассматривает сериацию как операцию распределения объектов в упорядоченные ряды, простой пример которой он видит «...в нанизывании кружков детской “пирамиды” <...>, распределяемых в соответствии с уменьшающимися размерами» [Пиаже, Инельдер, 1963 (1959), с.28]. Примером градационной последовательности в повествовании В.Пропп считает кумулятивную сказку, свойствами которой являются накопление, нагромождение, а также усиление [Пропп, 1976, с.243]. В частности, приём нарастания сопутствует лиминальному сюжету (сюжету испытаний) и играет в рамках мифологического повествования ретардирующую роль. Подробную классификацию кумулятивных сказок с точки зрения их строения предложил А.Кретов [Кретов, 1994]. Для кумулятивной последовательности характерна ступенчатая конструкция, в рамках которой можно различать восходящую и нисходящую градацию. Описывая ступенчатый принцип монтажа, В.Шкловский указывал на построение действия по формуле арифметической прогрессии: «...я наметил тип ступенчатого нарастания мотивов. Такие нарастания по существу своему бесконечны, как бесконечны и авантурные романы, на них построенные» [Шкловский, 1929 с.68]. Согласно Н.Тамарченко [Тамарченко, 1986], однако, кумулятивная последовательность, сопровождающаяся эскалацией сюжетного действия, имеет естественный предел, выражающийся в кульминационной катастрофе. Кумулятивной противопоставляется также циклическая схема, в которой нарастание производится по обрамляющему принципу, когда переход от начальной к конечной ситуации сопровождается повышением статуса героя или внутренним изменением его [Тамарченко, 2001, с.39]. По Н.Тамарченко, обе схемы в эпическом повествовании взаимосвязаны, поэтому циклическая схема часто сочетается с кумулятивным нанизыванием внутри обрамляющей рамки.

4.1.3. Альтернатива

Сочинительные связи, обслуживающие монтаж повествовательных сегментов, могут устанавливать между единицами речевой цепи как соединительные отношения, или конъюнкцию («и»), так и разъединительные отношения, или дизъюнкцию («или»). В литературном произведении отсутствие предпочтения относительно какой-либо одной из версий дальнейшего хода событий обеспечивается возможностью создания дизъюнктивной альтернативы, фиксирующей обусловленную этим вариативность в развитии сюжета. Гипотетическая сетка выбора потенциального сюжета, таким образом, гораздо шире наличного, а содержание произведения может включать в себя не только свершившиеся события, но одновременно и все открывающиеся акциональные возможности [см.: Теория литературы, 2004, Т.2, с.301]. Именно в этом поле альтернатив и действует логика повествовательных возможностей К.Бремона, который рассматривает каждое действие с точки зрения различных участников, учитывая также все потенциальные ходы, вытекающие из одного действия: «Когда функция, открывающая последовательность, установлена, рассказчик всегда сохраняет за собой право дать ей реализоваться или сохраниться в потенции» [Бремон, 1972 (1966), с.109]. Принцип альтернативы лежит в основании жанра интерактивного романа, где читателю предоставляется право самостоятельного выбора дальнейшего развития сюжета из перечня возможных. Дизъюнктивными отношениями также объясняется распространённый в модернистской эстетике приём, когда восприятие события подаётся в различных интерпретациях, ни одной из которых не отдано предпочтение. В целом же альтернатива сюжета, выражаемая в амбивалентности восприятия прошлого и прогнозирования будущего, обычна для фикциональных текстов, поэтому «колебания, испытываемые читателем, – первейшее условие фантастического жанра» [Тодоров, 1997 (1970), с.23].

4.2. РИТОРИКА

4.2.0. Риторические приёмы

Р.Якобсон, рассматривавший синтагматическое расположение элементов в связи с теми ассоциативными отношениями, которые между ними в речевой цепи устанавливаются, определяет риторику текста следующим образом: «Поэтическая функция проецирует принцип эквивалентности с оси селекции на ось комбинаторики. Эквивалентность становится констатирующим моментом в последовательности» [Якобсон, 1975 (1960), с.204]. Риторический эффект, однако, связан не только с присутствием в синтагматике аспекта парадигматического, но также выражается в обобщаемых группой μ трансформациях последовательности относительно нормативного порядка. Риторику текста, таким образом, можно свести к обнаружению в синхронии диахронического измерения, различающегося в зависимости от его статического (ассоциация) или динамического (трансформация) аспектов, что позволяет по-новому актуализировать традиционное подразделение риторических средств на тропы и фигуры, озвучиваемое, в частности, Б.Томашевским, который под тропами понимал «приёмы изменения основного значения слова...» [Томашевский, 1927, с.29], а фигуры рассматривал как различные способы уклонения от нормы, т.е. как «изменение узуального значения синтаксической конструкции» [Там же, с.50]. Интегрируя соотносимую с риторикой Р.Якобсона монтажную теорию С.Эйзенштейна с трансформационным подходом, А.Жолковский и Ю.Щеглов сформулировали концепцию поэтики выразительности, согласно принципам которой риторика может быть определена в виде суммы типовых операций, или приёмов выразительности. Опора на данный теоретический комплекс позволяет обобщить приёмы выразительности и соответствующие им риторические средства в форме следующей таблицы (см. табл. 4).

Таблица 4:

<i>Приёмы</i>	<i>Тропы</i>	<i>Приёмы</i>	<i>Фигуры</i>
<i>Совмещение</i>	Метонимия	<i>Добавление</i>	Повтор
<i>Разбиение</i>	Синекдоха	<i>Сокращение</i>	Эллипсис
<i>Сходство</i>	Метафора	<i>Замещение</i>	Парафраза
<i>Контраст</i>	Антитеза	<i>Перестановка</i>	Инверсия

4.2.1. Тропы

Р.Якобсон отстаивал представление об особой роли смежности и сходства в согласовании единиц речевой цепи: «Речевое событие может развиваться по двум смысловым линиям: одна тема может переходить в другую либо по подобию (сходству), либо по смежности» [Якобсон, 1990 (1956), с.126]. В зависимости от того, к какому способу выражения, через сходство или смежность, прибегает субъект речевой деятельности, Р.Якобсон называл первый способ образования пропозиции метафорическим, а второй – метонимическим, отождествив, таким образом, метафору с согласованием на основе сходства, а метонимию с согласованием на основе смежности. Обобщая, Р.Якобсон утверждал, что «в способах обращения с этими двумя видами связи (сходством и смежностью) в обоих их аспектах (позиционном и семантическом), в их выборе, комбинировании и ранжировании каждый индивид проявляет свой личный языковой стиль, свои языковые склонности и предпочтения» [Там же, с.127]. Идеи Р.Якобсона получили развитие в метонимической интерпретации метафоры Ж.Лаканом, а также в теории У.Эко, согласно которому «...всякая метафора может быть сведена к лежащей в её основе цепочке метонимических связей, которые составляют каркас кода и служат опорами всякого семантического поля – частичного или (в теории, в идеале) глобального» [Эко, 2005 (1979), с.118]. Итоговый список тропов получаем путём прибавления к метонимии синекдохи, которая реализует отношения смежности на основе включения и является, по Р.Якобсону, лишь разновидностью метонимии, а также дополнения метафоры, устанавливающей отношения на основе сходства элементов, антитезой, в основании которой лежит приём контраста, подробно освещаемый в поэтике выразительности.

4.2.1.1. Совмещение

Существенную роль в семантике знака играют смежные с ним элементы, поэтому изменение контекста может перекодировать значение всего текста. В частности, Р.Барт обращал внимание на то, что знаки, помимо денотативного значения, могут иметь разнообразные коннотативные варианты в зависимости от того окружения, в которое они попадают, а П.Ман [Ман, 1999 (1979)], демонстрировавший контекстуальный характер риторических средств, указывал на то, что контекст создаёт значение помимо прямого. Метонимический характер серии в целом позволял Ж.Лакану озвучивать идею, согласно которой «...именем метонимии мы назовём первое русло в том силовом поле, которое создаётся означающим для возникновения смысла» [Лакан, 1997 (1966), с.64]. Смежность элементов нарратива, устанавливающая метонимические отношения в позиционном и семантическом аспекте, достигается, однако, за счёт конкретного приёма, а именно совмещения. С.Эйзенштейн усматривал смысл монтажа в способности выражать идею и достигать нужного эффекта посредством выбора и соединения характерных предметов: «...два каких-либо куска, поставленные рядом, неминуемо соединяются в новое представление, возникающее из этого сопоставления как новое качество» [Эйзенштейн, 1939, с.37]. Согласно А.Жолковскому, Ю.Щеглову, придававшим отношениям смежности также большое значение, «совмещение может выражаться как в слиянии двух предметов в новый предмет на их пересечении <...>, так и в добавлении к уже имеющемуся предмету новых свойств...» [Жолковский, Щеглов, 1996, с.46]. Рассматриваемое поэтикой выразительности совмещение в одном и том же предмете различных качеств или функций следует считать частным случаем применения принципа смежности.

4.2.1.2. Разбиение

Любая форма целого предполагает средства, позволяющие разбить её на части. Следовательно, помимо объединения элементов в более крупные единицы, компоненты серии, в свою очередь, способны разлагаться до составных элементов, или подъединиц. Рассматривая подобные случаи повествовательного развёртывания, А.Жолковский, Ю.Щеглов формализуют их в виде приёма разбиения, указывая, что «разбиением элемента X называется замена его на совокупность его составных частей...» [Жолковский, Щеглов, 1973, с.33]. Возникновение эстетического эффекта мотивировано в этом случае совмещением частей, образованных в результате предварительного разложения целостного объекта. Разбиение в чистом виде, однако, не привносит в предмет новых свойств и играет лишь подчеркивающую роль, обнаруживая при этом внутреннюю смежность составных частей единицы. В статье «Семиотика литературы» Ц.Тодоров, ссылаясь на группу μ , связывает процедуру разложения элемента на части с принципом синекдохи, утверждая, что «в основе синекдохи лежит отношение включения (инклюзии), принимающее различные формы в зависимости от того, разлагается ли целое на части или же на признаки...» [Тодоров, 1983 (1974), с.353]. Вместе с тем, отнюдь не каждая единица синтагматической последовательности, представленная в качестве составленной из других частей, должна, по всей видимости, рассматриваться в риторическом ключе. Речь зачастую идёт о разбиении единиц, характеризующихся высокой степенью целостности, а также о замещении целого совокупностью дискретных элементов. Дробление вводимого сегмента может сопровождаться также замещением целого частью, либо опущением некоторых частей целого, что порождает фрагментарный характер объекта.

4.2.1.3. Сходство

Помимо согласования на основе смежности значимая роль в риторическом оформлении текста принадлежит согласованию на основе сходства, тропологическим эквивалентом которого является понятие метафоры. Установление отношений сходства, согласно поэтике выразительности, производится с помощью приёма собственно согласования двух в чём-либо сходных элементов на основании общего атрибута, который С.Эйзенштейн называет монтажным признаком. Исследование литературного параллелизма, некогда предпринятое А.Веселовским [Веселовский, 1913, Т.1], было продолжено в работе Р.Якобсона [Якобсон, 1987 (1966)], который подробно типологизировал это явление на морфемном, лексическом, синтаксическом уровнях, а также в текстах В.Шкловского и Б.Томашевского, последний из которых призывал, однако, не смешивать данное понятие с параллельной конструкцией монтажа: «В употреблении термина “параллелизм” следует всегда различать параллелизм как одновременность повествовательного развёртывания <...> и параллелизм как сопоставление или сравнение <...>. Обычно одно совпадает с другим, но отнюдь не обуславливается одно другим» [Томашевский, 1927, с.199]. Отношением сходства объясняется включение в произведение семантически связанных сюжетных комплексов, что обуславливает, с одной стороны, согласование автономных сегментов повествования и, с другой стороны, присоединение единиц, обладающих тематическим или иного рода соответствием с предшествующими элементами. Семантической троп можно зафиксировать в тексте также в том случае, если соотносится «пара взаимно несопоставимых элементов, между которыми устанавливается в рамках какого-либо контекста отношение адекватности...» [Лотман, 1992, с.168].

4.2.1.4. Контраст

Риторический эффект может достигаться не только за счёт установления отношений сходства, но и благодаря приёму контраста, обнаруживаемого А.Жолковским, Ю.Щегловым в случае оппозиции контрастных элементов. Согласно поэтике выразительности, «два элемента считаются контрастными (или связанными контрастным отношением), если это либо 1) два противоположные значения одного и того же признака <...>; либо 2) два предмета (события, ситуации...), которые имеют хотя бы один общий признак, но обладают противоположными значениями этого признака...» [Жолковский, Щеглов, 1973, с.73]. Соотнесение элементов на основе двух типов противопоставления следует объединить понятием антитезы. Разновидность контраста, при которой контрастирующий член оппозиции не следует основному, а предшествует ему в результате перестановки, получает в поэтике выразительности статус отдельного приёма подачи, подвиды которого, а именно отказ, преподнесение и предвестие [см.: Жолковский, Щеглов, 1974], соответствуют, по сути, различным отношениям в семиотическом квадрате (см. § 5.2.2.2) и медиации. Причём если приём отказа согласует два элемента на основе отношений противоположности, а приём преподнесения согласует два элемента на основе наличия / отсутствия признака, то приём предвестия вводит аналог базового элемента в изменённом, обращённом, инвертированном виде. На основе контраста построены также другие выразительные конструкции А.Жолковского, Ю.Щеглова, а именно отказное движение, патетическое развитие и внезапный поворот. Увязка внезапного поворота, нацеленного на создание эффекта нарушения ожидания, с контрастными отношениями отсылает к идеям С.Эйзенштейна, который зачастую вместо обычного сцепления делает акцент на столкновении, конфликте монтажных кадров.

4.2.2. Фигуры

Для западной риторической традиции характерна трактовка фигуры как отклонения от нормы [см.: Тодоров, 1998 (1977), с.111], с которой в отношении риторики поэтического языка солидаризовался Я.Мукаржовский [Мукаржовский, 1967 (1932)], а также некоторые представители новой критики [см.: Уэллек, Уоррен, 1978 (1956)]. Ж.Коэн связывает механизм образования фигуры с нарушением существующего языкового кода, а представители группы μ указывают на значимость для риторики отклонения от нормы с той поправкой, однако, что «...именно отношение норма / отклонение, а не отклонение как таковое является главным для понятия стиля» [Общая риторика, 1986 (1970), с.51]. Участники группы μ , рассматривавшие использование фигур на различных уровнях языка, в том числе в пределах пропозиции, вместе с тем, создание риторики текстов больших, нежели предложение, считали задачей далёкого будущего, исследуя нарративные фигуры лишь факультативно [Там же, с.300-347]. Восполняя этот пробел, рассмотрим риторику повествования в аспекте диспозиции самостоятельных единиц нарратива, учитывая значимость нормативной последовательности, по отношению к которой присутствие трансформаций в синхронии может быть опознано. Под нормативным порядком повествования понимается не только логический и хронологический порядок сюжета, но и порядок, возникающий как результат определённой конвенции (напр. жанровой), а также формируемый контекстом самого произведения [см.: Риффатерр, 1980 (1967)]. Риторические трансформации могут быть обнаружены также при сравнении текста с содержащимся в нём интертекстом. Набор риторических приёмов, создающих различные фигуры повествования, согласно группе μ , образуют трансформации сокращения, добавления, сокращения с добавлением (замещения) и перестановки.

4.2.2.1. Добавление

Изложение повествуемой истории может осложняться применением риторической фигуры повтора, в основе которой лежит выделяемая группой μ трансформация добавления, обнаруживаемая Ж.Дюбуа, напр., в случае дизъюнктивного повтора, «...когда автор даёт несколько возможных толкований одним и тем же фактам, как это происходит в детективах» [Общая риторика, 1986 (1970), с.325]. Приём повторения упоминается также и в поэтике выразительности А.Жолковского, Ю.Щеглова, где «повторением элемента X называется замена X -а на несколько элементов $X_1, X_2, X_3, \dots$, раздельно воспроизводящих X без существенных изменений» [Жолковский, Щеглов, 1973, с.26]. Рассматривая применение повтора, А.Жолковский, Ю.Щеглов указывают на необходимость регулярности его употребления, более заметного по сравнению с нормальной встречаемостью в тексте, в зависимости от чего повторение может иметь регулярный или нерегулярный, ритмический или неритмический характер [Там же, с.28]. Повторение в чистом виде А.Жолковский, Ю.Щеглов рассматривают в качестве элементарного приёма, требующего соединения с другими приёмами, в частности, усиления или подчеркивания: «Обычно повторение применяется с одновременным усилением...» [Жолковский, Щеглов, 1996, с.44]. Проблематичность такого распространения вполне очевидна, т.к. результатом его становится у А.Жолковского, Ю.Щеглова приём нарастания, являющийся естественным признаком серии и получающий риторический статус при совместном использовании с другими приёмами. Необходимо также осознавать различие между повторением и варьированием, связанным с категорией тождество / различие (см. § 5.2.1.2).

4.2.2.2. Сокращение

Формулируя приём сокращения, А.Жолковский, Ю.Щеглов определяют его как замену элемента некоторой его частью, по которой восстановима вся содержащаяся в базовом элементе информация, необходимая с точки зрения выражаемой им темы [Жолковский, Щеглов, 1972, с.12]. Частичное сокращение, которое позволяет восстановить опущенное звено, рассматривалось также и группой μ , предлагавшей реконструировать содержание смысловой лакуны исходя из контекста: «Когда молчание представляет собой внезапное прекращение дискурса, оно получает название “обрыв”. <...> обращение к контексту может иногда подсказать, какая последовательность знаков была опущена, и тогда её можно восстановить» [Общая риторика, 1986 (1970), с.243]. Помимо частичного сокращения группа μ рассматривает случаи полного сокращения, когда, напр., имеет место опущение экспозиции события в пределах логического порядка сюжета: «О полном сокращении можно говорить, когда автор представляет дело так, словно причины ему неизвестны...» [Там же, с.324]. Отсутствие информации о произошедшем событии, функционирующее в контексте нарушения читательского ожидания, порождает рецептивную активность, создавая фигуру загадки, проанализированную Р.Бартом в работе «S/Z»: «...элементы герменевтической последовательности структурируют загадку по принципу ожидания и требования разгадки» [Барт, 2001 (1970), с.87]. Риторическое применение сокращения в случае повествовательного эллипсиса не следует смешивать с обычными для романа хронологическими пропусками второстепенных событий, а также с задержанием, когда речь идёт скорее о приостановке повествования, которое впоследствии возобновляется.

4.2.2.3. Замещение

Представленные выше риторические приёмы в основном совпадают с тем перечнем, который фигурирует в концепции А.Жолковского, Ю.Щеглова, однако отдельный приём, который бы соответствовал трансформации замещения, в поэтике выразительности отсутствует. Вместе с тем, в определении всех остальных риторических приёмов, согласно общей концепции А.Жолковского, Ю.Щеглова, содержится указание на замену инвариантной темы текстом посредством определённой процедуры, соответствующей тому или иному типу выразительной конструкции. В теории А.Жолковского, Ю.Щеглова, таким образом, приём замещения, являясь необходимым условием преобразования глубинной структуры в поверхностную, обозначается в качестве сопричастного всем остальным приёмам. Действительно, гипотеза Э.Бенвениста о сущности тропа как замещения позволяет видеть в субституции подоснову многих риторических средств. Так, метафора и метонимия в традиционной риторике интерпретируются не только в контексте сходства или смежности элементов, но и как результат замещения одного элемента на элемент сходный с ним или смежный. Трансформацию замещения, однако, следует расценивать как совершенно самостоятельный риторический приём, равноправный всем остальным и образуемый, согласно группе μ , путём соединения более простых трансформаций, а именно сокращения и добавления. Так, сокращение части сюжета в пределах нарратива может быть компенсировано добавлением на место композиционной лакуны реконструируемой версии события. Фигуру, соответствующую приёму замещения, обозначим понятием парафразы.

4.2.2.4. Перестановка

Приём повествовательной перестановки подробно рассматривался ещё В.Шкловским. В частности, инверсией объясняется перестановка частей в детективе, где подготовка и совершение преступления освещаются после основной части, в качестве которой выступают следственные мероприятия: «...временная перестановка, т.е. пропуск описания какого-нибудь события и появление этого описания уже после того, как обнаружались последствия события, часто может служить для создания тайны» [Шкловский, 1929, с.125]. По отношению к логическому порядку сюжета перестановка производит нарушение причинно-следственной последовательности, помещая, напр., экспозицию сюжета после экстрапозиции. В теории группы μ типичным случаем перестановки, которая может быть как простой, так и инвертированной, является обычное ретроспективное повествование, нарушающее хронологическую последовательность изложения событий: «Перестановка обнаруживается также тогда, когда ход времени в референционном плане представляется не равнозначным ходу условного времени. Если это время ретроспективное, можно говорить о перестановке посредством инверсии» [Общая риторика, 1986 (1970), с.322]. Различные виды ахронии, включая перестановку в пределах хронологического порядка сюжета, ведущую, напр., «...к строго возвратному движению повествования» [Женетт, 1998 (1972), Т.2, с.73], подробно изложены в книге «Повествовательный дискурс» Ж.Женетта. Однако, не все случаи ахронии следует рассматривать как риторические, т.к. часть из них вполне укладывается в конвенции романного жанра, допускающего биографические ретроспекции.

4.2.3. Суггестия

Риторика не сводима исключительно к своей орнаментальной функции, призванной различными средствами украшать повествование, и обнаруживает, в контексте теории аргументации, прагматические задачи, связанные с оказанием влияния посредством высказывания [см.: Перельман, Олбрехт-Тытека, 1987 (1958)]. Манипулирование читателем преследует прагматическую цель оказания нужного эмоционального эффекта, обозначаемого группой μ понятием этоса. Аналогичные представления позволяли Ж.Козну применительно к поэзии утверждать, что «...вопрос не стоит более в сообщении как таковом, как системе знаков, но в субъективном эффекте, производимом на получателя» [цит. по: Todorov, 1977, с.40]. Изучение социального функционирования текста в современной неориторике [см.: Неориторика..., 1987], таким образом, призвано исследовать суггестивный потенциал подобного рода риторических приёмов в тесной связи с анализом семантического содержания. Весь художественный опыт С.Эйзенштейна демонстрировал, что посредством риторики можно влиять и на смысловое восприятие текста, т.к., несмотря на аномальный характер фигур, отклонения «...могут быть сведены к норме посредством автокоррекции. <...> Отклонение, выстроенное автором, замечается читателем благодаря наличию маркера, но затем редуцируется им благодаря наличию инварианта» [Общая риторика, 1986 (1970), с.85]. Теория А.Жолковского, Ю.Щеглова также не исчерпывается рассмотрением риторических средств и содержит существенный аппарат семантического анализа (см. § 5.2.1.2), поэтому часть выводимых приёмов, отражающих парадигматический аспект функционирования текста, несёт в себе семантическую нагрузку, обслуживая реализацию инвариантного значения.

5. БРИКОЛАЖ

5.1. ИНТЕРТЕКСТ

5.1.0. Филиация

Подобно Пражскому лингвистическому кружку, представители которого противопоставили традиционному для структурной лингвистики приоритету синхронического анализа иллюзорность чистой синхронии, развитие формализма приводит его участников к осознанию историчности литературы, ранее ими отвергнутой. Представление Р.Якобсона и Ю.Тынянова, согласно которому «...каждая система дана обязательно как эволюция, а с другой стороны, эволюция носит неизбежно системный характер» [Тынянов, Якобсон, 1928, с.36-37], отражено в статьях «Литературный факт» и «О литературной эволюции» последнего [Тынянов, 1929], в которых постулируется включённость литературного феномена в историю. Соприсутствие в тексте предшествующих текстов Ю.Тынянов усматривает в явлениях пародии и стилизации, приёмы которых раскрываются в ключевой статье Б.Эйхенбаума «Как сделана “Шинель” Гоголя» [Эйхенбаум, 1919]. Развивая намеченную в позднем формализме тенденцию, М.Бахтин [Бахтин, 1979], воззрения которого существенно повлияли на формирование постструктуралистской доктрины, обнаружил в акте высказывания присутствие многоликого «чужого слова», по отношению к которому диалогически выстраивается новый текст. Рассмотрение в постформализме литературного процесса с позиции филиации, или прямого наследования, в соответствии с которым «...каждое новое явление литературы прямо вытекает из предшествующего» [Зенкин, 2000, с.67], не равнозначно, однако, представлению о преемственности в теории источников и предполагает учёт процессов деформации и конвергенции, напр. сдвига доминанты, т.е. ведущего приёма, в процессе эволюции. Описание различных стратегий, направленных на преодоление того влияния, которое оказывают на писателя его предшественники, впоследствии предпринял представитель Йельской школы Х.Блум [Блум, 1998 (1973, 1975)].

5.1.1. Интертекстуальность

Руководствуясь концепцией диалогизма М.Бахтина, Ю.Кристева озвучивает идею, согласно которой «...всякое письмо есть способ чтения совокупности предшествующих литературных текстов, что всякий текст вбирает в себя другой текст и является репликой в его сторону...» [Кристева, 2004 (1969), с.170]. Соприутствие в тексте фрагментов предшествующих текстов, от эксплицитной формы цитаты до имплицитной формы скрытой аллюзии, Ю.Кристева обозначает понятием интертекстуальности. Резюмируя определения интертекста, Н.Пьеге-Гро включает в него «...не только эксплицитные и имплицитные интерференции между произведениями, но и всякого рода диффузные явления перезаписи...» [Пьеге-Гро, 2008 (2002), с.51]. В случае заимствования текста из контекста другого произведения может происходить также его существенная деформация, поэтому, подобно представлению Ц.Тодорова, согласно которому «...следует говорить не о генезисе, возникновении текстов из чего-то нетекстового, а исключительно и только о переработке одних текстов в другие» [Тодоров, 1975 (1973), с.98], по Ю.Кристевой, текст продолжает существовать, совершая перерождение в каждом новом произведении, т.е. «...любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст – это впитывание и трансформация какого-нибудь другого текста» [Кристева, 2004 (1969), с.167]. Произведение, по Ю.Кристевой, аккумулирует подверженные модификации тексты предшествующих эпох, включая в свой состав многочисленные культурные артефакты, и «...всякий текст представляет собой пермутацию других текстов, интертекстуальность; в пространстве того или иного текста перекрещиваются и нейтрализуют друг друга несколько высказываний, взятых из других текстов» [Там же, с.136]. Сформулировав понятие интертекстуальности, Ю.Кристева открыла путь для дальнейших исследований в области межтекстовых взаимодействий.

5.1.1.1. Палимпсест

Ж.Женетт обозначает понятием палимпсеста разновидность письма, при котором запись производится поверх другого текста при сохранении элементов предшествующего текста, пропускающих в новом. Интертекстуальность Ж.Женетт считает, однако, разновидностью явления транстекстуальности, вводя широкую классификацию межтекстовых взаимодействий, в пределах которой различаются «...1) интертекстуальность как соприкосновение в одном тексте двух или более текстов (цитата, аллюзия, плагиат и т.д.); 2) паратекстуальность как отношение текста к своему заглавию, послесловию, эпиграфу и т.д.; 3) метатекстуальность как комментирующая и часто критическая ссылка на свой предтекст; 4) гипертекстуальность как осмеяние и пародирование одним текстом другого; 5) архитекстуальность, понимаемая как жанровая связь текстов» [Ильин, 1996, с.228-229]. В случае паратекста, уже упоминавшегося применительно к формалистскому толкованию понятия архитектоники (см. § 3.2.1.1), писатель ведёт редакцию текста в соответствии с кодексом издательских стандартов, оформляя ввод отдельных частей произведения добавлением ориентированных внутрь основного текста посвящений, заглавий, названий глав. Метатекстуальность выражается в различных примечаниях, послесловиях, авторских ремарках, комментирующих основной текст и несущих в себе дополнительный, часто авторефлексивный смысл. Актуализацию гипертекста можно наблюдать как в случае пародии, подразумевающей такой способ соотнесения текстов, при котором происходит существенная деформация предшествующей формы, так и современного пастиша, представляющего собой эклектическую конструкцию разнородных фрагментов. Гипертекстуальность и архитекстуальность, которая соотносится с таким понятием поэтики М.Бахтина как «память жанра», являются распространением классического понятия интертекстуальности.

5.1.1.2. Анаграмма

В записях Ф.Соссюра об анаграмме [Соссюр, 1977 (1971)], разновидностями которой являются анафония, гипограмма, логограмма и параграмма, фиксируется такой способ построения текста, при котором подбираемые слова содержат повторения элементов некоего ключевого слова [см.: Ямпольский, 1993, с.38]. Опираясь на логику анаграмм и апеллируя к авторитету Ф.Соссюра, Ж.Лакан обнаруживает способность текста в одном означающем поддерживать целый набор означаемых: «Достаточно, однако, прислушаться к поэзии <...>, чтобы услышать в звучании дискурса полифонию и убедиться, что он записывается одновременно на нескольких линиях партитуры» [Лакан, 1997 (1966), с.62]. Обусловленное деятельностью в области психоанализа представление Ж.Лакана [Лакан, 1995 (1966)] о множественности значений, способных поддерживаться означающей цепочкой, актуализируется всей последующей постструктуральной теорией, провозгласившей, что «...произведение искусства – это принципиально неоднозначное сообщение, множественность означаемых, которые существуют в одном означающем» [Эко, 2004 (1967), с.6]. Напр., обращаясь к понятию параграммы в контексте межтекстовых взаимодействий, Ю.Кристева указывает на её интертекстуальный статус: «...в параграмме данного текста функционируют все тексты, входящие в сферу чтения данного писателя» [Кристева, 2004 (1969), с.199], а П.Ман [Ман, 1993 (1986)] рассматривает факт гипограмматических инскрипций, осуществляемых посредством двойного кодирования, в качестве существенного довода в пользу наслоения смыслов. Интенция произведения, таким образом, не исчерпывается авторским заданием и может содержать в себе тексты, относительно содержания которых автор находится в состоянии неосведомлённости [см.: Каллер, 2006 (1997), с.75], в частности, «...критик говорит не только то, чего не сказано в произведении, но и то, чего он не намеревался сказать» [Ман, 2002 (1971), с.147].

5.1.1.3. *Дескриптивные системы*

М.Риффатерр, для которого текст представляет собой лишь ансамбль суперпозиций других текстов, признаёт основной целью литературоведческого анализа процесс вычитывания в произведении интертекста, который должен быть идентифицирован читателем. Различая предметное и дополнительное значение текста, воспринимаемое лишь при ретроактивном характере прочтения, М.Риффатерр видит сущность поэзии в установлении эквивалентности либо между словом и текстом, либо между текстом и другим текстом. Рассматривая семиотическую операцию производства знака [Riffaterre, 1978, с.23-46], М.Риффатерр предполагает соотнесённость всякого слова или словосочетания с гипограммой, т.е. словом или высказыванием, закреплённым в предшествующем узусе, в качестве которой могут выступать: 1) семы слова; 2) клише или цитаты; 3) дескриптивные системы. Согласно М.Риффатерру, «слова, образующие ассоциативную сеть, составляют дескриптивную систему ядерного слова; ядерная функция этого слова обусловлена тем, что его означаемое охватывает и организует означаемые слов-сателлитов» [Риффатерр, 1992 (1979), с.40]. Текстуальное сходство поэтому не всегда свидетельствует о прямом заимствовании текста предшествующего автора, обнаруживая скорее принадлежность к общей дескриптивной системе: «...факт наличия в двух текстах одной и той же дескриптивной системы ещё не доказывает, что первый текст повлиял на второй» [Там же, с.22]. Различные тексты во всех формах своей вариабельности могут сохранять преэминентность тем или иным дескриптивным системам, которые, хотя и сопротивляются изменениям, «...не могут вовсе ускользнуть от последствий семантической эволюции их лексических компонентов и, в ещё меньшей степени, от эволюции своих отношений с культурным окружением» [Там же, с.30], что определяет разрыв дистанции между кодом текста и кодом читателя.

5.1.2. Смерть автора

Традиционное для филологии представление об авторе как точке пересечения всех семантических осей произведения сменяется в постструктурализме аннигиляцией статуса всеведущей авторской инстанции, освобождением от её нарративного покровительства. Позиция субъекта письма отныне покоится исключительно на безличной силе языка, проводником которого автор выступает. В теории постструктурализма право на нарративное выражение узурпируется самим текстом, определяющим авторство в качестве атрибута логики своего построения. Ситуация «смерти автора», провозглашённая в рамках постструктурализма, предполагает, таким образом, отказ «...от наделения субъекта письма: 1) причиняющим статусом по отношению к тексту; 2) личностно-психологическими характеристиками и даже 3) самодостаточным бытием вне рамок пишущегося текста» [Постмодернизм, 2001, с.743]. Антигуманистический пафос концепции «смерти автора» спровоцировал протест гуманитарной общественности, возложившей ответственность за распространение подобных идей на представителей постструктурализма, упустив при этом из виду событие более фундаментального масштаба, а именно ситуацию распада картезианского субъекта в модернизме. Некартезианская модель субъекта, запрограммированная, в частности, романами Ф.Достоевского [см.: Кристева, 2000 (1970), с.471], на страницах которых этот распад собственно и произошёл [см.: Бахтин, 1929], подрывала принцип паноптикума классического повествования, целиком устроенного вокруг одного господствующего и наблюдающего взгляда. Теоретическое обоснование некартезианская модель субъекта, в свою очередь, получила в рамках психоанализа З.Фрейда, а также Ж.Лакана [Лакан, 1998 (1966)], согласно которому прохождение субъектом «стадии зеркала» предполагает напластование разных уровней идентификации, образующихся в поле Другого.

5.1.2.1. Архив

Проблематизируя вопрос «Что такое автор?», М.Фуко [Фуко, 1991 (1969)] отождествляет его с «...определённым и пустым местом, которое может быть заполнено различными индивидуумами...» [Фуко, 1996 (1969), с.96]. Рассматривая социальное функционирование феномена авторства, М.Фуко увязывает его с понятием дискурсивной практики, содержащей «...совокупность анонимных исторических правил, всегда определённых во времени и пространстве, которые установили в данную эпоху и для данного социального, экономического, географического или лингвистического пространства условия выполнения функции высказывания» [Там же, с.118]. Перечень высказываний, санкционированных к использованию в рамках той или иной дискурсивной практики или формации, М.Фуко обозначает термином архива. Субъект письма не только использует соответствующий языковой протокол, но и обращается в поисках семантического ресурса к сложившейся ассоциативной сети. Согласно М.Фуко, при анализе высказываний, таким образом, следует учитывать явление рекурренции, предполагающее, что «любое высказывание содержит поле предшествующих элементов, по отношению к которым оно располагается, но которое оно способно реорганизовывать и перераспределять в соответствии с новыми отношениями» [Там же, с.125]. Руководствуясь идеями М.Фуко, школа анализа дискурса развивает понятие интердискурсивности, определяя его как «...присутствие в любом дискурсе следов дискурсивных элементов предшествующих дискурсов, субъекты которых забыты», а также как «...идеологическое пространство, в котором разворачиваются дискурсивные формации с их отношениями господства, подчинения и противоречия» [Квадратура смысла..., 1999, с.45]. Задача исследователя, по М.Фуко, заключается в том, чтобы реконструировать базисный архив, описать содержание и параметры данной дискурсивной практики.

5.1.2.2. Скриптор

Пересмотр статуса автора обусловлен рассеиванием повествовательного голоса в речи Другого, бесконечная цитация которого, подобно интертексту Ю.Кристовой, приобретает тотальный характер и оборачивается деперсонализацией субъекта письма. По Р.Барту, процесс письма является отзеркаливанием разнообразных отнесённых в прошлое процессов чтения: «...письмо – это не средство передачи сообщения от автора к читателю; это – специфический голос самого чтения: в тексте говорит один только читатель» [Барт, 2001 (1970), с.146]. В отличие от вещи всякий знак, поступающий в распоряжение говорящего, всегда украден, присвоен. Совокупность предшествующих текстов образуют используемый субъектом письма означающий материал, формирующий тезаурус некоей энциклопедии, по У.Эко, или своеобразной «сокровищницы означающих», по Ж.Лакану. Постулируя в одноимённой статье ситуацию «смерти автора», Р.Барт для квалификации статуса пишущей инстанции выдвигает понятие скриптора: «Скриптор, пришедший на смену Автору, несёт в себе не страсти, настроения, чувства или впечатления, а только такой необъятный словарь, из которого он черпает своё письмо, не знающее остановки...» [Барт, 1989 (1968), с.389]. Формулируя понятие скриптора, Р.Барт наделяет любое творчество презумпцией плагиата, который признаётся по основанию неизбежным условием всей речевой деятельности. Более того, согласно представлениям Йельской школы, авторитет текста только и может опираться на отсылки к другим текстам, уже получившим свой статус. В свете интертекстуальной теории автор, таким образом, становится всего лишь местом схождения других текстов, точкой пересечения дискурсивных слоёв. Образец интертекстуального анализа Р.Барт даёт в «S/Z», представляя текст О.Бальзака как подшивку культурных цитат, а его автора – в качестве переписчика культурных кодов своего времени.

5.1.2.3. Бриколёр

Сущность метода бриколажа К.Леви-Строс усматривает в обращении к остаточным фрагментам предшествующих текстов, которые могут подвергаться реутилизации и комбинации в новых условиях порождения, т.е. «мифологическому мышлению <...>, свойственно вырабатывать структурированные совокупности не непосредственно наряду с другими структурными совокупностями, а используя остатки и осколки событий» [Леви-Строс, 1994 (1962), с.130]. Бриколёр оперирует уже готовыми элементами, а продукты бриколажа представляют собой «интеллектуальные самоделки» [см.: Женетт, 1998 (1972), Т.1, с.159], предполагающие вторичное использование материала, предназначавшегося изначально для совсем других целей: «...совокупность бриколёрских средств определяется не каким-либо проектом <...>; она определяется лишь своим инструментальным использованием, иначе говоря, если употребить язык бриколёра, элементы собираются и сохраняются по принципу “это может всегда пригодиться”» [Леви-Строс, 1994 (1962), с.126]. Бриколёр, таким образом, извлекает элементы из предшествующих текстов культуры и, проделав их инвентаризацию, создает оригинальную архитектурную конструкцию. Бриколёр ответственен лишь за реорганизацию элементов в пределах наличного инвентаря путём установления новых отношений в произведении, индивидуальность которого сводится к комбинаторному аспекту, т.е. иному расположению кусков одной и той же мозаики. Подбирая нужные фрагменты из репертуара возможностей, бриколёр производит редистрибуцию исходного материала, в процессе которой «создания всякий раз сводятся к новому упорядочиванию уже имеющихся элементов» [Там же, с.128], причём означаемое одной конструкции может использоваться в качестве означающего в другой. Письмо приобретает ретроспективную обращённость, отсылая к инвентарной совокупности, предоставляющей вариативный набор для селективных операций в бриколаже.

5.1.3. Коллаж / Бриколаж

Формулируя интертекстуальную концепцию, согласно которой речь возникает в результате соединения «...отложившихся в памяти и готовых к употреблению частичек языковой фактуры» [Гаспаров, 1996, с.66], именуемых коммуникативными фрагментами, Б.Гаспаров противопоставляет её коммутационному тесту. Содержание модели бриколажа К.Леви-Строса доказывает, однако, что интертекстуальность не противоречит структурному анализу, а является необходимым условием варьирования в пределах парадигматического ряда, т.к., по М.Риффатерру, напр., «...любое интертекстуальное сближение руководствуется не лексическими совпадениями, но структурным сходством, при котором текст и его интертекст являются вариантами одной и той же структуры» [цит. по: Ямпольский, 1993, с.71]. Подобно установке Б.Гаспарова на репродуктивную способность сознания, бриколаж демонстрирует ретроспективную обращённость письма, оперирующего в своём развёртывании ассоциативными сетями, которые формируются между различными текстами. Несмотря на синтагматический характер размещения интертекстуальных фрагментов, указание К.Леви-Строса на «предварительную напряжённость» элементов бриколажа позволяет рассматривать их в рамках парадигматической модели анализа нарратива: «Подобно образующим единицам мифа, возможные сочетания которых ограничены тем фактором, что они заимствованы из языка, где они уже обладают определённым значением, ограничивающим свободу маневрирования, элементы, собираемые и используемые бриколёром, “предварительно напряжены”» [Леви-Строс, 1994 (1962), с.127]. Отделив интертекст от его синтагматической репрезентации в серии, осуществляемой посредством коллажа, а также памятуя о том, что все ходы мифологического мышления имеют форму бриколажа, можно распространить это оригинальное понятие на сформулированную К.Леви-Стросом модель анализа мифологического нарратива в целом.

5.2. КОММУТАЦИЯ

5.2.0. Синтагматика / Парадигматика

В противоположность фонетике, занимающейся материальной стороной звукового строя языка, фонология, программа которой была изложена в тезисах Пражского лингвистического кружка, в работе «Основы фонологии» Н.Трубецкого [Трубецкой, 1960 (1958)] а также, напр., в статье Р.Якобсона и М.Халле [Якобсон, Халле, 1962 (1957)], позволяет обнаруживать конституирующие язык парадигматические отношения, получающие синтагматическую реализацию в речевой цепочке. По Р.Якобсону, всякий процесс текстопорождения пользуется в своём развёртывании двумя основными и взаимодополняющими операциями, а именно селекцией сходных единиц и комбинацией единиц смежных: «Речь предполагает отбор определённых языковых единиц и их комбинирование в языковые единицы более высокой степени сложности» [Якобсон, 1990 (1956), с.112]. Применение этих операций к исходному набору элементов ведёт к образованию совокупностей, члены которых принадлежат, таким образом, плану «...синтагматическому, когда их рассматривают в отношении друг к другу в материальной последовательности внутри речевой цепи, и парадигматическому, когда они поставлены одна к другой в отношении возможной замены, каждая на своём уровне и в своём формальном классе» [Бенвенист, 1974, с.24-25]. Парадигматические отношения рассматривались также в дескриптивной лингвистике, выдвинувшей базовое понятие дистрибуции, т.е. всех окружений элемента, а также сформулировавшей процедуру дистрибутивного анализа, состоящего в том, чтобы «...определить каждый элемент через множество окружений, в которых он встречается, и посредством двух отношений: отношения к другим элементам, одновременно представленным в том же отрезке высказывания (синтагматическое отношение), и отношения элемента к другим, взаимоподставимым элементам (парадигматическое отношение)» [Там же, с.130].

5.2.1. Инвариант / Вариант

Представление о языке как системе отношений актуализируется в концепции глоссематики Л.Ельмслева [Ельмслев, 1960 (1953)], позволившей сформулированным в рамках фонологии принципам придать универсальный для всех уровней языка статус. Формализуя процедуру лингвистического анализа, Л.Ельмслев выдвигает понятие коммутации, посредством которой устанавливается соответствие между изменениями в форме языковых единиц и изменениями в их содержании, или планом выражения и планом содержания: «Значение удостоверяется при помощи проверки на коммутацию (изменение означающего влечёт изменение означаемого) и на подстановку (изменение означающего не влечёт изменения означаемого); в первом случае проявляется инвариантное значение слова в системе языка, во втором – контекстуальный вариант значения» [Эко, 2004 (1968), с.77]. Применяя, таким образом, процедуры коммутации и субституции, можно инвентаризировать переменные элементы парадигматического ряда и установить на основе сопоставления вариантов семантический инвариант, являющийся их гипотетическим обобщением. Различая таксономическую модель, или модель смысловых оппозиций, и линейное развёртывание, выражаемое в динамической репрезентации, А.-Ж.Греймас предлагает членить континуум значения безотносительно к плану выражения, а также допускает возможность изотопного прочтения нарратива, предполагающего «...избыточную совокупность семантических категорий, которая делает возможным такое единообразное прочтение нарратива, что оно вытекает из частичных прочтений высказываний и разрешения их многозначности, стремясь при этом к единственному прочтению» [Греймас, 1985 (1970), с.111]. Рассмотрим концепции семантического анализа нарративного текста, артикулируемые в теории К.Леви-Строса, а также теории «Тема – Текст» А.Жолковского, Ю.Щеглова.

5.2.1.1. Арматура / Код

Ориентируясь на опыт лингвистической фонологии Р.Якобсона, К.Леви-Строс формулирует теорию анализа мифа [см.: Мелетинский, 1976, с.74-97], порывающую с традиционным для компаративистики, значимым представителем которой для него является Ж.Дюмезиль, упрощённым ассоцианизмом, предпочитая поиску первоначальной версии мифа обобщение всех образующих его состав «...комбинаторных вариантов, выполняющих одну и ту же функцию в разных контекстах» [Леви-Строс, 2001 (1958), с.233]. Инвариантное значение мифа реконструируется на основе соотнесения его вариантных субститутов, поэтому «...логическая связность явлений культуры, которая может быть указана в качестве их структуры, имеет место не вопреки, а благодаря их вариативности» [Островский, 2004, с.26]. Формализованный анализ К.Леви-Строса предполагает парадигматическое наложение корпуса мифологических текстов, составляющих предмет исследования четырехтомной «Мифологии» [Леви-Строс, 1999 (1964); 2000 (1967); 2000 (1968); 2007 (1971)], и требует, таким образом, помимо линейной записи мифа, также и вертикального его прочтения, т.е. сопоставления одних синтагматических пластов повествования с другими. Реализация в тексте семантического инварианта, зафиксированного в структурной конфигурации мифа, или его арматуре, может производиться, по К.Леви-Стросу, с помощью актуализации различных кодов (географического, астрономического, гастрономического): «...то же самое сюжетное сообщение при той же самой структурной конфигурации («арматуре») может быть передано посредством различных кодов, корреспондирующих между собой и объединяющих различные сказочно-мифологические сюжеты...» [Мелетинский, 1977, с.156]. Присущая мифу нарративная «избыточность» не означает, однако, что все мысленные коды, при условии их перекодировки и взаимной конвертируемости, одновременно задействованы во всех мифах, т.к. определённый набор кодов характерен для той или иной группы мифов.

5.2.1.2. Тема / Текст

Попытка вычленения семантического инварианта в пределах нарратива предпринималась также в теории «Тема ↔ Текст» А.Жолковского, Ю.Щеглова [Жолковский, Щеглов, 1971], в которой, опираясь на разграничение глубинной и поверхностной структуры, авторы описывают процедуру перевода инвариантной темы в текст согласно порождающей модели. Тема, реализующая коммуникативное задание текста, соответствует понятию семантического инварианта, получающего манифестацию с помощью различных приёмов выразительности в поверхностной структуре, в качестве которой выступает литературный текст: «...тема есть своего рода семантический инвариант всех релевантных элементов, аспектов, эпизодов и т.п. текста, а приёмы выразительности – способы художественного варьирования темы...» [Жолковский, Щеглов, 1972, с.7]. Помимо уже упомянутых риторических приёмов поэтики выразительности (см. § 4.2), которые обеспечивают в синтагматике реализацию инвариантного значения, существует ряд приёмов прямой манифестации семантического инварианта. Так, подобно С.Рубинштейну, который выделял в ряду основных операций мышления обобщение и конкретизацию, в модели «Тема ↔ Текст» фиксируется отношение темы и её развёртывания, или «конкретизации», в поверхностной структуре, причём «...конкретизация оказывается неизбежным “субстратом” остальных приёмов выразительности» [Жолковский, Щеглов, 1973, с.12]. Существенно также выделить в числе приёмов выразительности «варьирование», которое даёт основание для парадигматического установления темы в пределах одного произведения, позволяя определить ту семантическую ось, на основе которой формируются отношения сходства / различия внутри конституирующей семантической категории. Базисный набор инвариантных тем, характерный для того или иного автора и реконструируемый на основе анализа корпуса принадлежащих ему текстов, составляет, в терминологии поэтики выразительности, «поэтический мир» писателя.

5.2.2. Дифференциальный признак

По свидетельству У.Эко, «деятельность структуралиста предполагает две характерные операции: выделение и соотнесение» [Эко, 2004 (1968), с.347]. Парадигматическому анализу, следовательно, должна предшествовать процедура сведения текста к простейшим единицам, в качестве которых в сюжетологии обычно выступают мотивы или функции. Образующие в результате сегментации элементы подводятся под единый класс, соотносясь друг с другом путём установления отношений сходства, соответствующих, если имеет место сопоставление корпуса текстов, порядку интертекстуальности, и различия, в основании которого лежит дифференцирующий признак. Представление о дистинктивной сущности знака восходит, в свою очередь, к идеям Ф.Соссюра, считавшего, что в языке нет ничего, кроме различий, получив также воплощение в фонологической теории, которая предполагает редуцирование звуковой системы к фиксированному набору делимитативных признаков: «Каждый различительный признак предполагает выбор между двумя членами противопоставления, в основе которого лежит специфическое дифференцирующее свойство, отличное от свойств, лежащих в основе всех других противопоставлений» [Якобсон, Халле, 1962 (1957), с.232]. Дистинктивная, или оппозитивная, функция знака в парадигматическом плане соответствует контрастивной функции в синтагматическом плане, что позволяет выявлять парадигматические отношения в пределах линейной последовательности. Структуралистская версия анализа значения, транслирующая положения фонологии на область семантики, также предполагает исчисление смысловозначительных признаков, или дифференцирующих элементов, обозначаемых А.-Ж. Греймасом «семами» [Греймас, 2004 (1996), с.31], образование и реализация которых в речевой цепи подробно изложены в его «Структурной семантике». Несмотря на то что адекватные способы описания структуры значения пока отсутствуют, существует ряд опорных схем семантического анализа.

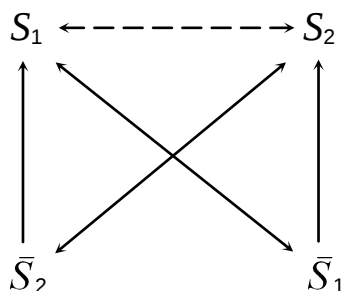
5.2.2.1. Бинарная оппозиция

Изолированный термин не содержит самостоятельного значения, обретая его исключительно в пределах оппозиторных отношений, складывающихся на основе установления сходства и различия признаков в пределах определённого парадигматического ряда. Установление инварианта предполагает включение вариантных субститутов в перечень парных противопоставлений, выполняющих в языке дистинктивную функцию, которая может быть выражена только через оппозицию признака к другому, его исключаящему: «...чтобы два термина-объекта могли быть восприняты вместе, нужно чтобы они имели нечто общее. <...> чтобы два термина-объекта могли быть различены, необходимо, чтобы они каким-либо образом отличались друг от друга...» [Там же, с.27]. Теория бинаризма, таким образом, сводит все отношения между знаками к бинарным оппозициям, а унифицирующим принципом построения семантической организации является дихотомизация бинарных оппозиций, производимая путём соединения других парных противопоставлений. По К.Леви-Стросу, выделяются три операции, осуществляемые с помощью бинарных оппозиций как единиц мышления: «...1) совмещение оппозиций; 2) перенос бинарности <...>; 3) ввод медиатора в контекст мифа» [Островский, 2004, с.86-87], укладываемые в представление Ж.Пиаже об основных операциях мышления. Опыт К.Леви-Строса демонстрирует, что бинарные оппозиции не предшествуют мифологическому нарративу, но в нём формируются. Конституирующие текст бинарные оппозиции, которые могут объединяться в пучки, образуют пространство его семантических координат и становятся «...не просто логической формой фиксации кодов, но своего рода логически ориентированным пространством мифологем, в котором только и может совершаться движение мифологическое мышление» [Там же, с.76]. К.Леви-Строс предлагал рассматривать бинарные оппозиции, образующие семантическое пространство нарратива, как основное условие мыслительной деятельности в целом.

5.2.2.2. Семиотический квадрат

Бинарность в структуральной теории, таким образом, представляет «тип отношений в семиотических системах, в рамках которого знак приобретает своё значение и смысл только через отношение со знаком, стоящим к нему в оппозиции» [Постмодернизм, 2001, с.81]. Вместе с тем, Р.Якобсон предложил разделять два типа бинарных отношений на основе: 1) наличия или отсутствия определённого признака ($A / \bar{A}$); 2) представления признака в различной форме ($A / \text{не-}A$). Опираясь на подобные представления, А.-Ж.Греймас сформулировал более сложную схему значения, затрагивающую область межкатегориальных отношений. Произведя «...обнаружение этой уже наличествующей артикулированности в максимально простой логической структуре – в “элементарной структуре значения”» [Рикёр, 2000 (1985), с.56], А.-Ж.Греймас формулирует модель семиотического квадрата [Греймас, Курте, 1983 (1975), с.496-502], представленного в виде следующей графической схемы (см. схему 6), где S_1 соответствует признаку “А”, а S_2 соответствует признаку “не-А” по Р.Якобсону. Выделяемые А.-Ж.Греймасом конститутивные оппозиции элементов значения основаны на различных типах логических отношений, которые характеризуют парадигматическую ось: отношение противоречия (контрадикции), отношение противоположности (контрарности), отношение дополнительности (комплементарности). Отношение противоречия $A / \bar{A}$ характеризуется «...невозможностью наличия обоих членов одновременно...» [Там же, с.497]. Отношение противоположности $A / \text{не-}A$ манифестирует один и тот же признак в различной форме. Отношение комплементарности $A / \text{не-}\bar{A}$ предполагает связь термина и отрицания его противоположности. Семиотический квадрат является максимально простой и, вместе с тем, наиболее полной репрезентацией тех смысловразличительных отношений, которые устанавливаются между элементами бриколажа.

Схема 6:

где:

$\longleftrightarrow$ отношение противоречия (контрадикции)

$\longleftrightarrow$ отношение противоположности (контрарности)

$\longrightarrow$ отношение дополнительности (комплементарности)

$S_1 - S_2$ ось противоположных членов

$\bar{S}_2 - \bar{S}_1$ ось субпротивоположных членов

$S_1 - \bar{S}_1$ позитивная схема

$S_2 - \bar{S}_2$ негативная схема

$S_1 - \bar{S}_2$ позитивное указание

$S_2 - \bar{S}_1$ негативное указание

[Там же, с.498-499].

5.2.2.3. Медиация

Транслируя на область нарративного текста положение фонологической теории Н.Трубецкого, в соответствии с которой рассматриваются случаи нейтрализации оппозиции фонем, К.Леви-Строс вводит понятие медиации, под которой понимается процесс нейтрализации бинарной оппозиции, и медиатора как предмета-посредника, носителя опосредующего, усреднённого значения: «Медиаторы опосредствуют противостояние членов оппозиции, фундаментальной для данной группы мифов, и тем самым как бы способствуют разрешению “проблемы мифа”» [Островский, 2004, с.82]. Введение медиаторов сопровождается формированием, по Ю.Лотману, «тернарной структуры», которая включает нейтральную зону, являющуюся обобщением двух других противопоставлений, а в целом механизму медиации соответствует, в адаптированной к повествованию трактовке Ю.Лотмана, «...перемещение персонажа через границу семантического поля» [Лотман, 1970, с.282]. Медиация в теории К.Леви-Строса представляет собой логический инструмент разрешения фундаментальных противоречий мифа: «...миф обычно оперирует противопоставлениями и стремится к их постепенному снятию, медиации» [Леви-Строс, 2001 (1958), с.235]. Разновидности медиации, по К.Леви-Стросу, «это и триады, где медиатор выступает семантической серединой между полярностями; и совмещение в медиаторе двух качеств, каждое из которых соотносено с одним из двух сопоставляемых предметов; это и одновременность контрастных предикатов по одному из аспектов медиатора» [Островский, 2004, с.83]. Схемой медиативного процесса выступает представленная алгебраическим образом формула $f_x(a):f_y(b)::f_x(b):f_{a-1}(y)$, где b – медиатор, способный принимать одновременно противоположные значения x и y , получившая содержательное наполнение в «Ревнивой горшечнице» К.Леви-Строса [Леви-Строс, 2000 (1985)], а также типологизацию в статье П.Маранды [Маранда, Кёнгас-Маранда, 1985 (1976)].

5.2.3. Герметизм

Выдвинутый «новой критикой» принцип герметического прочтения предписывает не покидать при анализе произведения его непосредственных пределов. В более широком смысле герметизм прочтения допускает ограничение области аналитического рассмотрения корпусом изоморфных текстов изолированной социальной группы, как, напр., в этнологических исследованиях К.Леви-Строса, либо произведениями одного и того же автора, как, напр., в модели «Тема ↔ Текст» А.Жолковского, Ю.Щеглова, т.е., по сути, границами определённой дискурсивной практики. Однако, уже У.Эко [Эко, 2005 (1979), с.12-13] доказывает, что К.Леви-Строс, ратуящий за изолированность объекта изучения, в написанном совместно с Р.Якобсоном эссе по поводу стихотворения Ш.Бодлера [Якобсон, Леви-Строс, 1975 (1962)] использует внетекстовый опыт читателя. Заочно соглашаясь с подобными претензиями, К.Леви-Строс озвучивает идею, согласно которой идеальная герметичность анализа достижима лишь в лабораторных условиях, и обращает внимание в «Печальных тропиках» на то, что до нас не дошли мифологические тексты в их первозданном виде вследствие чужеродного влияния со стороны привнесённой колониальной культуры и интерпретационного воздействия «белого человека». Смысл ассоциативен, поэтому, признавая интертекстуальность неотъемлемым свойством любого текста, следует признать и то влияние, которое оказывает на образование смысла как синтагматический, так и парадигматический контекст произведения. Установка на герметизм, предполагающая некоторую изначальную деконтекстуализацию, или извлечение из контекста, связана поэтому с желанием избежать неуместных контекстуальных значений, число которых может быть неограниченным. Напротив, полный отказ от герметизма прочтения открывает путь к вновь санкционированной рецептивной эстетикой и отвергнутым уже формалистами психологизму и социологизму гуманитарных исследований.

6. РИЗОМА

6.1. ГЕНОТЕКСТ

6.1.0. Трансформационный подход

Оставаясь в пределах дескриптивной лингвистики, выдвинувшей базовое понятие дистрибуции, или совместной встречаемости элементов, З.Хэррис обнаруживает производимые в пределах синтагматического распределения трансформации, под которыми понимается соотношение между двумя предложениями, содержащими одинаковые классы слов: «Если две и более конструкции $\langle \dots \rangle$, содержащие одни и те же n классов, встречаются с одним и тем же набором из n членов этих классов в одном и том же окружении в предложении, мы говорим, что эти конструкции являются трансформами одна другой и что каждая из них может быть получена из другой посредством определённой трансформации» [Хэррис, 1962 (1957), с.536-537]. Под термином трансформация, таким образом, следует понимать проекцию одного множества на другое, а также определённые действия над элементами конструкции, к числу которых относятся добавление, сокращение, замещение и перестановка. Задавая параметры генеративной теории, предполагающей процедуры перевода глубинной структуры в поверхностную, Н.Хомский описывает трансформационные правила, которые служат выведению определённого типа деревьев непосредственно составляющих из других деревьев [Хомский, 1962 (1957); 1972 (1965)]. По Н.Хомскому, «...нормальное использование языка носит новаторский характер в том смысле, что многое из того, что мы говорим в ходе нормального использования языка, является совершенно новым, а не повторением чего-либо слышанного раньше...» [Хомский, 1972 (1968), с.23]. Альтернативой теории Н.Хомского выступает аппликативная грамматика С.Шаумяна [Шаумян, 1964], в которой порождение нарративных комплексов, в однозначном соответствии с которым происходит порождение актантов, производится путём аппликации, напр., субъектной синтагмы, предикатной синтагмы и далее объектной синтагмы.

6.1.1. Текстуальная продуктивность

В контексте генеративизма статическое понимание высказывания (высказывание-результат) сменяется представлением о динамическом характере процесса текстопорождения (высказывание-процесс). Апеллируя к трансформационному методу, не втискивая, однако, свою концепцию в формулы порождающей грамматики, Ю.Кристева предлагает рассматривать текст как текстуальную продуктивность. Формулируемый Ю.Кристевой проект семанализа выступает способом выявления в тексте, который рассматривается как процесс структурирования, процедур его порождения, т.е. «семанализ настаивал на понимании значения не как знаковой системы, но как означающего процесса. По мнению Ю.Кристевой, текст нужно “динамизировать” – то есть осуществить ту работу дифференциации, стратификации и конфронтации, которая осуществляется в языке, – и именно такой “динамизированный” текст является объектом семанализа» [Постмодернизм, 2001, с.155]. Согласно Ж.Деррида [Деррида, 1999 (1972)], который описанию знаковых систем предпочитает рассмотрение семиозиса, значение возникает в результате движения от одного означающего к другому в результате процесса *différance*, который представляет собой «...производство различий, диакритичности: как условие возможности для всякой сигнификации и любой структуры. <...> Конституирование различия как такового предпослано <...> продуцированию всяких внутри-семиотических и внутрилингвистических оппозиций» [Постмодернизм, 2001, с.190]. Параллельно Ж.Деррида рассмотрение семиотического процесса предпринимается в работе Ж.Делёза «Различие и повторение» [Делёз, 1998 (1968)], а также в рамках теории неограниченного семиозиса У.Эко, согласно которому «всякий знак интерпретирует другой знак, и основное (базовое) условие семиозиса – это именно отсылка от одного знака к другому, бесконечная регрессия» [Эко, 2005 (1979), с.315].

6.1.1.1. Генотекст / Фенотекст

Опираясь на идеи аппликативной грамматики С.Шаумяна [Шаумян, 1964], в которой, в частности, разделяются понятия генотипа и фенотипа, Ю.Кристева вводит оппозицию генотекста и фенотекста, имеющую принципиальное значение для оформления проекта семанализа. Фенотекст представляет собой иерархически организованный и предназначенный для коммуникации семиотический продукт, напротив, генотекст сводится к бесконечному синтаксическому и семантическому процессу: «...генотекст – это процесс (означивания и структурирования), который разворачивается в зонах с подвижными и относительными границами <...>. Фенотекст – это готовый, иерархически организованный семиотический продукт, обладающий вполне устойчивым смыслом» [Постмодернизм, 2001, с.156]. Если генотекст образуется динамическими процессами порождения, то фенотекст мыслится в качестве фиксации их становления в конечной форме. Выполняя функцию означивания, генотекст, вместе с тем, получает отказ в презумпции осмысленности; текстуальная продуктивность, однако, тяготеет к стабилизации и, принимая форму предназначенной для коммуникации артикулированной системы, преобразуется в фенотекст. В пределах данной работы, таким образом, под генотекстом следует понимать общее трансформационное поле письма, распространяемое на все остальные структурные регистры, подобно тому как, по Ю.Кристевой, «вся совокупность трансформаций, производимых на основе принципа взаимно однозначного соответствия, образует трансформационное поле романа» [Кристева, 2004 (1970), с.522]. Для Ю.Кристевой трансформационный подход пробивает брешь в дискурсе выражения, и семанализ немыслим вне понятия трансформации, что позволяет обнаруживать в фенотексте протекающие трансформационные процессы генотекста.

6.1.1.2. Текст / Произведение

Развивая идеи Ю.Кристевой, Р.Барт, в свою очередь, вводит оппозицию текста и произведения. Текст, по Р.Барту, представляет собой область семиозиса, выступая исключительно «...как пространство, где идёт процесс образования значений, то есть процесс означивания <...>. Текст подлежит наблюдению не как законченный, замкнутый продукт, а как идущее на наших глазах производство...» [Барт, 1989 (1973), с.424]. Произведение является, напротив, фиксированной знаковой системой, рассматриваемой с точки зрения способности что-либо означать, выступать предметом коммуникативного обмена: «произведение, по Р.Барту, это центрированное смысловое единство, подчинённое телеологическому смысловому заданию, сознательно структурированный продукт, предназначенный для коммуникации» [Западное литературоведение..., 2004, с.44]. Конкретизируя данную оппозицию, Р.Барт указывает на то, что «произведение замкнуто, сводится к определённом означаемому. <...> В Тексте, напротив, означаемое бесконечно откладывается на будущее; Текст уклончив, он работает в сфере означающего» [Барт, 1989 (1971), с.416]. В соответствии с разделением произведения и текста Р.Барт противопоставлял структурному анализу анализ текстовый: «Текстовый анализ не ставит себе целью описание структуры произведения; задача видится не в том, чтобы зарегистрировать некую устойчивую структуру, а скорее в том, чтобы произвести подвижную структуризацию текста <...>, проникнуть в смысловой объём произведения, в процесс означивания» [Там же, с.425]. Определяя понятие «текста», атрибутами которого признаются, по Р.Барту, множественность, нелинейность, гетерогенность, опустим упоминаемое наряду с вышеобозначенным свойство интертекстуальности, которое уже рассматривалось применительно к другому структурному регистру (см. § 5.1.1).

6.1.2. Авантекст

Рассмотрение процессов текстуальной продуктивности позволило легализовать самодостаточное исследование таких текстов, каковыми являются, напр., авторские рукописи, изучением которых занялось направление генетической критики [Генетическая критика..., 1999]. Для обозначения фонда рукописей, составляющих генетическое досье писателя, генетическая критика выдвинула базовое понятие авантекста, или «...собрания черновиков, рукописей, вёрсток, “вариантов”, которые материально предшествуют произведению, рассматриваемому как текст, и могут образовать с ним единую систему» [цит. по: Западное литературоведение..., 2004, с.97]. Порождение литературного текста, зафиксированное в авантексте, который содержит совокупность разрозненных улик истории письма, предполагает множество потенциальных возможностей, поэтому «...одной из главных и открыто провозглашаемых целей “генетистов” является развенчание “мифологии” конечного текста как замкнутой и однозначной системы» [Там же, с.97]. Представление о закрытом списке канонических текстов писателя сменяется представлением о литературе как открытом множестве процессов письма. В понимании генетиста Ж.Бельмен-Нозля понятие авантекста распространяется не только на генетическое досье, или совокупность всех материалов, участвующих в создании произведения и засвидетельствовавших работу писателя над ним, но также на абстрактную модель генезиса текста. Под авантекстом, таким образом, понимается «...целостная модель, созданная критиком на основе анализа черновиков. Тем самым, с одной стороны, он возникает лишь как результат деятельности исследователя, а с другой – сохраняя статус “не-произведения”, превращается в неотъемлемую составную часть литературы» [Там же, с.98]. Формулируя понятие авантекста, Ж.Бельмен-Нозль предлагает разграничивать также понятие рукописи и черновика.

6.1.2.1. Рукопись

Произведение представляет собой изменчивую конструкцию, любой срез которой претендует на статус отдельной синхронической фиксации диахронически изменяющейся системы. В классической филологии целые пласты рукописей, однако, не попадали в поле исследований, т.к. не рассматривались в качестве полноценных текстов и упоминались лишь с позиции их участия в создании конечного произведения. Творческое наследие автора, вместе с тем, не исчерпывается предназначенными для публикации произведениями, в него входят также тексты, составляющие фонд рукописей. Характерная для классической филологии трактовка рукописных записей в качестве лишь вспомогательных средств литературного письма недостаточна, ибо редуцирует авторскую работу до статуса технической операции и представляет её в духе рациональной модели, где сам процесс творчества выстроен линейным образом и ведёт к заранее предустановленной цели. Изучение рукописей, однако, отнюдь не сводится к проведению сравнительно-исторического анализа и удостоверению точной привязки конкретных записей к биографии автора. В генетической критике преодолевается «финализм» филологического анализа, рассматривающего рукописи лишь с точки зрения их участия в формировании произведения: «Если в рамках филологии изучение рукописей помогает полнее выявить смысл завершённого, статичного («канонического») текста и историю его создания, то генетическая критика видит свою задачу в интерпретации рукописей как таковых – постольку, поскольку они позволяют критику проследить самый процесс письма» [Там же, с.97]. К рукописной редакции можно относить также изменения, вносимые в текст после его публикации в результате переиздания, либо под действием внешней цензуры, санкционированной со стороны дискурсивной формации, организованной в виде перечня запретов и предписаний.

6.1.2.2. Черновик

Как было отмечено, рукописный текст фильтрует неудачные, вернее отобранные автором в качестве таковых, подготовительные варианты художественного произведения. Вместе с тем, наряду с белой рукописью генетическая критика выделяет понятие черновика, являющегося пространством рождения сценария, или конденсатора сюжета. Безусловно, у писателя может иметься некий прообраз будущего произведения, однако приписывать ему целостный замысел, в неизменном виде воплощающийся в завершающей форме произведения, ошибочно. Написанию произведения предшествует длительная стадия разработки сюжета, следы которой фиксируются в черновиках, по которым можно проследить весь путь его создания, начиная с исходного плана, различных трансформаций, добавлений и устранений многочисленных вариантов, вплоть до финальной версии. Предпринимая структуризацию повествовательного материала, автор, таким образом, преобразует его в соответствии с изменениями своего художественного замысла, что сопровождается процедурами сокращения, отбора, сгущения материала, отражающими деятельность по переработке произведения. Генетической критикой, в свою очередь, «...идентифицируются и описываются все комбинации по переносу, замене, расширению, вычеркиванию, обнаруженные в рукописи, и на этом основании выявляются и приводятся в систему все генетические операции: составление плана, написание текста, его трансформация» [Генетическая критика..., 1999, с.123]. Процесс порождения литературного текста допускает как отказ от одной версии произведения в пользу другой, так и полную ликвидацию рукописи, что является аподиктическим жестом приостановки семиозиса, примером которого являются неоконченные произведения.

6.1.3. Теория нелинейных динамик

Теория нелинейной динамики призвана описывать «...процессы, которые могут быть отнесены к нелинейным, т.е. таким, в процедурности которых реализует себя феномен версификации (ветвления) перспективных траекторий эволюции» [Постмодернизм, 2001, с.499]. Исследуя динамические процессы, протекающие в физических средах, И.Пригожин сосредоточивает своё внимание на явлениях неустойчивости системы, определяющих как следствие ту или иную её организацию. С теорией нелинейной динамики тесно соприкасается концепция динамического хаоса, описывающая механизмы становления новых уровней организации, когда система, находящаяся в точке бифуркации, подвержена многочисленным флуктуациям и содержит в потенциале различные варианты порядка. Определяющее для теории самоорганизации понятие энтропии, экстраполяцию которого на область теории информации предприняли, напр., такие популяризаторы семиотического подхода, как Ю.Лотман и У.Эко, подразумевает дестабилизирующие процессы понижения уровня иерархичности и структурированности системы, что характерно для статуса генотекста в целом. Желая, однако, избежать тех претензий, которые предъявляли А.Сокал, Ж.Брикмон [Сокал, Брикмон, 2002 (1997)] к постструктурализму, т.е. воздерживаясь от слишком широких экскурсий в сферу естественнонаучного знания, следует обратить внимание лишь на то, что теория нелинейной динамики в концепции И.Пригожина, который, кстати, не оставил без внимания нарративный статус научного текста [Пригожин, 1991 (1989)], соотносится с исследованиями динамических процессов, протекающих в пространстве генотекста. В целом же книга «Порядок из хаоса» И.Пригожина, И.Стенгерс [Пригожин, Стенгерс, 1986 (1984)] имела большое значение для формулирования Ж.Делёзом, Ф.Гваттари модели ризомы.

6.2. ТРАНСФОРМАЦИЯ

6.2.0. Номадология

Содержание психоаналитических семинаров Ж.Лакана, выступивших своеобразной лабораторией для выработки теоретических основ постструктурализма, впоследствии было эксплицировано в многочисленных текстах Ж.Деррида, Р.Барта, Ю.Кристевой и других представителей данного направления. Анализ децентрированного субъекта (см. § 2.2.3), проблематизация Эдипова комплекса, соотнесение экономики желания и диалектики признания, психоанализа и неомарксизма, предпринятые Ж.Лаканом [Лакан, 2008 (1991)], получили, в частности, развитие в работах Ж.Делёза, Ф.Гваттари. Принципиально порывая с рациональной традицией, исследователи формулируют проект номадологии, анонсированный в книге «Логика смысла» [Делёз, 1998 (1969)] и развёрнутый в работе «Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения» [Делёз, Гваттари, 2007 (1972)]. В качестве базовых положений проекта номадологии значатся: «...а) рассмотрение предметности в качестве аструктурной; б) трактовка пространства как децентрированного и открытого для территориализации; в) новое понимание детерминизма, основанное на идее принципиальной случайности сингулярного события; г) снятие самой возможности выделения оппозиций внешнего и внутреннего, прошлого и будущего, мужского и женского и т.п.; д) придание феномену смысла проблематичного статуса» [Постмодернизм, 2001, с.524]. Введение ко второму тому «Анти-Эдипа», одновременно изданное отдельной книгой [Deleuze, Guattari, 1976], содержит формулировку неклассической модели ризомы, являющейся оптимальной для описания тех процессов, которые протекают в пространстве генотекста. Ризоморфное пространство генотекста изначально представляет собой результат децентрированного, нелинейного процесса, поэтому для описания диахронии перспективной, безусловно, следует применять предложенную Ж.Делёзом, Ф.Гваттари модель.

6.2.1. Принципы ризомы

Обосновывая ризому, Ж.Делёз, Ф.Гваттари вводят в аналитический инструментарий модель, которая, не являясь по факту структуралистской, репрезентирует, однако, совершенно определённый тип структуры, а именно динамическую структуру в диахронии. Генотекст, с одной стороны, не может быть адекватно представлен иначе как в форме ризомы, а с другой стороны, ризома являет собой некий трансформационный компонент, прилагаемый к другим моделям, но к ним отнюдь не сводимый. Обеспечивая трансформацию инфраструктуры нарративного развёртывания, ризома взаимодействует, таким образом, со всеми остальными моделями и обнаруживает своё присутствие при артикуляции различных регистров структуры. В работе «Ризома» Ж.Делёз, Ф.Гваттари маркируют специфику этой модели с помощью шести принципов, а именно принципов сцепления и гетерогенности, множественности и неозначающего разрыва, а также картографии и декалькомании. Кроме того, в различных текстах данных авторов часто фигурируют понятия дестратификации и детерриториализации. Следуя пунктирному плану, начертанному авторами, следует не только противопоставить выдвинутую модель ризомы другим структурным моделям, определив её отличительные свойства, но также описать способы её взаимодействия с этими моделями. Принципы ризомы, таким образом, следует разделить, по крайней мере, на два типа, противопоставляя свойства, которые отличают ризому от других моделей, являясь одновременно и атрибутивными признаками ризоморфного пространства, т.е. генотекста, в целом, а именно ацентризм, нелинейность, множественность, деструктивно-конструктивным процессам, которые демонстрируют взаимодействие ризомы с другими моделями посредством трансформаций, принимающих в зависимости от структурного регистра форму декалькомании, дестратификации, детерриториализации.

6.2.1.1. Ацентризм

Не придавая понятию центра объективного статуса, Ж.Деррида предлагал рассматривать его в качестве фикции, постулируемой наблюдателем. Ж.Делёз, Ф.Гваттари, в свою очередь, противопоставляют ацентризм ризомы любой форме целостности, которая обеспечивается в структурной теории применением модели стеммы, фиксирующей иерархический порядок элементов в соответствии с распределением ядра и периферии. Стемма, представляющая собой централизованную модель, которая образует нисходящую иерархию уровней, получила распространение в виде модели дерева непосредственно составляющих в порождающей грамматике Н.Хомского, а также вербоцентрической модели дерева зависимостей в лингвистике Л.Теньера. Провозглашая радикальный отказ от порождающей модели стеммы, Ж.Делёз, Ф.Гваттари противопоставляют ей модель ризомы, которая опрокидывает любую иерархическую организацию и «...не является ответственной ни за какую структуральную или генеративную модель. Она чужда всякой идее генетической оси в качестве глубинной структуры» [Там же, с.35]. В своём отрицании стеммы Ж.Делёз, Ф.Гваттари находят союзника в лице генетической критики, которая также оспаривает применение данной когнитивной модели для описания авантекста как множественного и децентрированного пространства, позиционируясь тем самым классической филологии, представляющей генезис произведения именно в виде модели стеммы, понимаемой как «род генеалогического древа, при помощи которого графически изображается последовательность, иерархия и взаимозависимость различных рукописных и печатных стадий разработки текста» [Генетическая критика..., 1999, с.287]. Формулируя задачу установления авантекста, генетическая критика фактически призывает к восстановлению генеалогии произведения, модифицирующегося на протяжении всего процесса порождения.

6.2.1.2. Нелинейность

Представление о стержнеобразующем способе структурирования связано с моделью серии, ответственной за линейный порядок синтагматического развёртывания. Напротив, ризому, которая с моделью серии напрямую взаимодействует, характеризует «...принципиально внеструктурный и нелинейный способ организации целостности, оставляющий открытой возможность для имманентной автохтонной подвижности и, соответственно, реализации её внутреннего креативного потенциала самоконфигурирования» [Постмодернизм, 2001, с.656]. Символическая репрезентация динамической структуры в диахронии в виде ризомы противостоит стержневидному образу серии, поэтому «в противоположность любым видам корневой организации, ризома интерпретируется не в качестве линейного “стержня” или “корня”, но в качестве радикально отличного от корней “клубня” или “луковицы” – как потенциальной бесконечности, имплицитно содержащей в себе “скрытый стебель”» [Там же, с.657]. В процессе письма сосуществует множество разновекторных направлений развития, поэтому подходить к изучению текстопорождения лишь с позиции линейной цепочки следующих друг за другом элементов бессмысленно. Линии позиционного соединения или семантического нанизывания, задающие перспективные траектории поступательного движения повествования, пребывают в состоянии постоянной модификации. В пределах генотекста, таким образом, стержнеобразующая в позиционном или семантическом аспекте ось находится в стадии формирования, что определяет разветвляющееся ризоморфное пространство генотекста, характеризующегося фрагментарностью, нелинейностью, ветвлением последовательностей. Анализ повествовательного произведения, предполагает, в свою очередь, выявление этой ризоматической структуры генотекста, имеющей принципиально децентрированный и нелинейный характер.

6.2.1.3. Множественность

Неотъемлемым атрибутом ризоморфного пространства является свойство множественности, предполагающее отсутствие в пределах генотекста единого кода, посредством которого можно производить его однозначную дешифровку. Принцип множественности, по Ж.Делёзу, Ф.Гваттари, предполагает, таким образом, устранение изотопии в пользу тотальной плюральности ризомы, поддерживающей многообразие кодов, перекраивающих территорию генотекста по различным направлениям означивания. Ризоморфная среда не предназначена для коммуникации, а представляет собой пространство *différance*, которое охватывает трансформационные процессы образования различий, разграничивающих поле значения и участвующих в установлении бинарных оппозиций. По Ж.Деррида, сущность семиозиса составляет замещение одного знака другим, а *différance*, или движение, производящее различие, оказывается основанием всех концептуальных оппозиций, структурирующих язык. Зафиксированным в пределах фенотекста бинарным оппозициям, а также отношениям, устанавливаемым в семиотическом квадрате, ризома противопоставляет процессуальные процедуры их дифференцирующей выработки. В ризоме нет стабилизированных в своём значении знаков, модификация которых в процессе *différance* предполагает перемещение означающего, функционирующего в генотексте во множестве наличных гетерогенных вариантов, из одной парадигмы в парадигму другого типа. Ризома, таким образом, несовместима с представлением об обнаружении некоего глубинного смысла и противопоставлена анализу семантики, призванному извлекать фиксированные инвариантные значения, что распространяется как на коммутационные модели, так и на матричную модель партиципатов, которая воспроизводит в форме ограниченного числа базовых семантических клише абстрактную структуру ролевого значения.

6.2.2. Деструктивно-конструктивные процессы

Трансформационный компонент приложим к целому ряду структурных теорий, в числе которых можно упомянуть, напр., концепции Э.Бенвениста, Л.Теньера, К.Леви-Строса [см.: Греймас, Курте, 1983 (1975), с.543-546], а также В.Проппа, который, сравнивая в статье «Трансформация волшебной сказки» свою функциональную схему с различными вариантами её реализации в сказках, обнаруживал, напр., редукцию, амплификацию, обращение элементов мотива [Пропп, 1976, с.153-173]. Однако, широкое распространение трансформационный подход получил благодаря появлению трансформационной грамматики, в контексте которой трансформации производятся над элементами в пределах дерева непосредственно составляющих. Правила, эксплицирующие переход от одной конструкции к другой, не исчерпываются, однако, трансформациями, производимыми, согласно теории Н.Хомского, над элементами дерева, а распространяются и на другие модели. В данной работе под трансформационными правилами понимается приложение трансформаций не только к модели стеммы, но и к другим структурным моделями, что позволяет определить различные области ограничения классов возможных правил преобразования. В зависимости от структурного регистра, в котором трансформационные процессы функционируют, их характер существенно изменяется, что, по всей видимости, и склоняло многих лингвистов, включая Н.Хомского, на определённом этапе научной деятельности вообще отказываться от понятия трансформации. Если, однако, свести трансформационные правила к двум базовым трансформациям сокращения и добавления, обобщаемым понятием деструктивно-конструктивных процессов генотекста, то моделирование с помощью ризомы приравняется описанию их протекания в пределах различных структурных регистров.

6.2.2.1. Декалькомания

Представление об актантах как стереотипных клише даёт основание интерпретировать вводимый Ж.Делёзом термин декалькомании в качестве эквивалента понятия актантных трансформаций, которые применительно к генотексту рассматривает Ю.Кристева [Кристева, 2004 (1970)]. Вместе с тем, в своём начинании Ю.Кристева руководствуется опытом аппликативной грамматики С.Шаумяна, в которой, помимо порождения нарративных комплексов, предусмотрена, в отличие от теории Н.Хомского, фиксирующей трансформации в пределах синтагматической цепочки, возможность актантных трансформаций в панхронии. В.Гак предлагает, напр., выделять три типа актантных трансформаций, а именно: «...а) изменение конфигурации актантов; б) развёртывание формы выражения предиката; в) добавление и устранение актантов» [Гак, 1998, с.268]. Формализуя трансформационные процессы в пределах сформулированной модели семантических падежей и абстрагируясь от образования пропозиции с помощью дерева зависимостей, можно свести матричные трансформации, помимо собственно введения и устранения партиципантов, к субституции в пределах падежной парадигмы и транспозиции субъектно-объектных отношений. В частности, перестановка объекта в позицию субъекта, лежащая в основе залоговых преобразований (обратимости), носит название конверсива, под которым структурная лингвистика в лице, напр., Ю.Апресяна, понимает слова, по-разному ориентирующие ситуацию относительно её участников. Типичным случаем является транспозиция инструмента или пациента в синтаксическую позицию субъекта, что значимо также в контексте актуального членения предложения. Целый ряд грамматических конструкций выступает результатом свёртывания логических отношений полипропозициональной конструкции в падежную форму (напр. субституция придаточного причины каузативом).

6.2.2.2. Дестратификация

Согласно Ж.Делёзу, Ф.Гваттари, «в книге, как и в любой другой вещи, есть линии сочленения или сегментации, страты, территориальности; но также и линии истечения, движения детерриторизации и дестратификации» [Deleuze, Guattari, 1976, с.9]. Трансформационные операции, производимые над порядком стратификации текста, в порождающей теории Н.Хомского осуществляются в пределах модели дерева непосредственно составляющих в виде процедур сокращения, добавления, замещения и перестановки его элементов. Значимое для данной работы описание трансформаций в пределах дерева зависимости предпринимает, в свою очередь, И.Мельчук, рассматривая операции добавления и опускания, расщепления и сращения узлов, а также перевешивания, склеивания (стяжения) ветвей [Мельчук, 1974, с.166], что допустимо спроецировать и на дерево композиции, фиксирующее логические связи сюжета (см. § 3.1.2). Под деструктивно-конструктивными процессами в пределах стеммы следует понимать, таким образом, производимые трансформации на уровне отдельных пропозиций или всей композиции текста. Деструктивно-конструктивные процессы в пределах композиционной стеммы сводятся к опущению связи двух пропозиций или установлению связи одной пропозиции с другой, в процессе чего элемент может перемещаться в иерархии зависимостей, изменяя свой интегративный статус в пределах архитектонической конструкции. Распаду связей между единицами композиции противостоят процессы нарождения связей в других областях гентекста, интегрирующий центр которого может возникнуть на любом локальном уровне. Компоненты композиционной стеммы, таким образом, находятся в различных взаимоотношениях динамической зависимости, предполагающей непрерывный процесс образования и разрушения связей элементов, а также постоянную субституцию одного центра другим.

6.2.2.3. Детерриториализация

Взаимодействие ризомы с серией выражается в процессах детерриториализации, посредством которых производится перераспределение и разграничение текстуального пространства: «“Писать” не имеет ничего общего с “означать”, скорее с “межевать”, “картографировать”, даже будущие области» [Deleuze, Guattari, 1976, с.12]. Лежащий в основании контекстной композиции принцип соединения, фигурирующий у Ж.Делёза, Ф.Гваттари в форме процедуры сцепления (коннекции), предполагает, что «...любое место ризомы может и должно быть присоединено к любому другому её месту» [Там же, с.20]. Процедура сцепления определяет открытость ризомы к соединениям внутри последовательностей, которые, однако, не являются стабилизированными и подвержены распаду. В дополнение к операции сцепления элементов синтагматики Ж.Делёзом, Ф.Гваттари рассматривается также принцип незначающего разрыва, согласно которому «ризома может быть сломана, разбита в каком-либо месте, она возобновляется, следуя той или иной своей линии, а также следуя другим линиям» [Там же, с.27]. В качестве примера сцепления и разрыва в аспекте семантического согласования можно привести нанизывание в пределах авантекста мотивов, стержнем которого является персонаж, выступающий осью прикрепления предикатов, и, напротив, растождествление некогда идентичных персонажей, фигурирующих в различных линиях сюжета, что применимо и к случаям идентификации нарратора с актором. Процедура детерриториализации, однако, заключается не в соединении или разъединении как таковом, но сводится исключительно к тем трансформациям, которые фиксируются при переходе от одного синтагматического отношения к другому. Генотекст, таким образом, в плане детерриториализации представляет собой некоторую подвижность, отражающую за счёт соединений и разрывов в линейной синтагматике способность ризомы к диахронической модификации серийных цепочек.

6.2.3. Нон-селекция

Ризома демонстрирует тесное взаимодействие с регистром парадигматическим, в пределах которого функционируют трансформации субституции и транспозиции, выполняющие значимую смыслообразующую функцию. Так, согласно Л.Ельмслеву, процедура коммутации предполагает операцию замещения, производящую последовательность взаимообратимых субституций в пределах вариантной парадигмы. Для анализа мифа у К.Леви-Строса трансформация замещения значима с точки зрения установления свода мифологических вариантов, а на основе семантической инверсии (перестановки) покоится процесс медиации. Парадигматическая модель, внутри которой устанавливаются отношения эквивалентности [Мельчук, 1974, с.152], предполагает, соответственно, и правила перефразирования, обеспечивающие движение замещения, однако представление о генотексте как вместилище вариантов-трансформов отнюдь не означает отождествления процессов ризомы с процедурами селекции в бриколаже. «Фактически никакого цельного селектора и нет, а есть неупорядоченный набор указаний – запретов, ограничений и индивидуальных требований самого разного рода...» [Там же, с.194], с помощью которых множество синтезируемых выражений просеивается и ограничивается. Селекция предполагает, таким образом, обращение к трансформации сокращения, представляющей собой некий фильтр, который допускает введение ограничителей, накладываемых на определённые сочетаемости, а также на употребление тех или иных вариантов, когда «...составляется перечень требований к желаемому результату, т.е. запрещённых и нежелательных ситуаций» [Автоматический перевод, 1971, с.7]. Селекция между парадигматически уравненными вариантами обнаруживается, однако, лишь в ретроспективном измерении диахронии. В пределах же ризоморфного пространства генотекста, представляющего перспективный аспект диахронии, господствует принцип нон-селекции.

0. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

0.3. ДЕКОНСТРУКЦИЯ

0.3.0. Аналитический метод

Возникновение структурализма знаменует собой процесс перехода гуманитарных наук с эмпирико-описательного на абстрактно-теоретический уровень, предполагающий, по М.Фуко, выработку объективного, «неантропологического» метода, предпосылками которого являются требования строгости, предъявляемые к процедуре анализа, представление объекта в формализованном виде, сведение его к элементарным единицам, а также совокупности свойств, получающих постоянные определения. Аналитический подход, установка на системность, рассмотрение объекта в рационализированном виде, сформулированные в рамках структурализма, положили, казалось бы, конец зависимости, в которой, в частности, литературоведение находилось по отношению к истории литературы, а также той или иной философской, психологической, социологической теории. Однако неспособность академической среды актуализировать разработанный в рамках структурализма аналитический аппарат, а также логоцентрическое основание собственно структурализма, способствовали в целом отходу от аналитической методологии в практике гуманитарных исследований, обречённых по большей части на некую весьма сомнительную герменевтику. В качестве алиби, которым обосновывается отказ гуманитарной науки от аналитического подхода, выступает культивируемый целым рядом научных школ и направлений, упоминаемый Ж.Лаканом [Лакан, 2000, с.220] весьма распространённый предрассудок («соблазн целостности»), согласно которому якобы существуют вещи, которые не поддаются анализу. Многие тенденции в современном гуманитарном знании, анонсированные, в частности, в работе «Соппротивление теории» П.Мана [Ман, 2004 (1986)] и подытоженные в книге «Демон теории» А.Компаньона [Компаньон, 2001 (1998)], очевидным образом свидетельствуют о попытках под видом преодоления структурализма в пользу открытого знания закрепить подобные ревизионистские устремления.

0.3.1. Структурализм

Разделяя основные установки лингвистического неопозитивизма относительно очерчивания границ мышления в пределах языка [см.: Винтгенштейн, 1958 (1955)], структурализм отвергал возможность метафизического проекта по существу. Отрицая приращение структурализма на статус философской доктрины, К.Леви-Строс трактовал его значение в качестве метода, посредством которого факты реальности переносятся в лабораторию и представляются в виде моделей. Отказ от наделения модели презумпцией метафизического статуса, ставший обязательной предпосылкой любого претендующего на научность исследования, не означает, однако, ниспровержения онтологического основания рационалистической науки. Критики структурного подхода, в частности, обращали внимание на то, что «...категория структуры в работах К.Леви-Строса имеет двойственное содержание: это и модель для познания реальности, и некие глубинные свойства самой реальности» [Островский, 2004, с.25]. Характерная для К.Леви-Строса апелляция к априорной структуре, пребывающей по ту сторону означаемого материала, в котором она получает свою манифестацию, обнаруживает онтологические корни структурализма, вписывая это явление в границы картезианской рациональности [см.: Хомский, 2005 (1966)], что служит основанием для опровержения структуральной методологии со стороны Ж.Деррида под знаком критики логоцентризма: «...господствующий сейчас в западной мысли и особенно во Франции тип дискурса – назовём его “структуралистским” – остаётся в плену <...> тех самых метафизики и логоцентризма, которые при этом поспешно объявляются уже “преодолёнными”» [Деррида, 2000 (1967), с.241]. Предположения, обнаруживаемые в утверждении К.Леви-Стросом возможности выявления пракода культуры, свидетельствуют в пользу обоснованности подобных претензий. Рассмотрим несколько теорий структурализма, для которых характерна логоцентрическая установка.

0.3.1.1. Компонентный анализ

Подобно Э.Сепиру, который рассматривал содержание в терминах дискретных элементов, компонентный анализ формулирует семантическую теорию, предлагающую описывать смысл с помощью ограниченного набора смысловоразличительных признаков. В соответствии с теорией компонентного анализа, таким образом, следует «...описывать и определять потенциально бесконечное число разных содержаний посредством конечного <...> набора элементов» [Эко, 2005 (1979), с.290]. Опираясь на успехи структурной семантики и руководствуясь представлением, согласно которому «...семиотическое выражение несёт в себе организованное и поддающееся анализу содержание, сформированное <...> как некий комплекс (или иерархия) элементарных семантических признаков» [Там же, с.290], компонентный анализ формулирует задачу покрыть всю область значения заданной инвентарной совокупностью сем. У.Эко обращает внимание, однако, на сомнительность попыток описания бесчисленного множества содержаний с помощью ограниченного количества семантических признаков. Теория лингвистического атолизма входит в очевидное противоречие с обширностью семантики, которую можно делить на бесконечное число классов и единиц, применяя различную глубину смыслового разложения. Проблематичной является и попытка иерархической организации дифференциальных признаков безотносительно к конкретно данному парадигматическому ряду, а также игнорирование синтагматического окружения, в котором встречается тот или иной элемент. Не разделяя, таким образом, иллюзий компонентного анализа относительно определения конечного набора универсальных сем, следует всё же отметить, что семантическая субкатегоризация может быть осуществлена применительно к ограниченному семантическому пространству наиболее общих зафиксированных в матрице партиципатов ролевых значений, в соответствии с которыми производится распознавание ситуации.

0.3.1.2. Порождающая грамматика

Интенциональность познавательного акта обуславливает усмотрение в основании исследуемого объекта некоей глубинной структуры, абстрагирование которой становится продуктивной гносеологической предпосылкой структурного анализа. Отличительной чертой структурализма собственно и является признание правомерной гипотезы, согласно которой постулируется существование в основании текста подобной скрытой структуры, которая реконструируется с помощью применения определённых аналитических процедур. Обнаружение глубинной структуры в основании множества эмпирических фактов, выступающих в качестве её поверхностной манифестации, отражено в формулируемом родоначальником структурализма Ф.Соссюром противопоставлении языка и речи, ставшего определяющим для всей последующей структурной теории. В частности, по Н.Трубецкому, «в противоположность однократному характеру речевого акта язык представляет собой нечто общее и постоянное. Язык существует в сознании всех членов данной языковой общности и лежит в основе бесконечного числа конкретных речевых актов» [Трубецкой, 1960 (1958), с.7]. Для Ж.Лакана, в свою очередь, язык, по аналогии с которым функционирует бессознательное [Лакан, 2002 (1998)], выступает в качестве общего структурирующего механизма, описать который означает выявить скрытые языковые структуры, предшествующие реальным речевым актам. Представление Ф.Соссюра о языке как «генераторе», или порождающем устройстве, создающем бесконечное количество текстов, разделялось Р.Якобсоном, К.Леви-Стросом, А.-Ж.Греймасом, а также создателем собственно генеративной лингвистики Н.Хомским. Образцом порождающей модели, соответствующей представлению о структуре как фиксированной конструкции с распределением ядра и периферии, в генеративной теории выступила модель дерева непосредственно составляющих, являющаяся дескриптивным вариантом стеммы.

0.3.1.3. Модель «Смысл ↔ Текст»

Характерными примерами логоцентрической теории в структурализме является лингвистическая модель «Смысл ↔ Текст», сформулированная И.Мельчуком совместно с А.Жолковским, а также её литературоведческий аналог, модель «Тема ↔ Текст», разработанная, в свою очередь, А.Жолковским совместно с Ю.Щегловым. Концепция «Тема ↔ Текст» [Жолковский, Щеглов, 1967], которая уже рассматривалась ранее (см. § 5.2.1.2), ставит задачу обнаружения по ту сторону литературного произведения конституирующих его семантическое поле инвариантных значений, реконструируемых путём вычитания приёмов поэтики выразительности. В модели «Смысл ↔ Текст», в свою очередь, язык понимается в качестве преобразователя, переводящего информацию в сигнал, т.е. рассматривается как «...устройство, имеющее вход и выход и перерабатывающее то, что подаётся ему на вход (задание), в нечто другое, что выдаётся на его выходе (результат)» [Мельчук, 1974, с.18]. Противопоставление в теории И.Мельчука, А.Жолковского смысла и текста соотносится с ельмслевской оппозицией плана содержания, представляемого в виде дискретных элементов, и плана выражения. Разделяя идеи компонентного анализа относительно атомарной структуры смысла, И.Мельчук обнаруживает, вместе с тем, способность языка выражать одно и то же содержание многочисленным образом, в соответствии с чем в семантической модели «правила, устанавливающие соответствия смысла и текста, имеют следующую логическую схему: “Если взять такие-то элементарные смыслы (= семы) и скомбинировать их таким-то образом, то для их выражения можно взять элементарные тексты (= морфы) и скомбинировать их так-то”...» [Там же, с.18]. Обращая внимание на логоцентрический характер данных теорий, неприемлемым следует признать всякого рода попытки выделения инвариантного значения вне отношений сходства / различия в пределах конкретно данного парадигматического ряда модели бриколажа.

0.3.2. Постструктурализм

Предпринятое в рамках постструктурализма разоблачение логоцентрического основания структуры привело к последующей девальвации её эпистемологического статуса, что повлекло за собой, напр., принципиальный отказ М.Фуко от использования данного понятия и его отмежевание в более поздних текстах от структурализма в целом, когда он мог позволить себе заявить следующее: «Я, безусловно, не являюсь структуралистом. Ведь структурализм – это всего лишь разновидность анализа» [Фуко, 2002 (1994), с.15]. Действительно, логоцентрический статус структуралистских моделей, а также ограниченность их потенциала для описания динамической структуры не могли удовлетворять критически настроенную часть научного сообщества, что способствовало оформлению маргинальных моделей, распространение которых было использовано в качестве основания для отказа от структурализма. Легализация неклассических моделей не может, однако, интерпретироваться в пользу устранения принципа структурности и тем более аналитической методологии, за что, в частности, выступал, возглавляя революционный мейнстрим постструктурализма, Ж.Деррида, перенося критику структуры на структурный анализ в целом. Предпринимаемая в данном исследовании реабилитация понятия структуры осуществляется в контексте отказа от априоризма структурализма, а также теоретического пересмотра данного понятия в аспекте полиструктурности системы, содержащей конечное число структурных регистров. Напротив, критика логоцентризма в постструктурализме не привела к выявлению типов структуры и составлению перечня моделей их описания, обернувшись провозглашением тотального релятивизма. Постулат о множественности прочтений содержится в основании таких направлений постструктурализма, как поэтика открытого текста и деконструктивизм, а также близкой к ним рецептивной эстетике.

0.3.2.1. Рецептивная эстетика

С момента своего появления рецептивная эстетика, представленная именами Р.Ингардена [Ингарден, 1962], Х.-Р.Яусса [Яусс, 1994 (1970)], В.Изера [Изер, 2004 (1972)] привнесла в литературоведение возможность отражать разнообразие видов рецепции, отличаясь, однако, двойственностью своих установок. В рецептивной эстетике, с одной стороны, постулируется тезис, согласно которому «...в литературное произведение встроена техника, активизирующая психологическую работу аудитории и направляющая её реакции по каналам, запрограммированным автором» [Жолковский, Щеглов, 1996, с.25], а с другой стороны, «...значение сообщения ставится в зависимость от интерпретативных предпочтений реципиента...» [Постмодернизм, 2001, с.960], восприятие которого детерминировано контекстом (экстекстуальным и интратекстуальным), что предполагает индивидуализацию каждого конкретного акта чтения [см.: Iser, 1976]. Интерпретация произведения, с одной стороны, очевидным образом обусловлена парадигмальными установками читателя, с другой стороны, М.Риффатерр [Риффатерр, 1980 (1967)] указывает на возможность авторского контроля за декодированием путём формирования нужного контекста в пространстве самого текста. Множественность прочтений и многозначность смысла, которые ещё Ю.Лотман призывал не смешивать, возникают, таким образом, на пересечении интенции автора и компетенции читателя при том условии, что автор также является реципиентом собственного произведения. Алгоритм повествования, в свою очередь, призван задавать координаты участников коммуникации, обеспечивая условия для выражения субъективности лица, принимающего речь в своё пользование. Повествовательная модель, оперирующая конкретными лингвистическими средствами, позволяет однозначно зафиксировать те формы нарративного присутствия, которыми наделяется в тексте нарратор и наррататор, а также субъект восприятия, или фокализатор.

0.3.2.2. Поэтика открытого произведения

Сохраняя оптимизм в отношении читательской рецепции, У.Эко оставляет возможность изотопного прочтения текста, за исключением, однако, тех случаев, когда мы имеем дело с признаками «открытого произведения», представляющего собой «гипотетическую модель» [Эко, 2004 (1967), с.10], применимость которой ограничивается областью относимых к XX в. литературных текстов. По У.Эко, «...разные тексты <...> могут быть охарактеризованы именно тем, на каком уровне они по преимуществу открыты» [Эко, 2005 (1979), с.75], т.е. всякий текст является открытым, однако открытые произведения выражают этот принцип наиболее отчётливо. Подобно формалистам, которые привлекали тексты адекватные своему методу, У.Эко обращается к произведениям, вызванным к жизни художественным опытом модернизма, в качестве примеров которого приводятся метод потока сознания Д.Джойса, автоматическое письмо сюрреализма, серийная техника П.Булёза. Такой принцип построения нарратива характеризуется преимуществом контекстной композиции над отношениями зависимости, а также смещением акцента с логических отношений сюжета на монтажные и риторические приёмы, обеспечивающие экспрессивное воздействие на читателя. «...В основе поэтики разнообразных течений авангарда лежит принцип соположения, – пишет Ю.Лотман, – <...> смыслообразующим принципом текста делается соположение принципиально несоположимых сегментов. Их взаимная перекодировка образует язык множественных прочтений, что раскрывает неожиданные резервы смыслов» [Лотман, 1992, с.175]. Ориентируясь на семиотику Ч.Пирса, У.Эко, таким образом, выступает с теоретическим обоснованием модели серии, призванной воспроизводить якобы «отсутствующую структуру», т.е. динамическую структуру в синхронии, при одновременной элиминации модели стеммы, фиксирующей «закрытую структуру» как на уровне логического порядка композиции (причинно-следственных связей), так и на уровне соединения партиципантов в пропозицию.

0.3.2.3. Деконструктивизм

Пользуясь апофатическим подходом, Ж.Деррида формулирует понятие деконструкции, определяемой в качестве того, что не является одновременно ни анализом и ни синтезом, ни критикой и ни методом, ни актом и ни операцией. Не получив в теории Ж.Деррида строго формального обоснования, на что автор, собственно, и не претендует, метод деконструкции был обречен на профанацию в гуманитарной среде. В таком аморфном виде определение деконструкции давало повод истолковывать её в качестве способа множественного прочтения, хотя, по Ж.Лакану, которому принадлежит первенство в употреблении данного понятия, латинский перевод которого означает анализ, «истолкование не открыто любому смыслу. Сказать так, означало бы согласиться с мнением тех, кто, обвиняя аналитическое истолкование в произвольности, утверждает, что истолкования возможны любые – что совершенно абсурдно» [Лакан, 2004 (1973), с.267]. В постструктурализме существуют различные определения термина деконструкция, обобщение которых предпринимает, напр., Э.Истхоуп [см.: Ильин, 1996, с.178-179]. В частности, литературоведческая спецификация метода деконструкции заключается «...в выявлении внутренней противоречивости текста, в обнаружении в нём скрытых и незамечаемых не только неискушённым, “наивным” читателем, но ускользающих и от самого автора <...> “остаточных смыслов”, доставшихся в наследие от речевых <...> практик прошлого...» [Там же, с.4]. В концепциях Р.Барта и Ю.Кристевой деконструкция предстаёт в виде вскрытия множественности конституирующих произведение текстуальных кодов, а в работах М.Фуко выступает обнаружением интердискурсивных зависимостей дискурса. В теории Ж.Делёза, Ф.Гваттари понятие деконструкции заменяется совокупностью процедур декалькомании, дестратификации, детерриториализации, что позволяет ограничить протекающие в генотексте деструктивно-конструктивные процессы компетенцией ризомы.

0.3.3. Преодоление логоцентризма

Хотя постструктурализм сформулировал ряд неклассических моделей, которые были основаны на гибкой системе означивания и служили скорее способом переразложения исходного объекта, нежели попыткой реконструкции мнимого означаемого, преодоление логоцентризма в рамках данной методологии было осуществлено лишь на декларативном уровне. Объясняется это тем, что логоцентрическим следует признать любое притязание на описание объекта с помощью единственной модели безотносительно к указанию структурного регистра, по отношению к которому она применяется, и вне актуализации ряда других моделей, используемых в процессе анализа различных аспектов текстопорождения. Интеграция указанных шести моделей, в состав которых входят матрица, алгоритм, стемма, серия, бриколаж и ризома, репрезентирующих функционирование письма в шести структурных регистрах, позволяет иначе обосновать и конкретизировать содержание аналитического метода получившего название деконструкции. Результаты данного исследования дают основание переформатировать статус деконструкции, т.к., вполне оправдывая плюрализм методологий, полагают всё же интерпретативной множественности предел, ограничиваемый процедурой демаркации научного знания. С одной стороны, деконструкция сохраняет статус метода аналитического, отнюдь не все компоненты которого при этом являются структуралистскими, с другой стороны, оперирует целым комплексом различных моделей, применяемых в соответствии с принципами дополнителности и релевантности, что даёт основание говорить о преодолении логоцентризма. Описывая процедуры письма в различных структурных регистрах, анализ приобретает специфические формы декомпозиции, демонтажа, деколлажа, деструктуриции и т.д., соответствующие определённому предметному полю, по отношению к которому метод применяется, и, следовательно, той модели, которая задействуется.

0.4. ГРАММАТОЛОГИЯ

0.4.0. Транслингвистика

Проект науки, интегрирующей гуманитарные дисциплины на основании структурной методологии, выдвигался в рамках программ транслингвистики Р.Барта, метасемиологии Л.Ельмслева, а также универсальной грамматики Ц.Тодорова, порождающий компонент которой Н.Хомский [Хомский, 1972 (1968)] возводит к рациональной грамматике Пор-Рояля. Выдвижение подобных проектов связано прежде всего с попыткой распространить подход, хорошо зарекомендовавший себя в пределах лингвистики, на тексты большие, нежели предложение, на дискурс в целом [Барт, 2003 (1970)], т.к., по Ф.Соссюру, лингвистическая компетенция является частным случаем семиотической компетенции. Однако предпринятая в рамках постструктурализма критика логоцентрического статуса структуры привела, в конечном счёте, к свертыванию структуралистского проекта всеобщей дескрипции, ограничив использование структурного метода областью языкознания. Формулируя проект семанализа, Ю.Кристева, напр., отказывается отождествлять его с общей семиотикой Л.Ельмслева ввиду логоцентрического статуса этой лингвистической метатеории. Предложенная в пределах данного исследования формулировка аналитической методологии деконструкции на основаниях, порывающих с логоцентризмом, позволяет осуществить реабилитацию данного проекта в формате грамматологии, или науки о письме. В отличие, однако, от Ж.Деррида, который декларировал неосуществимость грамматологии как науки, содержание данного исследования позволяет придать проекту грамматологии статус научного знания. Многомерное моделирование структуры в её различных регистрах, актуализация как структуралистских, так и постструктуралистских практик деконструкции снимает все потенциальные обвинения в притязании грамматологии на статус очередного «метанарратива», что вменялось в вину её панлингвистическим предшественникам.

0.4.1. Филология / Грамματοлогия

Методологический аппарат традиционной филологии на момент появления структурализма можно свести к герменевтическому подходу, противопоставляемому по своим целям и средствам процедурам собственно аналитическим. Исторический интерес гуманитарного знания, проявляемый к проблеме герменевтики текстов, продиктован социально мотивированной задачей поддерживать в пределах того или иного общества контроль за интерпретацией, который осуществляется посредством университета в лице регламентирующих его деятельность национальных регуляторов. Ангажированность филологии, в частности, выразилась в том приоритете, который отдавался в классической школе, начиная, по крайней мере, с эпохи романтизма, изучению отечественного языка и литературы, использовавшихся в качестве инструментов идеологии и канала трансляции менталитета. Достижения структурализма не укоренились в академической среде, спровоцировав, напротив, консервативные тенденции, по результатам распространения которых, используя отдельные открытия постструктурализма, происходит реабилитация вполне традиционных категорий филологического метода. Инициировать проект грамματοлогии значит не только провести инвентаризацию всего наличного аналитического инструментария деконструкции и, соответственно, модернизацию методологического арсенала гуманитарной науки в целом, но и проблематизировать привилегированный статус собственно филологии, по отношению к которой грамματοлогия занимает последовательно критическую позицию. Использование аппарата деконструкции в соответствии с процедурой демаркации научного знания позволяет приступить к формулированию проекта грамματοлогии в качестве науки принципиально отличной от филологической. Различие филологии и грамματοлогии можно маркировать посредством сопоставления предмета, объекта и метода наук.

0.4.1.1. Письмо

Предпочтение, которое отдаётся в постструктурализме понятию письма, объясняется, по крайней мере, двумя факторами. Во-первых, общий термин письма противопоставляется логоцентрическому разделению в лингвистике языка и речи [см.: Деррида, 2000 (1979)], получившему наглядное выражение в фонологической теории: «...понятие “письма” (*écriture*), занявшее центральное место в работах Деррида и Барта конца 1960 – начала 1970-х гг., положило конец традиционному разграничению “языка” как системы и “речи” как совокупности отдельных актов её реализации» [Гаспаров, 1996 с.34]. В текстах постструктурализма ставится под сомнение лингвистический принцип выражения, что предполагает, в контексте критики фоноцентризма, устранение абстрактной категории языка в пользу понятия письма, новизной которого, т.е. в качестве письма фонетического, речь выступает. Во-вторых, представляя собой процесс институирования знаков, письмо, отнюдь не сводимое к его статической фиксации, включает процессы динамического характера, т.е., по Ю.Кристевой, «...когда речь идёт о необходимости отличать текст, понятый как производство, от таких понятий, как “литература” или “речевое высказывание”, можно прибегнуть к термину “письмо”» [Кристева, 2004 (1969), с.65]. Письмо, таким образом, в отличие от структуралистского представления о языке, предполагающего статические модели его описания, отсылает к динамическому аспекту текстопорождения. Вместе с тем, описание чистой динамики в отрыве от статики, характерное, напр., для практики постструктурализма, является такой же абстракцией. Исследуя процессы письма, необходимо в целом избегать универсализма, производя деконструкцию в пределах того или иного структурного регистра. Грамматология, в свою очередь, призвана воспроизводить процедуры письма, формулируя аналитический аппарат моделирования и регламентируя правила его использования в соответствии с принципом релевантности.

0.4.1.2. Текст

В традиционной научной классификации под грамматологией понимается раздел лингвистики, изучающий письменность и письменные тексты. В версии Ж.Деррида, однако, объектом грамматологии выступают не только тексты, субстанция которых имеет графическую природу, или вербальные тексты, обозначаемые широким термином «словесность». Текст может быть зафиксирован с помощью любых знаковых систем, актуализация которых производится посредством различных способов репрезентации (визуальных, аудиальных, кинестетических). Грамматология Ж.Деррида, таким образом, предполагает любые виды записи, любые формы расчленённости и артикулируемости, включая тексты не только нарративные, но и, напр., чисто фигуративные. В качестве текста могут быть также восприняты предметы, которые, не являясь продуктом коммуникации, взяты в аспекте выражения знаковой функции. Вместе с тем, с одной стороны, истолковывать преодоление логоцентризма в смысле отказа грамматологии от вербальности в пользу невербальных и довербальных практик, дающих повод для реабилитации интуитивизма, было бы ошибкой. С другой стороны, сформулированная в структурализме установка на восприятие мира как текста, озвученная, напр., в концепции семиосферы Ю.Лотмана, не должна, в свою очередь, подвергаться онтологизации, избегая имплицитной метафизики порождающей модели, сформулированной по образцу разделения языка и речи, а также панъязыкового характера сознания. Текст не является исключительно материализованным продуктом порождения, а представляет собой скорее некий след, который оставляют позади себя различные процедуры письма. Шлейф означающих, который тянется за семиотическим движением письма, осуществившего выбор своих материалов и инструментов, запечатлевается во временно застывших контурах текста, который в любой момент может быть стёрт с поверхности носителя информации.

0.4.1.3. Герменевтика / Деконструкция

Помимо методов эмпирико-описательного характера базовой методологией филологической науки следует признать герменевтический подход, имеющий длительную историческую традицию, которая охватывает религиозную экзегетику, литературную критику, а также школу собственно философской герменевтики [см.: Гадамер, 1988 (1975)] и проч. Хотя изначально герменевтика связывалась с задачами интерпретации смысла и выявлением авторской интенции, обнаруживаемой по ту сторону текста, что вело к преобладанию монопольного права реконструировать авторский замысел в лице квалифицированного знатока, представители постструктурализма склонны трактовать её методологические установки в пользу множественности прочтения. Напр., уже М.Фуко указывает на полисемию как феномен, узаконивающий герменевтику [Фуко, 1996 (1969), с.111], что позволяло адептам Йельской школы литературоведения свести деконструктивизм к некоему варианту филологического прочтения, тем самым, по сути, приравнивая понятия деконструкции и герменевтики, в традиции, однако, не герменевтики восстановления, а герменевтики подозрения [см.: Каллер, 2006 (1997), с.77]. Вместе с тем, Ж.Лакан обращал внимание на следующее: «Так называемая герменевтика сегодня в почёте. Между тем, герменевтика противостоит не только собственной нашей психоаналитической авантюре, как я её называю – она противостоит структурализму в том виде, в каком встречаем мы его у Леви-Стросса» [Лакан, 2004 (1973), с.164]. Методологические границы филологии за пределы собственно герменевтики не распространяются, что и объясняет непопулярность структурного анализа в академической среде. Ориентации филологии на герменевтику грамматология противопоставляет метод деконструкции, демонстрирующий ограниченность конечного числа аналитических процедур, интегрирующих различные, как структуралистские, так и постструктуралистские, практики деконструкции.

0.4.2. Дисциплинарность

Распространённой тенденцией современных исследований является привлечение идей из смежных, непрофильных областей знания. Вместе с тем, междисциплинарность научных работ свидетельствует скорее о неадекватности сложившейся дисциплинарности гуманитарных наук в целом, а также размытой демаркации филологических дисциплин в частности. Так, сведение научной области Ж.Деррида к философии языка при том условии, что он обозначал её пределами грамматологии, недвусмысленно высказываясь против метафизики, представляется столь же неудовлетворительным, сколь неочевидным является ограничение сферы деятельности К.Леви-Строса этнологией и антропологией, М.Фуко – историей и историографией, Ю.Кристовой – литературоведением. Осуществив мониторинг научного поля на предмет обнаружения в нём релевантных моделей, следует произвести и реструктуризации дисциплинарного поля гуманитарного знания, переформатирование которого является прямым условием проекта грамматологии. Область рассмотрения науки о письме, таким образом, не исчерпывается текстами нарративными и предполагает выделение помимо нарратологии, положение которой в рамках грамматологии не является привилегированным, по крайней мере, также области семиологии, изучающей функционирование знака и знаковых систем, и эпистемологии, призванной рассматривать когнитивный статус формулируемых моделей. Основываясь на этом, следует признать более очевидной квалификацию научной деятельности М.Фуко преимущественно областью эпистемологии, К.Леви-Строса – областью нарратологии, Ю.Кристовой – областью семиологии. В целом же синтезирующий статус грамматологии позволяет очертить «...единое поле исследований, которое в настоящее время безжалостно разделено между семантиками и филологами, социо- и этнолингвистами, специалистами по философии языка и психологами» [Тодоров, 1983 (1975), с.369].

0.4.2.1. Нарратология

Несмотря на свою относительно небольшую историю, нарратология обрела полноценную историографию, свидетельствующую об интенсивном развитии теоретической мысли. Вместе с тем, разнообразные исследования нарратива не обрели сколько-нибудь общей платформы, а определение сферы собственно нарратологии зачастую сводилось к области коммуникативных отношений в тексте. Отдельные аспекты повествования рассматривались многочисленными школами и направлениями в различных сферах гуманитарного знания, к числу которых в лингвистике относятся падежная грамматика, трансформационная грамматика, теория шифтеров и т.д., а в литературоведении – структурная поэтика сюжетосложения, неориторика, рецептивная эстетика, новая критика, генетическая критика и т.д. Упомянутые исследовательские подходы, представляющие плодотворный теоретический массив для выстраивания общей теории повествовательного текста, существовали в отрыве друг от друга и не рассматривались в своём предметном единстве. Фиксируя обилие имён и традиций, с позиции которых нарратив осмысливался, Е.Трубина [Трубина, 2002] ставит под вопрос существование единой дисциплины нарратологии, предпочитая говорить о разных теориях нарратива. Таким образом, хотя нарратология считается вполне оформившейся научной дисциплиной, построение общей формализованной теории повествовательного текста нельзя признать состоявшимся. Необходимостью формулирования единой теории нарратологии, охватывавшей бы все основные аспекты повествовательного развёртывания, продиктована предпринятая в данной работе попытка реинтеграции всего комплекса нарратологических и смежных с ними гуманитарных исследований, итогом чего стало объединение в рамках общей теории различных, некогда представлявших как несовместимые направлений в гуманитарном знании.

0.4.2.2. Семиология

Описание процедур письма и дефиниция базовых понятий в пределах данного исследования по нарратологии в значительной степени ограничивались областью повествовательного текста. Однако, проект грамматологии, инспирированный Ж.Деррида в контексте ниспровержения онтологического фундамента рациональной науки, разворачивался изначально в области семиологии, стремясь тем самым преодолеть те ограничители, которые накладывал на семиотику структурализм. Не отождествляя грамматологию и семиологию, следует, вместе с тем, отнести для последней в пределах грамматологии отдельную область исследований, связанную с изучением функционирования знака и знаковых систем. В рамках представленного нарративного анализа, в свою очередь, описываются некоторые лингвистические средства, обслуживающие реализацию знаковой функции, которая получает различную манифестацию в зависимости от принадлежности тому или иному структурному регистру. Функционирование знака в каждом структурном регистре специфично, что позволяет в пределах данного исследования проследить закономерности, которые неслучайным образом ведут от нарратологии к семиологии, с чем связана и последовательность развития анонсируемого в новом свете проекта грамматологии. Актуализируя, напр., традицию Ч.Пирса можно отметить, что шифтеры демонстрируют пример индексальных знаков, падежные формы характеризуются конвенциональностью символа, а элементы парадигматического ряда бриколажа репрезентируют иконическую функцию. Артикуляция знака, о чём свидетельствуют различные модели его описания, происходит, таким образом, в многомерных условиях текстопорождения и находится в прямой зависимости от специфики того или иного структурного регистра, что требует применения аналогичного проделанному анализу полифункционального моделирования.

0.4.2.3. Эпистемология

Обращение к когнитивным моделям, посредством которых производится деконструкция нарративного текста, косвенно придаёт исследованию по нарратологии эпистемологическое значение, намечая перспективы дальнейших исследований в этой области. Когнитивные модели, выступающие в качестве базовых способов концептуализации, посредством которых в форме производных оперативных моделей репрезентируется нарративная структура, отнюдь не являются специфичными для языка и отражают процессы функционирования интеллекта в целом. Письмо в своём развёртывании, безусловно, задействует различные операции мышления, в число которых входят классификация, сериация, ассоциация, трансформация и т.д., что даёт основание признать рассматриваемые аспекты функционирования повествовательного текста модификациями общей когнитивной способности. Процедуры письма, которые производятся в различных структурных регистрах, отражают вполне конкретные операции мышления, иными словами, структура, согласно Ж.Пиаже, имеет операциональный характер. Напр., матрица и серия выступают логическими моделями, воспроизводящими работу элементарных операций классификации и сериации [Пиаже, Инельдер, 1963 (1959)], а бриколаж ответственен за установление ассоциативных отношений, допуская также трансформации в пределах парадигматического ряда. Вместе с тем, рассмотрение операций мышления и соответствующих им когнитивных моделей должно производиться не нарратологией, а в рамках отдельного исследования по эпистемологии. В пределах же грамматики эпистемология является правопреемницей гносеологии, или теории познания, при условии устранения онтологического компонента философии в контексте критики метафизики. Характерное, однако, для гносеологии разделение мышления и речи следует признать столь же логоцентрическим актом, что и разделение в лингвистике речи и языка.

0.4.3. Конец истории

Обоснование метода деконструкции, интегрирующего комплекс когнитивных моделей и демонстрирующего функционирование письма в различных структурных регистрах, выступает симптомом преодоления того «состояния постмодерна», в котором оказалась гуманитарная наука последних десятилетий. Не являясь, однако, оторванным от контекста прошлого, состояние это обнаруживает свои исторические предпосылки, подразумевая ситуацию, когда столкновение аналитического подхода и герменевтики, безотчётное культивирование которой на тот момент становилось проблематичным, привело к противопоставлению наук о природе, применяющих объективные методы, и наук о духе, предполагающих субъективность интерпретации. Легализация «двойных стандартов» научного исследования позволила восстановить в правах герменевтику, которую, напр., Ф.Шлейермахер рассматривал именно как метод всех наук о духе, обеспечив тем самым и незыблемое основание для дальнейшего функционирования филологии в качестве базовой гуманитарной науки. Не заботясь, однако, об определении процедуры демаркации научного знания, филология всё это время в действительности пребывала вне научного поля, осуществляя деятельность скорее педагогического и идеологического характера. Оформление проекта грамматиологии не только переструктурирует сложившуюся дисциплинарность гуманитарного знания, но и в целом позволяет инициировать процедуру делегитимации научного статуса филологии, место которой отныне следует определить в ряду тех наук прошлого, исторический факт существования которых может вызывать сегодня разве что антропологический интерес. Означает ли это, однако, что грамматиология преследует цель принять на себя функции социальной дидактики или занять позиции на университетских кафедрах? Фундаментальной задачей проекта грамматиологии является, прежде всего, отделение письма от его традиционного субъекта, что равнозначно проекту создания искусственного интеллекта.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Автоматический перевод: сб. ст. / пер. с англ., итал., нем. и фр. яз.; под ред. и с предисл. О.С. Кулагиной, И.А. Мельчука. — М.: Прогресс, 1971. — 368 с.
- Анисимов, А.В. Компьютерная лингвистика для всех: Мифы. Алгоритмы. Язык / А.В. Анисимов. — Киев: Наукова думка, 1991. — 208 с.
- Анкерсмит, Ф. История и тропология: взлёт и падение метафоры / Ф. Анкерсмит; пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева. — М.: Прогресс-Традиция, 2003. — 496 с. — Перевод изд.: *History and tropology: The rise and fall of metaphor* / F. Ankersmit. — Los Angeles—London: University of California press Berkeley, 1994.
- Анкерсмит, Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков / Ф. Анкерсмит; пер. с англ. О. Гавришиной, А. Олейникова; под науч. ред. Л.Б. Макеевой. — М.: Идея-Пресс, 2003. — 360 с. — (ПИК ВИНИТИ). — Перевод изд.: *Narrative logic: A semantic analysis of the historian's language* / F. Ankersmit. — The Hague—Boston—London: Martinus Nijhoff publisher, 1983.
- Алисова, Т.Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка (Семантическая и грамматическая структура простого предложения) / Т.Б. Алисова. — М.: Изд-во МГУ, 1971. — 262 с.
- Апресян, Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики (краткий очерк) / Ю.Д. Апресян. — М.: Просвещение, 1966. — 300 с. — (Вопросы советского языкознания).
- Апресян, Ю.Д. Избранные труды. Т.1: Лексическая семантика / Ю.Д. Апресян. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Школа «Языки русской культуры»; Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. — VIII с., 472 с.
- Апресян, Ю.Д. Избранные труды. Т.2: Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю.Д. Апресян. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. — 767 с.
- Апресян, Ю.Д. К построению языка для описания синтаксических свойств речи / Ю.Д. Апресян // Проблемы структурной лингвистики — 1972 / под ред. С.К. Шаумяна. — М.: Наука, 1973. — 600 с. — С.279-325.
- Барт, Р. Введение в структурный анализ повествовательного текста / Р. Барт; пер. с фр. Г.К. Косикова // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв: Трактаты, статьи, эссе / сост., общ. ред. Г.К. Косикова. — М.: Изд-во МГУ, 1987. — 512 с. — С.387-422. — Перевод изд.: *Introduction à l'analyse structurale des récits* / R. Barthes // *Communications*. — 1966. — №8. — P.1-27.
- Барт, Р. Лингвистика дискурса / Р. Барт; пер. с фр. С.Н. Зенкина // Система моды. Статьи по семиотике культуры / Р. Барт; пер. с фр., вступ. ст. и сост. С.Н. Зенкина. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. — 512 с. — С.456-462. — Перевод изд.: *La linguistique du discours* / R. Barthes // *Signe, langage, culture*. — The Hague—Paris: Mouton, 1970.
- Барт, Р. От произведения к тексту / Р. Барт; пер. с фр. С.Н. Зенкина // Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Р. Барт; пер. фр.; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. — М.: Прогресс, 1989. — 616 с. — С.413-423. — Перевод изд.: *De l'oeuvre au texte* / R. Barthes // *Revue d'esthetique*. — 1971. — №3.
- Барт, Р. Смерть автора / Р. Барт; пер. с фр. С.Н. Зенкина // Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Р. Барт; пер. фр.; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. — М.: Прогресс, 1989. — 616 с. — С.384-391. — Перевод изд.: *La mort de l'auteur* / R. Barthes // *Manteia*. — 1968. — №5.
- Барт, Р. Текстовый анализ одной новеллы Э. По / Р. Барт; пер. с фр. С.Л. Козлова // Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Р. Барт; пер. фр.; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. — М.: Прогресс, 1989. — 616 с. — С.424-461. — Перевод

- изд.: *Analyse textuelle d'un conte d'Edgar Poe* / R. Barthes // *Semiotique narrative et textuelle* / ed. Cl. Chabrol. – Paris: Larousse, 1973. – P.29-54.
- Барт, Р. *S/Z* / Р. Барт; пер. с фр. Г.К. Косикова и В.П. Мурат; общ ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – 2-е изд., испр. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 232 с. – Перевод изд.: *S/Z* / R. Barthes. – Paris: Éditions du Seuil, 1970.
- Бахтин, М.М. *Время и пространство в романе* / М.М. Бахтин // *Вопросы литературы*. – 1974. – №3. – С.133-179.
- Бахтин, М.М. *Проблема речевых жанров* / М.М. Бахтин // *Эстетика словесного творчества* / М.М. Бахтин; сост. С.Г. Бочаров; текст подгот. Г.С. Бернштейн и Л.В. Дерюгина; прим. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. – М.: Искусство, 1979. – 424 с. – С.237-280. – (Из истории советской эстетики и теории искусства).
- Бахтин, М.М. *Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве* / М.М. Бахтин // *Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет* / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с. – С.6-71.
- Бахтин, М.М. *Проблемы творчества Достоевского* / М.М. Бахтин. – Л.: Прибой, 1929. – 244 с. – (Издание 2-е переработанное и дополненное вышло под заглавием «Проблемы поэтики Достоевского»).
- Башляр, Г. *Философия отрицания (Опыт философии нового научного духа)* / Г. Башляр // *Новый рационализм* / Г. Башляр; пер. с фр. Ю.Сенокосова, М.Туровева; предисл. и общ. ред. А.Ф. Зотова. – М.: Прогресс, 1987. – 376 с. – С.160-283. – Перевод изд.: *La philosophie du non. Essai d'une philosophie du nouvel esprit scientifique* / G. Bachelard. – Paris: Presse universitaires de France, 1940.
- Бел, М. *Семиотика и искусствознание* / М. Бел, Н. Брайсен; пер. с англ. Е. Ревзина, Г. Ревзина; под ред. О.Г. Ревзиной // *Вопросы искусствознания*. – М., 1996. – №2. – С.521-559. – Перевод изд.: *Semiotics and art history* / M. Bal, N. Bryson. // *The art bulletin*. – 1991, june. – P.174-208.
- Бенвенист, Э. *Общая лингвистика* / Э. Бенвенист; пер. с фр. Ю.Н. Караулова, В.П. Мурат, И.В. Барышева, И.Н. Мельникова; под ред., вступ. ст. и коммент. Ю.С. Степанова. – М.: Прогресс, 1974. – 446 с. – (Языковеды мира).
- Блум, Х. *Страх влияния. Карта перечитывания* / Х. Блум; пер. с англ., сост., прим., послесл. С.А. Никитина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. – 352 с. – Перевод изд.: *The anxiety of influence* / H. Bloom. – Oxford university press, 1973; *A map of misreading* / H. Bloom. – Oxford university press, 1975.
- Богданов, В.В. *Семантико-синтаксическая организация предложения* / В.В. Богданов. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1977. – 206 с.
- Бремон, К. *Логика повествовательных возможностей* / К. Бремон; пер. с фр. Н.Л.Разгон // *Семиотика и искусствометрия: сб. пер. / под ред. Ю.М. Лотмана и В.М. Петрова*. – М.: Мир, 1972. – 364 с. – С.60-76. – (Современные зарубежные исследования). – Перевод изд.: *La logique des possibles narratifs* / C. Bremond // *Communications*. – 1966. – №8.
- Бремон, К. *Структурное изучение повествовательных текстов после В. Проппа* / К. Бремон; пер. Г.К. Косикова // *Семиотика: антология* / пер. с англ., фр., нем. яз.; сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю.С. Степанова; коммент. Ю.С. Степанова и Т.В. Булыгиной. – М.: Радуга, 1983. – 635 с. – С.355-369. – Перевод изд.: *L'étude structurale du récit depuis V.Propp* / C. Bremond // *A semiotic landscape / proceedings of the International association for semiotic studies*. – Milan, 1974, june. – (Approaches to Semiotics; 29).

- Ван Дейк, Т.А. Язык. Познание. Коммуникация: сб. работ / Т.А. Ван Дейк; пер. с англ., сост. В.В. Петрова; под ред. В.И. Герасимова; вступ. ст. Ю.Н. Караулова и В.В. Петрова. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
- Веселовский, А.Н. Собрание сочинений. Т.1 (Серия I, Т.1): Поэтика (1870-1899) / А.Н. Веселовский. – СПб: Типография императорской АН, 1913. – 622 с. – (Издание Отделения русского языка и словесности Императорской АН).
- Веселовский, А.Н. Собрание сочинений. Т.2 (Серия I, Т.2): Поэтика (1897-1906) / А.Н. Веселовский. – Вып.1: Поэтика сюжетов. – СПб: Типография Императорской АН, 1913. – 148 с. – (Издание Отделения русского языка и словесности Императорской АН).
- Винер, Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине / Н. Винер; пер. с англ. И.В. Соловьева и Г.Н. Поварова; под ред. Г.Н. Поварова. – 2-е изд. – М.: Наука, 1983. – 340 с. – Перевод изд.: *Cybernetics or control and communication in the animal and the machine* / N. Wiener. – Second edition. – New York–London, 1961.
- Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн; пер. с нем. и сверено с авториз. англ. И. Добронравовым и Д. Лахути; общ. ред. и предисл. В.Ф. Асмуса. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. – 133 с. – Перевод изд.: *Tractatus logico-philosophicus* / L. Wittgenstein. – London, 1955.
- Гадамер, Г.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Г.-Г. Гадамер; пер. с нем. М.А. Журиной, С.Н. Земляной, А.А. Рыбакова, И.Н. Букова; общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с. – Перевод изд.: *Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik* / H.-G. Gadamer. – Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1975.
- Гак, В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
- Гаспаров, Б.М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века / Б.М. Гаспаров. – М.: Наука, 1993. – 304 с.
- Гаспаров, Б.М. Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования / Б.М. Гаспаров. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 351 с.
- Гейзенберг, В. Физика и философия / В. Гейзенберг; пер. с нем. И.А. Акчурина и Э.П. Андреева; общ. ред. и послесл. М.Э. Омельяновского. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. – 293 с. – Перевод изд.: *Physik und Philosophie* / W. Heisenberg. – Stuttgart: Hirzel, 1959.
- Генетическая критика во Франции = *Critique genetique en France*: антология / отв. ред. А.Д. Михайлов; вступ. ст. и слов. Е.Е. Дмитриевой. – М.: ОГИ, 1999. – 286 с.
- Герхардт, М. Искусство повествования. Литературное исследование «1001 ночи» / М. Герхардт; пер. с англ. А.И. Матвеева; отв. ред. и послесл. И.М. Фильштинского. – М.: Наука, 1984. – 456 с. – (АН СССР. Ин-т востоковедения. Исследования по фольклору и мифологии Востока). – Перевод изд.: *The art of story-telling. A literary study of the thousand and one nights* / M. Gerhardt. – Leiden, 1963.
- Греймас, А.-Ж. В поисках трансформационных моделей / А.-Ж. Греймас; пер. с фр. Т.В. Цивьян // Зарубежные исследования по семиотике фольклора: сб. ст. / сост. Е.М. Мелетинского, С.Ю. Неклюдова; пер. Т.В. Цивьяна. – М.: Наука, 1985. – 316 с. – С.89-108. – Перевод изд.: *A la recherche des modèles de transformation* / A.J. Greimas // *Sémantique structurale. Recherche de méthode* / A.J. Greimas. – Paris, 1966. – P.192-213.
- Греймас, А.-Ж. К теории интерпретации мифологического нарратива / А.-Ж. Греймас; пер. с фр. Т.В. Цивьян // Зарубежные исследования по семиотике фольклора: сб. ст. / сост. Е.М. Мелетинского, С.Ю. Неклюдова; пер. Т.В. Цивьяна. – М.:

- Наука, 1985. – 316 с. – С.109-144. – Перевод изд.: Pour une théorie de l'interprétation du récit mythique / A.J. Greimas // Du sens. Essais sémiotiques. / A.J. Greimas. – Paris, 1970. – P.185-230.
- Греймас, А.-Ж. Семиотика: Объяснительный словарь теории языка / А.-Ж. Греймас, Ж. Курте; пер. с фр. В.П. Мурат // Семиотика: антология / пер. с англ., фр., нем. яз.; сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю.С. Степанова; коммент. Ю.С. Степанова и Т.В. Булыгиной. – М.: Радуга, 1983. – 635 с. – С.483-550. – Перевод изд.: Sémiotique: Dictionnaire raisonné de la théorie du langage / A.J. Greimas, J. Courtés. – Paris: Hachette, 1975.
- Греймас, А.-Ж. Семиотика страстей. От состояния вещей к состоянию души / А.-Ж. Греймас, Ж. Фонтаньей; пер. с фр. И.Г. Меркуловой; предисл. К. Зильберберга. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 336 с. – Перевод изд.: Sémiotique des passions. Des états de choses aux états d'âme / A.J. Greimas, J. Fontanille. – Paris: Éditions du Seuil, 1991.
- Греймас, А.-Ж. Структурная семантика: Поиск метода / А.-Ж. Греймас; пер. с фр. Л. Зиминной. – М.: Академический Проект, 2004. – 368 с. – («Концепции»). – Перевод изд.: Sémantique structurale. Recherche de méthode / A.J. Greimas. – Paris: Press universitaires de France, 1996.
- Дандес, А. От этических единиц к эмическим в структурном изучении сказок / А. Дандес; пер. с англ. А.В. Козьмина; коммент. А.В. Козьмина, А.С. Архиповой // Фольклор: семиотика и/или психоанализ: сб. ст. / А. Дандес; пер. с англ.; сост. А.С. Архипова. – М.: Восточная литература, 2003. – 279 с. – С.14-29. – (Исследования по фольклору и мифологии Востока. Семиотика фольклора). – Перевод изд.: From etic to emic units in the structural study of folktales / A. Dundes // JAF. – 1962. – №75. – P.95-102.
- Данто, А. Аналитическая философия истории / А. Данто; пер. с англ. А.Л. Никифорова, О.В. Гавришиной. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 292 с. – Перевод изд.: Analytical philosophy of history / A. Danto. – Cambridge at the university press, 1965.
- Делёз, Ж. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Ж. Делёз, Ф. Гваттари; пер. с фр. и послесл. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 672 с. – (Philosophy). – Перевод изд.: Capitalisme at schizophrénie. L'Anti-Œdipe / G. Deleuze, F. Guattari. – Paris: Éditions de Minuit, 1972.
- Делёз, Ж. Логика смысла / Ж. Делёз; пер. с фр. Я.И. Свирского. – М.: «Раритет»; Екатеринбург: «Деловая книга», 1998. – 480 с. – Перевод изд.: Logique du sens / G. Deleuze. – Paris: Éditions de Minuit, 1969.
- Делёз, Ж. Различие и повторение / Ж. Делёз; пер. с фр. Н.Б. Маньковской, Э.П. Юровской. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 384 с. – Перевод изд.: Différence et répétition / G. Deleuze. – Paris: P.U.F., 1968.
- Деррида, Ж. О грамматологии / Ж. Деррида; пер. с фр. и вступ. ст. Н. Автономовой. – М.: Ad Marginem, 2000. – 511 с. – Перевод изд.: De la grammatologie / J. Derrida. – Paris: Éditions du Seuil, 1967.
- Деррида, Ж. Письмо и различие / Ж. Деррида; пер. с фр. А. Гараджи, В. Лапицкого и С. Фокина; сост. и общ. ред. В. Лапицкого. – СПб.: Академический проект, 2000. – 432 с. – Перевод изд.: L'écriture et la différence / J. Derrida. – Paris: Éditions du Seuil, 1979.
- Деррида, Ж. Подпись – событие – контекст / Ж. Деррида; пер. В. Мароши // Дискурс. – Новосибирск: Сибирская издательская фирма РАН, 1996. – №1. – С.39-55. – Перевод изд.: Signature, evenement, context / J. Derrida // Marges de la philosophie / J. Derrida. – Paris: Éditions de Minuit, 1972.

- Деррида, Ж. *Différance* / Ж. Деррида; пер. с фр. Е. Гурко // *Тексты деконструкции. Деррида Ж. Différance* / Е. Гурко. – Томск: Изд-во «Водолей», 1999. – 160 с. – С.124-158. – Перевод по изд.: *Marges de la philosophie* / J. Derrida. – Paris: Éditions de Minuit, 1972.
- Ельмслев, Л. Пролегомены к теории языка / Л. Ельмслев; пер. с англ. Ю.К. Лекомцева // *Новое в лингвистике*. – Вып.1 / сост., ред. и вступ. ст. В.А. Звегинцева. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. – 464 с. – С.264-389. – Перевод изд.: *Prolegomena to a theory of language* / L. Hjelmslev. – Baltimore: Waverly press, 1953.
- Женетт, Ж. *Фигуры: в 2-х тт. Т.1* / Ж. Женетт; пер. с фр.; общ ред. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – 472 с. – Перевод изд.: *Figures* / G. Genette. – Paris: Éditions du Seuil, 1972.
- Женетт, Ж. *Фигуры: в 2-х тт. Т.2* / Ж. Женетт; пер. с фр.; общ ред. С.Н. Зенкина. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – 472 с. – Перевод изд.: *Figures* / G. Genette. – Paris: Éditions du Seuil, 1972.
- Жирмунский, В.М. Вопросы теории литературы: ст. 1916-1926 гг. / В.М. Жирмунский. – Л.: Academia, 1928 – 357 с. – (Гос. ин-т истории искусства).
- Жолковский, А.К. К описанию смысла связного текста (на примере художественных текстов) / А.К. Жолковский, Ю.К. Щеглов. — М.: МГПИИЯ им. М. Тореца, 1971. – 55 с. – (Предварительные публикации Проблемной группы по экспериментальной и прикладной лингвистике Ин-та русского языка АН СССР; вып.22).
- Жолковский, А.К. К описанию смысла связного текста. II: Тема и приёмы выразительности. Пример вывода художественного текста из темы / А.К. Жолковский, Ю.К. Щеглов. — М.: МГПИИЯ им. М. Тореца, 1972. – 74 с. – (ПП ПГЭПЛ ИРЯ АН СССР; вып.33).
- Жолковский, А.К. К описанию смысла связного текста. III: Приёмы выразительности / А.К. Жолковский, Ю.К. Щеглов. – Ч.1. – М.: МГПИИЯ им. М. Тореца, 1973. – 88 с. – (ПП ПГЭПЛ ИРЯ АН СССР; вып.39).
- Жолковский, А.К. К описанию смысла связного текста. IV: Приёмы выразительности. / А.К. Жолковский, Ю.К. Щеглов. – Ч.2. – М.: МГПИИЯ им. М. Тореца, 1974. – 94 с. – (ПП ПГЭПЛ ИРЯ АН СССР; вып.49).
- Жолковский, А.К. К построению действующей модели языка «Смысл ↔ Текст» / А.К. Жолковский, И.А. Мельчук // *Машинный перевод и прикладная лингвистика* / под ред. В.Ю. Розенцвейг. – М.: МГПИИЯ им. М. Тореца, 1969. – 239 с. – С.5-35. – (МГПИИЯ им. М. Тореца. Труды ин-та; вып.11).
- Жолковский, А.К. Работы по поэтике выразительности: Инварианты – Тема – Приёмы – Текст / А.К. Жолковский, Ю.К. Щеглов; предисл. М.Л. Гаспарова. – М.: АО ИГ «Прогресс», 1996. – 344 с.
- Жолковский, А.К. Структурная поэтика – Порождающая поэтика / А.К. Жолковский, Ю.К. Щеглов // *Вопросы литературы*. – 1967. – №1. – С.73-89.
- Западное литературоведение XX века: энциклопедия / под ред. и вступ. ст. Е.А. Цургановой. – М.: Intrada, 2004. – 560 с. – (ИНИОН РАН. Центр гуманитарных научно-информационных исследований. Отдел литературоведения).
- Зенкин, С.Н. Введение в литературоведение: Теория литературы: учеб. пособие / С.Н. Зенкин. – М.: РГГУ, 2000. – 80 с. – (Ин-т европейских культур).
- Зенкин, С.Н. Критика нарративного разума (Заметки о теории, 4) / С.Н. Зенкин // *Новое литературное обозрение*. – 2003. – №59. – С.524-534.
- Изер, В. Процесс чтения: феноменологический подход / В. Изер; пер. с англ. И.В. Кабановой // *Современная литературная теория: антология* / сост., прил., пер. И.В. Кабановой. – М.: Флинта; Наука, 2004. – 344 с. – С.201-224. – Перевод изд.:

- The reading process: A phenomenological approach / W. Iser // *New literary history*. – Vol.3. – 1972. – №2.
- Ильин, И.П. Между структурой и читателем (Теоретические аспекты коммуникативного изучения литературы) / И.П. Ильин // *Теории, школы, концепции: (Критические анализы). Художественная рецепция и герменевтика: сб. / отв. ред. Ю.Б. Бореев. – М.: Наука, 1985. – 288 с. – С.134-167. – (АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького).*
- Ильин, И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И.П. Ильин; науч. ред. А.Е. Махов. – М.: Интрада, 1996. – 255 с.
- Ильин, И.П. Словарь терминов французского структурализма // И.П. Ильин // *Структурализм: «за» и «против»: сб. ст. / пер. с англ., фр., нем., чеш., польск. и болг. яз.; под ред. Е.Я. Басина и М.Я. Полякова, сост. М.Я. Полякова. – М.: Прогресс, 1975. – 467 с. – С.450-461.*
- Ингарден, Р. Исследования по эстетике / Р. Ингарден; пер. с польск. А. Ермилова и Б. Федорова; предисл. В. Разумного; ред. А. Якушева. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. – 572 с.
- Исследования по общей теории систем: сб. пер. / пер. с англ. и польск. А.М. Микиши, Б.В. Плесского, Г.Л. Смоляна, Б.В. Старостина, Б.Г. Юдина и Н.С. Юлиной; общ. ред. и вступ. ст. В.Н. Садовского и Э.Г. Юдина. – М.: Прогресс, 1969. – 520 с.
- Каллер, Дж. Теория литературы: краткое введение / Дж. Каллер; пер. с англ. А. Георгиева. – М.: Астрель; АСТ, 2006. – 158 с. – Перевод изд.: *Literary theory: A very short introduction / J. Culler. – New York: Oxford university press, 1997.*
- Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / пер. с фр. и португ.; общ. ред. и вступ. ст. П. Серио; предисл. Ю.С. Степанова. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – 416 с.
- Кожевникова, Н.А. Типы повествования в русской литературе XIX-XX вв. / Н.А. Кожевникова. – М.: Ин-т русского языка РАН, 1994. – 336 с.
- Компаньон, А. Демон теории / А. Компаньон; пер. с фр. С.Н. Зенкина. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2001. – 336 с. – Перевод изд.: *Le Démon de la théorie. Littérature et sens commun / A. Compagnon. – Paris: Éditions du Seuil, 1998.*
- Корман, Б.О. О целостности литературного произведения / Б.О. Корман // *Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – Т.36. – 1977, нояб.-дек. – №6. – С.508-513.*
- Корман, Б.О. Целостность литературного произведения и экспериментальный словарь литературоведческих терминов / Б.О. Корман // *Проблемы истории критики и поэтики реализма: межвуз. сб. / отв. ред. Л.А. Финк. – Куйбышев: Куйбышевский ун-т, 1981. – 160 с. – С.39-54.*
- Косиков, Г.К. Структурная поэтика сюжетосложения во Франции / Г.К. Косиков // *Зарубежное литературоведение 70-х гг. Направления, тенденции, проблемы / отв. ред. Е.А. Цурганова. – М.: Наука, 1984. – 360 с. – С.155-204.*
- Косиков, Г.К. Французская «новая критика» и предмет литературоведения / Г.К. Косиков // *Теории, школы, концепции (Критические анализы): Художественный текст и контекст реальности / отв. ред. О.В. Егоров. – М.: Наука, 1977. – 178 с. – С.37-65. – (АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького).*
- Кретов, А.А. Сказки рекурсивной структуры / А.А. Кретов // *Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. – Вып. I. – Тарту: Тартуский ун-т, 1994. – С.204-214.*
- Кристева, Ю. Разрушение поэтики / Ю. Кристева; пер. с фр. Г.К. Косикова // *Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / пер. с фр. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: ИГ «Прогресс», 2000. – 536 с. – С.458-483. – Перевод*

- изд.: Une poétique ruinée / J. Kristeva // Mikhail Bakhtine. La poétique de Dostoïevsky / traduit du russe par I. Kolitcheff; presentation de J. Kristeva. – Paris, 1970.
- Кристева, Ю. Текст романа / Ю.Кристева; пер. с фр. Б.П. Нарумова // Избранные труды: Разрушение поэтики / Ю. Кристева; пер. с фр. Г.К. Косикова, Б.П. Нарумова. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 656 с. – С.395-593. – (Серия «Книга света»). – Перевод изд.: Le texte du roman / J. Kristeva. – Paris, 1970.
- Кристева, Ю. Σημεῖωσις. Исследования по семанализу / Ю.Кристева; пер. с фр. Г.К. Косикова, Б.П. Нарумова // Избранные труды: Разрушение поэтики / Ю. Кристева; пер. с фр. Г.К. Косикова, Б.П. Нарумова. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 656 с. – С.31-394. – (Серия «Книга света»). – Перевод изд.: Σημεῖωσις. Recherches pour une sémanalyse / J. Kristeva. – Paris, 1969.
- Кубрякова, Е.С. Падежная грамматика / Е.С. Кубрякова, Ю.Г. Панкрац // Современные зарубежные грамматические теории: сб. научно-аналитических обзоров / отв. ред. Ф.М. Березин, Е.С. Кубрякова. – М.: ПИК ВИНТИ, 1985. – 252 с. – С.68-109. – (АН СССР. ИНИОН. Теория и история языкознания).
- Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун; пер. с англ. И.З. Налетова; общ. ред. и послесл. С.Р. Микулинского и Л.А. Марковой. – М.: Прогресс, 1975. – 606 с. – (Логика и методология науки). – Перевод изд.: The structure of scientific revolution / T. Kuhn. – Second edition, enlarged. – Chicago: University of Chicago press, 1970.
- Лакан, Ж. Инстанция буквы в бессознательном, или судьба разума после Фрейда / Ж. Лакан; пер. с фр. А.К. Черноглазова, М.А. Титовой. – М.: «Русское феноменологическое общество»; Изд-во «Логос», 1997. – 184 с. – Перевод изд.: Écrits / J. Lacan. – Paris: Éditions du Seuil, 1966.
- Лакан, Ж. О бессмыслице и структуре Бога / Ж. Лакан; пер. с фр. А.К. Черноглазова // Метафизические исследования / под ред. Б. Соколова. – Вып.14: Статус иного. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества; Изд-во «Алетейя», 2000. – 340 с. – С.201-217. – (Периодическое издание. Альманах лаборатории Метафизических исследований при философском факультете СПбГУ).
- Лакан, Ж. Семинары. Книга II (1954/1955): 'Я' в теории Фрейда и в технике психоанализа / Ж. Лакан; пер. с фр. А.К. Черноглазова. – М.: Изд-во «Гнозис»; Изд-во «Логос», 1999. – 520 с. – Перевод изд.: Le Séminaire. Livre II: Le moi dans la théorie de Freud et dans la technique de la psychanalyse / J. Lacan; texte établi par J.-A. Miller. – Paris: Éditions du Seuil, 1978.
- Лакан, Ж. Семинары. Книга V (1957/1958): Образования бессознательного / Ж. Лакан; пер. с фр. А.К. Черноглазова. – М.: Изд-во «Гнозис»; Изд-во «Логос». 2002. – 608 с. – Перевод изд.: Le Séminaire. Livre V: Les formations de l'inconscient / J. Lacan; texte établi par J.-A. Miller. – Paris: Éditions du Seuil, 1998.
- Лакан, Ж. Семинары. Книга XI (1964): Четыре основные понятия психоанализа / Ж. Лакан; пер. с фр. А.К. Черноглазова. – М.: Изд-во «Гнозис»; Изд-во «Логос», 2004. – 304 с. – Перевод изд.: Le Séminaire. Livre XI: Les quatre concepts fondamentaux de la psychoanalyse / J. Lacan; texte établi par J.-A. Miller. – Paris: Éditions du Seuil, 1973.
- Лакан, Ж. Семинары. Книга XVII (1969-1970): Изнанка психоанализа / Ж. Лакан; пер. с фр. А.К. Черноглазова. – М.: Изд-во «Гнозис»; Изд-во «Логос», 2008. – 272 с. – Перевод изд.: Le Séminaire. Livre XVII: L'envers de la psychanalyse / J. Lacan; texte établi par J.-A. Miller. – Paris: Éditions du Seuil, 1991.
- Лакан, Ж. Стадия зеркала как образующая функцию Я, какой она раскрывается в психоаналитическом опыте / Ж. Лакан; пер. с фр. В. Лапицкого // Кабинет: Кар-

- тины мира (Психогенез / Техногенез: коллекция *perversus*): сб. ст. / под ред. В. Мазина. – Вып. I. – СПб: Инапресс, 1998. – 304 с. – С.126-142. – Перевод изд.: *Le stade du miroir comme formateur de la fonction du Je / J. Lacan // Écrits / J. Lacan.* – Paris: Éditions du Seuil, 1966. – P.89-97.
- Лакан, Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе (Доклад на Римском конгрессе, читанный в Ин-те психологии Римского ун-та 26 и 27 сент. 1953 г.) / Ж. Лакан; пер. с фр. А.К. Черноглазова. – М.: Изд-во «Гнозис», 1995. – 192 с. – (Серия «Феноменология. Герменевтика. Философия языка»). – Перевод изд.: *Fonction et champ de la parole et du langage en psychanalyse / J. Lacan // Écrits / J. Lacan.* – Paris: Éditions du Seuil, 1966. – P.237-322.
- Лакатос, И. История науки и её рациональные реконструкции / И. Лакатос; пер. с англ. А.Л. Никифорова // Структура и развитие науки. Из Бостонских исследований по философии науки: сб. пер. / пер. с англ. А.Л. Никифорова; сост., вступ. ст. и общ. ред. Б.С. Грязнова и В.Н. Садовского; науч. ред. Л.В. Блиникова. – М.: Прогресс, 1978. – 486 с. – С.203-265. – (Логика и методология науки). – Перевод изд.: *History of science and its rational reconstruction / I. Lakatos // Boston studies in the philosophy of science.* – Vol.VIII: In memory of R. Carnap. – Dordrecht, 1970. – P.91-136.
- Лакатос, И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ / И. Лакатос; пер. с англ. с прим. и предисл. В. Поруса. – М.: Медиум, 1995. – 236 с. – Перевод изд.: *Falsification and the methodology of scientific research programmes / I. Lakatos // Criticism and the growth of knowledge / ed. by I. Lakatos, A. Musgrave.* – Cambridge: Cambridge university press, 1970. – P.91-195.
- Леви-Стросс К. Мифологии: в 4-х тт. Т.1: Сырое и приготовленное / К. Леви-Стросс; пер. с фр. З.А. Сокулера, К.З. Акопяна. – М.-СПб.: Университетская книга, 1999. – 406 с. – (Книга света). – Перевод изд.: *Mythologie: Le cru et le cuit / C. Lévi-Strauss.* – Paris: Édition Plon, 1964.
- Леви-Стросс, К. Мифологии: в 4-х тт. Т.2: От меда к пеплу / К. Леви-Стросс; пер. с фр. и науч. ред. Н.Б. Маньковской. – М.-СПб.: Университетская книга, 2000. – 442 с. – (Книга света). – Перевод изд.: *Mythologie: Du miel aux cendres / C. Lévi-Strauss.* – Paris: Édition Plon, 1967.
- Леви-Стросс, К. Мифологии: в 4-х тт. Т.3: Происхождение застольных обычаев / К. Леви-Стросс; пер. с фр., отв. ред. Е.О. Пучкова. – М.-СПб.: Университетская книга, 2000. – 461 с. – (Книга света). – Перевод изд.: *Mythologie: L'origine des manières de table / C. Lévi-Strauss.* – Paris: Édition Plon, 1968.
- Леви-Стросс, К. Мифологии: Человек голый / К. Леви-Стросс; пер. с фр. К.З. Акопяна. – М.: ИД «Флюид», 2007. – 784 с. – (Bibliotheca Indianica). – Перевод изд.: *Mythologie: L'homme nu / C. Lévi-Strauss.* – Paris: Édition Plon, 1971.
- Леви-Стросс, К. Неприрученная мысль / К. Леви-Стросс; пер. с фр. А.Б. Островского // Первобытное мышление / К. Леви-Стросс; пер., вступ. ст. и прим. А.Б. Островского. – М.: Республика, 1994. – 384 с. – С.111-336. – (Мыслители XX в.) – Перевод изд.: *La pensée sauvage / C. Lévi-Strauss.* – Paris, 1962.
- Леви-Стросс, К. Ревнивая горшечница / К. Леви-Стросс; пер. с фр. А.Б. Островского // Путь масок / К.Леви-Стросс; пер. с фр., сост., вступ. ст. и прим. А.Б. Островского. – М.: Республика, 2000. – 399 с. – С.157-383. – (Мыслители XX века). – Перевод изд.: *La potière jalouse / C. Lévi-Strauss.* – Paris: Édition Plon, 1985.
- Леви-Стросс, К. Структура и форма (Размышления над одной работой Владимира Проппа) / К. Леви-Стросс; пер. с фр. Т.В. Цивьяна // Зарубежные исследования по семиотике фольклора: сб. ст. / сост. Е.М. Мелетинского, С.Ю. Неклюдова; пер. Т.В. Цивьяна. – М.: Наука, 1985. – 316 с. – С.9-34. — Перевод изд.: *La structure et*

- la forme. Réflexions sur un ouvrage de V. Propp / C. Lévi-Strauss // Cahiers de l'Institut de science économique appliqué. – 1960, mars. – №9 (Série M., №7). – P.3-36.
- Леви-Строс, К. Структурная антропология / К. Леви-Строс; пер. с фр. Вяч.Вс. Иванова. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с. – (Серия «Психология без границ»). – Перевод изд.: *Anthropologie structurale* / C. Lévi-Strauss. – Paris: Édition Plon, 1958.
- Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар; пер. с фр. Н.А. Шматко – М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с. – (Серия «Gallicinium»). – Перевод изд.: *La condition postmoderne: Rapport sur le savoir* / J.-F. Lyotard. – Paris: Éditions de Minuit, 1979.
- Лотман, Ю.М. Динамическая модель семиотической системы. – М.: МГПИИЯ им. М. Тореца, 1974. – 23 с. – (ПП ПГЭПЛ ИРЯ АН СССР; вып.60).
- Лотман, Ю.М. Риторика / Ю.М. Лотман // Избранные статьи: в 3-х тт. Т.1: Статьи по семиотике и топологии культуры / Ю.М. Лотман. – Таллин: Александра, 1992. – 479 с. – С.167-183.
- Лотман, Ю.М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман. – М.: Искусство, 1970. – 383 с. – (Семиотические исследования по теории искусства).
- Ман, П. де Аллегория чтения: Фигуративный язык Руссо, Ницше, Рильке и Пруста / П. де Ман; пер. с англ., прим., послесл. С.А. Никитина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун.-та, 1999. – 368 с. – Перевод изд.: *Allegories of readings: Figural language in Rousseau, Nietzsche, Rilke and Proust* / P.de Man. – New Haven: Yale university press, 1979.
- Ман, П. де Гипограмма и инскрипция: поэтика чтения М. Риффатера / П. де Ман; пер. с англ. С. Козлова // Новое литературное обозрение. – М., 1993. – №2. – С.30-63. – Перевод по изд.: *The resistance to theory* / P.de Man. – Minneapolis: University of Minnesota press, 1986.
- Ман, П. де Слепота и прозрение. Статьи о риторике современной критики / П. де Ман; пер. с англ. Е.В. Малышкина; под общ. ред. Н.М. Савченковой. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2002. – 256 с. – Перевод изд.: *Blindness and insight: Essays in the rhetoric of contemporary criticism* / P.de Man. – New York: Oxford university press, 1971.
- Ман, П. де Сопротивление теории / П. де Манн; пер. с англ. И.В. Кабановой // Современная литературная теория: антология / сост., прил., пер. И.В. Кабановой. – М.: Флинта; Наука, 2004. – 344 с. – С.110-132. – Перевод по изд.: *The resistance to theory* / P.de Man. – Minneapolis: University of Minnesota press, 1986.
- Маранда, П. Структурные модели в фольклоре / П. Маранда, Э. Кёнгас-Маранда; пер. с англ. Т.В. Цивьяна // Зарубежные исследования по семиотике фольклора: сб. ст. / сост. Е.М. Мелетинского, С.Ю. Неклюдова; пер. Т.В. Цивьяна. – М.: Наука, 1985. – 316 с. – С.194-260. – Перевод изд.: *Structural models in folklore and transformational essays* / E. Köngäs Maranda, P. Maranda. – The Hague–Paris, 1976. – P.16-94.
- Медведев, П.Н. Формализм и формалисты / П.Н. Медведев. – Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1934. – 212 с.
- Мелетинский, Е.М. К вопросу о применении структурно-семиотического метода в фольклористике / Е.М. Мелетинский // Семиотика и художественное творчество / отв. ред. Ю.Я. Барабаш. – М.: Наука, 1977. – 368 с. – С.152-170. – (АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. Ин-т литературоведения).

- Мелетинский, Е.М. Поэтика мифа / Е.М. Мелетинский. – М.: Наука, 1976. – 406 с. – (АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. Исследования по фольклору и мифологии Востока).
- Мелетинский, Е.М. Структурно-типологическое изучение сказки / Е.М. Мелетинский // Морфология сказки / В.Я. Пропп. – 2-е изд. – М.: Наука, 1969. – 168 с. – С.134-166. – (АН СССР. Исследования по фольклору и мифологии Востока).
- Мельчук, И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». Семантика, синтаксис / И.А. Мельчук. – М.: Наука, 1974. – 314 с. – (АН СССР. Ин-т языкознания).
- Минский, М. Фреймы для представления знаний / М. Минский; пер. с англ. О.Н. Гринбаума; под ред. Ф.М. Кулакова. – М.: Энергия, 1979. – 152 с. – Перевод изд.: A framework for representing knowledge / M. Minsky. – Cambridge: Massachusetts institute of technology, 1974.
- Монтаж: Литература, искусство, театр, кино / отв. ред. Б.В. Раушенбах; сост. М.Б. Ямпольского. – М.: Наука, 1988. – 236 с. – (АН СССР. Совет по истории мировой культуры).
- Мукаржовский, Я. Литературный язык и поэтический язык / Я. Мукаржовский; пер. с чеш. А.Г. Широковой // Пражский лингвистический кружок: сб. ст. / сост., ред. и предисл. Н.А. Кондрашова. – М.: Прогресс, 1967. – 558 с. – С.406-431. – Перевод изд.: Jazyk spisovný a jazyk básnický / J. Mukařovský // Spisovná čeština a jazyková kultura. – Praha, 1932. – С.123-156.
- Нейман, Дж. фон Теория игр и экономическое поведение / Дж. фон Нейман, О. Morgenstern; пер. с англ., под ред. и с доб. Н.Н. Воробьева. – М.: Наука, 1970. – 707 с. – Перевод изд.: Theory of games and economic behavior / J.von Neumann, O. Morgenstern. – Princeton: Princeton university press, 1953.
- Неориторики: генезис, проблемы, перспективы: сб. научно-аналитических обзоров / отв. ред. Н.А. Безменова. – М.: ИНИОН, 1987. – 213 с. – (АН СССР. ИНИОН. Теория и история языкознания)
- Никифоров, А.И. К вопросу о морфологическом изучении народной сказки // А.И. Никифоров // Сборник статей в честь академика А.И. Соболевского, изданный ко дню 70-летия со дня его рождения Академией наук по почину его учеников // под ред. В.Н. Перетца. – Л.: Академия наук, 1928. – 507 с. – С.173-178. – (Сб. Отделения русского языка и словесности АН СССР; Т.С.1. №3).
- Общая риторика / Ж. Дюбуа, Ф. Эделин, Ж.-М. Клинкаберг, Ф. Мэнге, Ф.Пир, А. Тринон; пер. с фр. Е.Э. Разлоговой, Б.П. Нарумова; общ. ред. и вступ. ст. А.К. Авеличева. – М.: Прогресс, 1986. – 391 с. – Перевод изд.: Rhétorique generale par le groupe «μ» / G. Dubois, F. Edeline, G.M. Klinkenberg at. al. – Paris: Librairie Larousse, 1970.
- Остин, Дж. Как совершать действия при помощи слов? / Дж. Остин; пер. с англ. В.П. Руднева // Избранное / Дж. Остин; пер. с англ. Макеевой Л.Б., Руднева В.П. – М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999. – 332 с. – С.11-135. – Перевод изд.: How to do things with words / J.L. Austin. – Oxford: Clarendon press, 1962.
- Остин, Дж. Перформативы – Констативы / Дж. Остин; пер. с англ. Г.Е. Крейдлина // Философия языка / ред.-сост. Дж. Сёрл; пер. с англ.; отв. ред. пер. В.Д. Мазо. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 208 с. – С.23-34. – Перевод изд.: Performative – constative / J.L. Austin // Philosophy and ordinary language / ed. by Ch. Caton. – Urbana: University of Illinois press, 1963. – P.22-23.
- Островский, А.Б. Парадигмы мифологического мышления: очерк вклада К. Леви-Строса / А.Б. Островский. – 2-е изд., испр. – СПб.: Изд-во «Кронос», 2004. – 182 с.

- Падучева, Е.В. Семантика нарратива / Е.В. Падучева // Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с. – С.193-418.
- Перельман, Х. Из книги «Новая риторика: трактат об аргументации» / Х. Перельман, Л. Олбрехт-Тытека; пер. с фр. Т.Л. Ветошкиной // Язык и моделирование социального взаимодействия: сб. ст. / пер. с англ., фр., нем.; сост. В.М. Сергеева и П.Б. Паршина; общ. ред. В.В. Петрова. – М.: Прогресс, 1987. – 464 с. – С.207-264. – Перевод изд.: *Le nouvel rhétorique: Traité de l'argumentation* / Ch. Perelman, L. Olbrechts-Tyteca. – Paris: Press universitaires de France, 1958. – P.471-549.
- Петровский, М.А. Морфология новеллы / М.А. Петровский // *Ars Poetica*: сб. ст. / под ред. М.А. Петровского. – М.: ГАХН, 1927. – 143 с. – С.69-100. – (Труды Гос. академии художественных наук. Литературная секция; вып.1).
- Пиаже, Ж. Генезис элементарных логических структур. Классификация и сериация / Ж. Пиаже, Б. Инельдер; пер. с фр. Э.М. Пчелкиной; послесл. А.Р. Леонтьева и О.К. Тихомирова – М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. – 448 с. – Перевод изд.: *La genèse des structures logiques élémentaires: classifications et sériations* / J. Piaget, B. Inhelder. – Neuchâtel-Paris: Delachaux et Niestlé, 1959.
- Пирс, Ч.С. Из работы «Элементы логики. *Grammatica speculativa*» / Ч.С. Пирс; пер. с англ. Т.В. Булыгиной, А.Д. Шмелева // Семиотика: антология / пер. с англ., фр., нем. яз.; сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю.С. Степанова; коммент. Ю.С. Степанова и Т.В. Булыгиной. – М.: Радуга, 1983. – 635 с. – С.165-226. – Перевод изд.: *Collected papers of Ch.S. Peirce. Vol.II: Elements of logic* / Ch. Peirce; ed. by Ch. Hartshorne, P. Weiss. – Cambridge (Mass.): Harvard university press, 1960.
- Поппер, К. Логика научного исследования / К. Поппер; пер. с англ. В.Н. Брюшинкина, А.Л. Никифорова // Логика и рост научного знания: избр. работы / К. Поппер; пер. с англ.; сост., общ. ред. и вступ. ст. В.Н. Садовского. – М.: Прогресс, 1983. – 606 с. – С.33-235. – (Для научных библиотек). – Перевод изд.: *The logic of scientific discovery* / K. Popper. – London: Hutchinson book, 1959.
- Постмодернизм: энциклопедия / сост. и науч. ред. А.А. Грицанова, М.А. Можейко – Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – 1040 с. – (Мир энциклопедий).
- Пригожин, И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс; пер. с англ. Ю.А. Данилова; общ. ред. В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича и Ю.В. Сачкова. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с. – Перевод изд.: *Order out of chaos. Man's new dialogue with nature* / I. Prigogine, I. Stengers. – London: Heinemann, 1984.
- Пригожин, И. Философия нестабильности / И. Пригожин; пер. с англ. Я.И. Свирского // Вопросы философии. – 1991. – №6. – С.46-57. – Перевод изд.: *The philosophy of instability* / I. Prigogine // *Figures*. – 1989. – Vol.21. – №4. – P.396-400.
- Проблемы структурного описания волшебной сказки / Е.М. Мелетинский, С.Ю. Неклюдов, Е.С. Новик, Д.М. Сегал // Труды по знаковым системам. – Вып.4: Памяти Ю.Н. Тынянова / отв. ред. Ю.М. Лотман. – Тарту, 1969. – 534 с. – С.86-135. – (Ученые записки Тартуского гос. ун-та; вып.236).
- Пропп, В.Я. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. – Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1946. – 340 с.
- Пропп, В.Я. Морфология сказки / В.Я. Пропп. – Л.: Academia, 1928. – 152 с. – (Гос. ин-т истории искусства. Вопросы поэтики; вып.12).
- Пропп, В.Я. Фольклор и действительность: избр. ст. / В.Я. Пропп. – М.: Наука, 1976. – 324 с. – (АН СССР. Ин-т востоковедения. Исследование по фольклору и мифологии Востока).

- Пье-Гро, Н. Введение в теорию интертекстуальности / Н. Пье-Гро; пер. с фр. Г.К. Косикова, В.Ю. Лукасик, Б.П. Нарумова; общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 240 с. – Перевод изд.: *Introduction à l'intertextualité* / N. Piégay-Gros. – Paris: Armand Colin publisher, 2002.
- Ревзин, И.И. К общесемиотическому истолкованию трёх постулатов Проппа (анализ сказки и теория связанности текста) / И.И. Ревзин // Типологические исследования по фольклору: сб. ст. памяти В.Я. Проппа (1895-1970) / сост. Е.М. Мелетинский, С.Ю. Неклюдов. – М.: Наука, 1975. – 319 с. – С.77-91. – (АН СССР. Ин-т востоковедения. Исследования по фольклору и мифологии Востока).
- Реформатский, А.А. Опыт анализа новеллистической композиции / А.А. Реформатский // Московский кружок «ОПОЯЗ». – Вып. I. – М.: Профессиональная техническая школа полиграфического производства, 1922. – 20 с. – С.3-12.
- Рикёр, П. Время и рассказ. Т.2: Конфигурация в вымышленном рассказе / П. Рикёр; пер. с фр. Т.В. Славко. – М.-СПб.: Университетская книга, 2000. – 224 с. – (Книга света). – Перевод изд.: *Temps et récit. II: La configuration dans le récit de fiction* / P. Ricoeur. – Paris: Éditions du Seuil, 1985.
- Риффатерр, М. Критерии стилистического анализа / М. Риффатерр; пер. с англ. А.М. Фингермана // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып.9: Лингвистика / пер. с англ., нем., и фр. яз.; сост. и вступ. ст. И.Р. Гальперина. – М.: Прогресс, 1980. – 432 с. – С.69-97. – Перевод изд.: *Criteria for style analyse* / M. Riffaterre // *Essays on the language of literature* / ed. by S. Chatman and S. Levin. – Boston–New York–Atlante, 1967.
- Риффатерр, М. Формальный анализ и история литературы / М. Риффатерр; пер. с фр. С. Козлова // Новое литературное обозрение. – 1992. – №1. – С.17-41. – Перевод изд.: *Pour une approche formelle de l'histoire littéraire* / M. Riffaterre // *La Production du texte* / M. Riffaterre. – Paris, 1979. – P.89-109.
- Сепир, Э. Язык. Введение в изучение речи / Э. Сепир; пер. с англ. А.М. Сухотиной (испр. и доп. А.Е. Кибриком) // Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир; пер. с англ.; общ. ред. и вступ. ст. А.Е. Кибрика. – М.: ИГ «Прогресс»; «Универс», 1993. – 656 с. – С.26-203. – (Филологи мира). – Перевод изд.: *Language* / E. Sapir. – New York, 1929.
- Серль, Дж. Что такое речевой акт? / Дж. Серль; пер. с англ. И.М. Кобозевой // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып.17: Теория речевых актов / пер. с англ.; сост. и вступ. ст. И.М. Кобозевой и В.З. Демьяненко; общ. ред. Б.Ю. Городецкого. – М.: Прогресс, 1986. – 424 с. – С.151-169. – Перевод изд.: *What is a speech act?* / J. Searle // *Philosophy in America* / ed. M. Black. – London: Allen and Unwin, 1965. – P.221-239.
- Силантьев, И.В. Поэтика мотива / И.В. Силантьев; отв. ред. Е.К. Ромадановская. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 296 с. – (Язык. Семиотика. Культура).
- Сокал, А. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна / А. Сокал, Ж. Брикмон; пер. с англ. А. Костиновой и Д. Кралечкина; предисл. С.П. Капицы. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2002. – 248 с. – Перевод изд.: *Impostures intellectuelles* / A. Sokal, J. Bricmont. – Paris: Odile Jacob, 1997.
- Соссюр, Ф. де Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр; изд. Ч. Балли и А. Сеше при участии А. Ридлингер; пер. с фр. А.М. Сухотина; под ред. и с прим. Р.И. Шор; введ. ст. Д.Н. Введенского. – М.: Соцэкгиз, 1933. – 272 с. – (Языковеды мира). – Перевод изд.: *De Course de linguistique générale* / F. Saussure; publ. par Ch. Bally et A. Sechehaye. – 2 edition. – Paris, 1922.
- Соссюр, Ф. де Отрывки из тетрадей Ф. де Соссюра, содержащих записи об анаграммах / Ф. де Соссюр; пер. с фр. Вяч.Вс. Иванова // Труды по языкознанию /

- Ф. де Соссюр; пер. с фр. А.А. Холодовича. – М.: Прогресс, 1977. – 696 с. – С.639-647. – Перевод изд.: *Les mots sous les mots. Les anagrammes de F. de Saussure* / J. Starobinski. – Paris: Éditions Gallimard, 1971. – P.35-39, 59-60, 126-127.
- Стросон, П. Намерение и конвенция в речевых актах / П. Стросон; пер. с англ. И.Г. Сабуровой // *Новое в зарубежной лингвистике*. – Вып.17: Теория речевых актов / пер. с англ.; сост. и вступ. ст. И.М. Кобозевой и В.З. Демьяненко; общ. ред. Б.Ю. Городецкого. – М.: Прогресс, 1986. – 424 с. – С.35-55. – Перевод изд.: *Intention and convention in speech acts* / P. Strawson // *The philosophical review*. – Vol.LXXIII. – 1964. – №4. – P.439-460.
- Тамарченко, Н.Д. Принцип кумуляции в истории сюжета (К постановке проблемы) / Н.Д. Тамарченко // *Целостность литературного произведения в исторической поэтике: сб. науч. тр.* / ред. Т.А. Зенкина. – Кемерово: Изд-во Кемеровск. гос. ун-та, 1986. – С.47-54.
- Тамарченко, Н.Д. Теоретическая поэтика: Хрестоматия-практикум: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / Н.Д. Тамарченко. – М.: ИЦ «Академия», 2004. – 400 с.
- Тамарченко, Н.Д. Теория литературных родов и жанров. Эпика / Н.Д. Тамарченко. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. – 72 с. – (Литературный текст: проблемы и методы исследования; Приложение, Серия «Лекции в Твери»).
- Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер; пер. с фр. И.М. Богуславского, Л.И. Лухт, В.П. Нарумова, С.Л. Сахно; вступ. ст. и общ. ред. В.Г. Гака. – М.: Прогресс, 1988. – 656 с. – (Языковеды мира). – Перевод изд.: *Éléments de syntaxe structurale* / L. Tesnière. – Deuxième édition revue et corrigée. – Paris: Librairie C. Klincksieck, 1976.
- Теория литературы: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: в 2-х т. / Н.Д. Тамарченко, В.И. Тюпа, С.Н. Бройтман; под ред. Н.Д. Тамарченко. – Т.1: Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика / Н.Д. Тамарченко, В.И. Тюпа, С.Н. Бройтман. – М.: ИЦ «Академия», 2004. – 512 с.
- Теория литературы: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: в 2-х т. / Н.Д. Тамарченко, В.И. Тюпа, С.Н. Бройтман; под ред. Н.Д. Тамарченко. – Т.2: Историческая поэтика / С.Н. Бройтман. – М.: ИЦ «Академия», 2004. – 368 с.
- Тодоров, Ц. Введение в фантастическую литературу / Ц. Тодоров; пер. с фр. Б.П. Нарумова. – М.: Дом интеллектуальной книги; Русское феноменологическое общество, 1997. – 136 с. – Перевод изд.: *Introduction à la littérature fantastique* / Tz. Todorov. – Paris: Éditions du Seuil, 1970.
- Тодоров, Ц. Грамматика повествовательного текста / Ц. Тодоров; пер. с фр. Т.Д. Корельский // *Новое в зарубежной лингвистике*. – Вып.8: Лингвистика текста / сост., общ. ред. и вступ. ст. Т.М. Николаевой. – М.: Прогресс, 1978. – 480 с. – С.450-463. – Перевод изд.: *La Grammaire du récit* / Tz. Todorov // *Langages*. – 1968. – №12.
- Тодоров, Ц. Понятие литературы / Ц. Тодоров; пер. с фр. Г.К. Косикова // *Семиотика: антология* / пер. с англ., фр., нем. яз.; сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю.С. Степанова; коммент. Ю.С. Степанова и Т.В. Булыгиной. – М.: Радуга, 1983. – 635 с. – С.355-369. – Перевод по изд.: *La notion de littérature* / Tz. Todorov // *Langue. Discours. Société. Pour É. Benveniste*. – Paris: Klincksieck, 1975. – P.352-364.
- Тодоров, Ц. Поэтика / Ц. Тодоров; пер. с фр. А.К. Жолковского // *Структурализм: «за» и «против»*: сб. ст. / пер. с англ., фр., нем., чеш., польск. и болг. яз.; под ред. Е.Я. Басина и М.Я. Полякова; сост. М.Я. Полякова. – М.: Прогресс, 1975. – 467 с. – С.37-113. – Перевод изд.: *Poétique* / Tz. Todorov. – Paris: Éditions du Seuil, 1973.

- Тодоров, Ц. Семиотика литературы / Ц. Тодоров; пер. с фр. Г.К. Косикова // Семиотика: антология / пер. с англ., фр., нем. яз.; сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю.С. Степанова; коммент. Ю.С. Степанова и Т.В. Булыгиной. – М.: Радуга, 1983. – 635 с. – С.350-354. – Перевод изд.: *Sémiotique de la littérature* / Tz. Todorov // *A semiotic landscape / proceedings of the First Congress of the International Association for Semiotic Studies*. – Milan, 1974, june. – (Approaches to Semiotics; 29).
- Тодоров, Ц. Теории символа / Ц. Тодоров; пер. с фр. Б.П. Нарумова. – М.: Дом интеллектуальной книги; Русское феноменологическое общество, 1998. – 408 с. – Перевод изд.: *Théories du symbole* / Tz. Todorov. – Paris: Éditions du Seuil, 1977.
- Томашевский, Б.В. Теория литературы. Поэтика / Б.В. Томашевский. – 2-е испр. изд. – М.–Л.: Гос. изд-во, 1927. – 236 с.
- Трубецкой, Н.С. Основы фонологии / Н.С. Трубецкой; пер. с нем. А.А. Холодовича; ред. С.Д. Канцельсона; послесл. А.А. Реформатского. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. – 371 с. – Перевод изд.: *Grundzüge der Phonologie* / N.S. Trubetsky. – 2 Auflage. – Göttingen, 1958.
- Трубина, Е.Г. Нарратология: основы, проблемы, перспективы: материалы к спец. курсу / Е.Г. Трубина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 103 с. – (Кафедра социальной философии Урал. гос. ун-та им. А.М. Горького).
- Тынянов, Ю.Н. Архаисты и новаторы / Ю.Н. Тынянов. – Л.: Прибой, 1929. – 596 с.
- Тынянов, Ю.Н. Проблемы изучения литературы и языка / Ю.Н. Тынянов, Р.О. Якобсон // Новый ЛЕФ. – 1928. – №12. – С.35-37.
- Тюпа, В.И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А.П. Чехова) / В.И. Тюпа. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. – 58 с. – (Литературный текст: проблема и методы исследования; Приложение, Серия «Лекции в Твери»).
- Тьюринг, А. Могут ли машины мыслить? (С прил. ст. Дж. фон Неймана «Общая и логическая теория автоматов») / А. Тьюринг; пер. с англ. Ю.А. Данилова; ред. и предисл. С.А. Яновской. – М.: Физматгиз, 1960. – 112 с. – Перевод изд.: *Can the Machine Think? / A. Turing // The world of Mathematics. A small library of the literature of mathematics from A'h-mose the Scribe to Albert Einstein / presented with commentaries and notes by J. Newman*. – New York: Simon and Shuster, 1956. – Vol.4. – P.2099-2123.
- Уайт, Х. Метаистории: Историческое воображение в Европе XIX века / Х. Уайт; пер. с англ. под ред. Е.Г. Трубиной и В.В. Харитонова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 528 с. – Перевод изд.: *Metahistory* / H. White. – Baltimore, Maryland: John Hopkins university press, 1973.
- Успенский, Б.А. Поэтика композиции. Структура художественного текста и типология композиционной формы / Б.А. Успенский. – М.: Изд-во «Искусство», 1970. – 223 с. – (Серия «Семиотические исследования по теории искусства»).
- Уэллек, Р. Теория литературы / Р. Уэллек, О. Уоррен; пер. с англ. А. Зверева, В. Харитонова, И. Ильина; вступ. ст. А.А. Аникста; коммент. Б.А. Гиленсона. – М.: Прогресс, 1978. – 323 с. – Перевод изд.: *Theory of literature* / R. Wellek, A.Warren. – London: Penguin books, 1956.
- Фейерабенд, П. Против метода. Очерк анархистской теории познания / П. Фейерабенд; пер. с англ. А.Л. Никифорова // Избранные труды по методологии науки / П. Фейерабенд; пер. с англ. и нем. А.Л. Никифорова; общ. ред. и вступ. ст. И.С. Нарского. – М.: Прогресс, 1986. – 544 с. – С.125-467. – Перевод изд.: *Against Method. Outline of an anarchistic theory of knowledge* / P. Feyerabend. – London, 1975.

- Филлмор, Ч. Дело о падеже / Ч. Филлмор; пер. с англ. Е.Н. Савиной // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып.10: Лингвистическая семантика / сост., общ. ред. и вступ. ст. В.А. Звегинцева. – М.: Прогресс, 1981. – 568 с. – С.369-495. – Перевод изд.: The case for case / Ch. Fillmore // *Universals in linguistic theory* / ed. by E. Bach, R.T. Harms. – New York, 1968.
- Фуко, М. Археология знания / М. Фуко; пер. с фр. Н. Митина, Д. Стасова; общ. ред. Б. Левченко. – Киев: Ника-Центр, 1996. – 208 с. – (Серия «OPERA APARTA»; вып.1). – Перевод изд.: *L'archéologie du savoir* / M. Foucault. – Paris: Éditions Gallimard, 1969.
- Фуко, М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко; пер. с фр. С.Ч. Офертаса; под общ. ред. В.П. Визгина и Б.М. Скуратова. – М.: Практис, 2002. – 384 с. – (Серия «Новая наука политики»). – Перевод изд.: *Dits et écrits. Articles politiques conférences interviews 1970-1984* / M. Foucault. – Paris: Éditions Gallimard, 1994.
- Фуко, М. Порядок дискурса / М. Фуко; пер. с фр. С. Табачниковой / Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: работы разных лет / М. Фуко; сост., пер. с фр., коммент. и послесл. С. Табачниковой; общ. ред. А. Пузырея. – М.: Касталь, 1996. – 448 с. – С.47-96. – Перевод изд.: *L'Ordre du discours. Leçon inaugurale au Collège de France prononcée le 2 décembre 1970* / M. Foucault. – Paris: Éditions Gallimard, 1971.
- Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко; пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой; вступ. ст. Н.С. Автономовой. – СПб.: А-сэд, 1994. – 405 с. – Перевод изд.: *Les mots et les choses. Une archéologie des sciences humaines* / M. Foucault. – Paris: Éditions Gallimard, 1966.
- Фуко, М. Что такое автор? / М. Фуко; пер. с фр. О. Ивановой // Лабиринт-Экскентр. – Екатеринбург, 1991. – №3. – С.28-43. – Перевод по изд.: *Qu'est-ce qu'un auteur?* / M. Foucault // *Bulletin de la Société française de philosophie*. – Vol.63. – 1969, juillet-septembre. – P.73-104.
- Ханзен-Лёве, О. Русский формализм: Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения / О. Ханзен-Лёве; пер. с нем. С.А. Ромашко. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 672 с. – (Studia philologica). – Перевод изд.: *Der russische Formalismus. Methodologische Rekonstruktion seiner Entwicklung aus dem Prinzip der Verfremdung* / A.Hansen-Löve. – Wien: Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1978.
- Хомский, Н. Аспекты теории синтаксиса / Н. Хомский; пер. с англ. А.Е. Кибрика, В.В. Раскина, В.И. Шовкуна; под ред. и с предисл. В.А. Звегинцева. – М.: Изд-во МГУ, 1972. – 258 с. – (Моск. гос. ун-т. им. М.В. Ломоносова. Публикации Отделения структурной и прикладной лингвистики. Серия переводов; вып.1). – Перевод изд.: *Aspects of the theory of syntax* / N. Chomsky. – Cambridge (Mass.), 1965.
- Хомский, Н. Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли / Н. Хомский; пер. с англ. и предисл. Б.П. Нарумова. – М.: КомКнига, 2005. – 232 с. – (История лингвофилософской мысли). – Перевод изд.: *Cartesian linguistics. A chapter in the history of rationalist thought* / N. Chomsky. – New York–London: Harper&Row publishers, 1966.
- Хомский, Н. Синтаксические структуры / Н. Хомский; пер. с англ. К.И. Бабицкого; математические термины просмотрены В.А. Успенским // Новое в лингвистике. – Вып.2 / сост. В.А. Звегинцев. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. – 686 с. – С.412-527. – Перевод изд.: *Syntactic Structures* / N. Chomsky. – s'-Gravenhage, 1957.

- Хомский, Н. Язык и мышление / Н. Хомский; пер. с англ. Б.Ю. Городецкого; под ред. В.В. Раскина; с предисл. В.А. Звегинцева. – М.: Изд-во МГУ, 1972. – 121 с. – (Моск. гос. ун-т. им. М.В. Ломоносова. Филол. фак. Публикации Отделения структурной и прикладной лингвистики. Серия пер.; вып.2). – Перевод изд.: *Language and mind* / N. Chomsky. – New-York: Harcourt, 1968.
- Хэррис, З.С. Совместимая встречаемость и трансформации в языковой структуре / З.С. Хэррис; пер. с англ. Т.Н. Молошной // *Новое в лингвистике*. – Вып.2 / сост. В.А. Звегинцев. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. – 686 с. – С.528-636. – Перевод изд.: *Co-occurrence and transformation in linguistic structure* / Z. Harris // *Language*. – Vol.33. – 1957. – №3 (Part I). – P.283-340.
- Чейф, У. Значение и структура языка / У. Чейф; пер. с англ. Г.С. Щура; послесл. С.Д. Кацнельсона. – М.: Прогресс, 1975. – 432 с. – (Языковеды мира). – Перевод изд.: *Meaning and the structure of language* / W. Chafe. – Chicago–London: The University of Chicago press, 1971.
- Шаумян, С.К. Теоретические основы трансформационной грамматики / С.К. Шаумян // *Новое в лингвистике*. – Вып.2 / сост. В.А. Звегинцев. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. – 686 с. – С.391-411.
- Шаумян, С.К. Трансформационная грамматика и аппликативная порождающая модель / С.К. Шаумян // *Трансформационный метод в структурной лингвистике* / отв. ред. С.К. Шаумян. – М.: Наука, 1964. – 180 с. – С.12-55. – (АН СССР. Ин-т русского языка)
- Шеннон, К. Современные достижения теории связи / К. Шеннон; пер. М.Г. Шнура // *Работы по теории информации и кибернетике: сб. ст.* / К.Шеннон; пер. с англ.; с предисл. А.И. Колмогорова; под ред. Р.Л. Добрушина и О.В. Лупанова. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. – 830 с. – С.403-413. – Перевод изд.: *Recaption development in communication theory* / C. Shannon // *Electronics*. – 1950, april. – №80.
- Шкловский, В. О теории прозы / В. Шкловский. – М.: Изд-во «Федерация», 1929. – 265 с.
- Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с. – (Studia philologica).
- Щедровицкий, Г.П. Принципы и общая схема методологической организации системно-структурных исследований и разработок // Г.П. Щедровицкий / *Системные исследования = Systems research: Методологические проблемы. Ежегодник 1981* / глав. ред. Д.М. Гвишиани. – М.: Наука, 1981. – 284 с. – С.193-227. – (АН СССР. ВНИИ системных исследований).
- Эйзенштейн, С.М. Вертикальный монтаж / С.М. Эйзенштейн // *Искусство кино*. – 1940. – №9. – С.16-25; 1940. – №12. – С.27-35; 1941. – №1. – С.29-38.
- Эйзенштейн, С.М. Монтаж 1938 / С.М. Эйзенштейн // *Искусство кино*. – 1939. – №1. – С.37-49.
- Эйхенбаум, Б.М. Как сделана «Шинель» Гоголя / Б.М. Эйхенбаум // *Поэтика: сборники по теории поэтического перевода*. – Вып.3. – Петроград: Гос. типография Лештукова, 1919. – 172 с.
- Эко, У. Открытое произведение: Форма и неопределённость в современной поэтике / У. Эко; пер. с итал. А. Шурбелёва. – СПб.: Академический проект, 2004. – 384 с. – Перевод изд.: *Opera Aperta: Forma e indeterminazione nelle poetiche contemporanee* / U. Eco. – Milano: Bompiani, 1967.
- Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко; пер. с итал. В.Г. Резника и А.Г. Погоняйло. – СПб.: Симпозиум, 2004. – 544 с. – Перевод изд.: *La*

- struttura assente. Introduzione alla ricerca semiologica / U. Eco. – Milan: Bompiani, 1968.
- Эко, У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / У. Эко; пер. с англ. и итал. С.Д. Серебряного. – СПб.: Симпозиум, 2005. – 502 с. – Перевод изд.: *Lector in fabula. La cooperazione interpretativa nei testi narrative* / U. Eco. – Milano: Bompiani, 1979; *The role of the reader. Explorations in semiotics of texts* / U. Eco. – Bloomington: University of Indiana press, 1979.
- Энгельгардт, Б.М. Формальный метод в истории литературы / Б.М. Энгельгардт. – Л.: Academia, 1927. – 118 с. – (Гос. ин-т истории искусств. Вопросы поэтики. Не-периодическая серия, издаваемая Отделом словесного искусства; вып. XI)
- Эрлих, В. Русский формализм: история и теория / В. Эрлих, пер. с англ. А.В. Глебовской. – СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1996. – 350 с. – (Современная западная русистика). – Перевод изд.: *Russian formalism: History – Doctrine* / V. Erlich. – 's-Gravenhage, 1955.
- Якобсон, Р.О. Грамматический параллелизм и его русские аспекты / Р.О. Якобсон; пер. с англ. А.И. Полторацкого // *Работы по поэтике* / Р.О. Якобсон; сост. и общ. ред. М.Л. Гаспарова; вступ. ст. В.В. Иванова. – М.: Прогресс, 1987. – 460 с. – С.99-132. – (Языковеды мира). – Перевод изд.: *Grammatical parallelism and its russian facet* / R. Jakobson // *Language*. – Vol.42. – Weverly press inc., 1966. – №2. – P.399-429.
- Якобсон, Р.О. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений / Р.О. Якобсон; пер. с англ. Н.В. Перцева // *Теория метафоры*: сб. / пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журинской. – М.: Прогресс, 1990. – 511 с. – С.110-132. – Перевод изд.: *Two aspects of language and two types of aphasic disturbances* / R.O. Jakobson // *Fundamentals of language* / R. Jakobson, M. Halle. – Gravenhage: "Janua Linguarum", Mouton publishers, 1956. – P.55-82.
- Якобсон, Р.О. «Кошки» Шарля Бодлера / Р.О. Якобсон, К. Леви-Строс; пер. с фр. Г.К. Косикова // *Структурализм: «за» и «против»*: сб. ст. / пер. с англ., фр., нем., чеш., польск. и болг. яз.; под ред. Е.Я. Басина и М.Я. Полякова, сост. М.Я. Полякова. – М.: Прогресс, 1975. – 467 с. – С.231-255. – Перевод изд.: *"Les Chats" de Charles Baudelaire* / R. Jakobson, C. Lévi-Strauss // *L'Homme*, – 1962, janv.-april. – P.5-21.
- Якобсон, Р.О. Лингвистика и поэтика / Р.О. Якобсон; пер. с англ. И.А. Мельчука // *Структурализм: «за» и «против»*: сб. ст. / пер. с англ., фр., нем., чеш., польск. и болг. яз.; под ред. Е.Я. Басина и М.Я. Полякова, сост. М.Я. Полякова. – М.: Прогресс, 1975. – 467 с. – С.193-230. – Перевод изд.: *Linguistics and poetics* / R. Jakobson // *Style in language* / Th. Sebeok. – Cambridge: Massachusetts institute of technology, 1960.
- Якобсон, Р.О. Фонология и её отношение к фонетике / Р.О. Якобсон, М. Халле; пер. с англ. А.А. Зализняка и Е.В. Падучевой // *Новое в лингвистике*. – Вып.2 / сост. В.А. Звегинцев. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. – 686 с. – С.231-278. – Перевод изд.: *Phonology in relation to phonetics* / R. Jakobson, M. Halle // *Manual of phonetics* / ed. by L. Kaiser. – Chap.14. – Amsterdam, 1957. – P.215-251.
- Якобсон, Р.О. Часть и целое / Р.О. Якобсон; пер. с англ. О.В. Звегинцевой // *Избранные работы* / Р. Якобсон; пер. с англ., нем., фр. яз.; сост. и общ. ред. В.А. Звегинцева; предисл. Вяч.Вс. Иванова. – М.: Прогресс, 1985. – 455 с. – С.301-305. – Перевод изд.: *Parts and wholes in language* / R. Jakobson // *Parts and wholes* / ed. by D. Lerner. – New York–London, 1963.

- Якобсон, Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол / Р.О. Якобсон; пер. с англ. А.К. Жолковского // Принципы типологического анализа языков различного строя / сост. О.Г. Ревзина; отв. ред. Б.А. Успенский. – М.: Наука, 1972. – 280 с. – С.95-113. – (АН СССР. Ин-т востоковедения). – Перевод изд.: Shifters, verbal categories and the russian verb / R. Jakobson. – Harvard University, 1957. – (Russian language project. Department of slavic languages and literatures).
- Якобсон, Р. Язык и бессознательное / Р. Якобсон; пер. с англ. и фр. К. Голубович, Д. Епифанова, Д. Кротовой, К. Чухрукидзе, В. Шеворошкина; сост., вступ. сл. К. Голубович, К. Чухрукидзе; ред. пер. Ф. Успенский. – М.: Гнозис, 1996. – 248 с.
- Якубинский, Л.П. О диалогической речи / Л.П. Якубинский // Русская речь: сб. ст. / под ред. Л.В. Щербы. – Петроград: Фонетический ин-т практического изучения языка, 1923. – 296 с. – С.96-194. – (Труды Фонетического ин-та практического изучения языка под ред. Л.Э. Гиллельсона)
- Ямпольский, М. Память Тиресия. Интертекстуальность и кинематограф / М. Ямпольский. – М.: РИК «Культура», 1993. – 464 с.
- Яусс, Х.-Р. История литературы как провокация литературоведения / Х.-Р. Яусс; пер. с нем. и предисл. Н. Зоркой // Новое литературное обозрение. – 1994. – №12. – С.34-84. – Перевод изд.: Literaturgeschichte als Provokation / H.R. Jauss. – Frankfurt a.M., 1970.
- Anderegg, J. Fiktion und Kommunikation: Ein Beitrag zur Theorie der Prosa / J. Anderegg. – Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 1973. – 185 S.
- Both, W. Distance and Point-of-view / W. Both // The theory of the novel. New essays / ed. by J. Halperin. – New York: Oxford university press, 1974. – XI, 396 p. – P.87-107.
- Chatman, S. Story and discourse: Narrative structure in fiction and film / S. Chatman. – Ithaca–London: Cornell university press, 1978. – 277 p.
- Deleuze, G. Rhizome. Introduction / G. Deleuze, F. Guattari. – Paris: Éditions de Minuit, 1976. – 74 p.
- Doležel, L. Narrative modes in Czech literature / L. Doležel. – Toronto: University of Toronto press, 1973. – VI, 152 p.
- Friedman, N. Point of view in fiction / N. Friedman // The theory of the novel. New essays / ed. by J. Halperin. – New York: Oxford university press, 1974. – XI, 396 p. – P.108-137.
- Iser, W. Der Akt des Lesens. Theorie ästhetischer Wirkung / W. Iser. – München: Fink, 1976. – 357 S. – (Uni-Taschenbücher. UTB 636)
- Lämmert, E. Bauformen des Erzählens / E. Lämmert. – Stuttgart: J.B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1955. – 296 S.
- Link, H. Rezeptionsforschung: Eine Einführung in Methoden und Probleme / H. Link. – Stuttgart: Kohlhammer, 1976. – 182 S. – (Urban-Taschenbücher)
- Lubbock, P. The craft of fiction / P. Lubbock. – New York: Cape and Smith, 1931. – 276 p.
- Prince, G. Introduction to the study of the narratee / G. Prince // Reader-response criticism / ed. by J. Tompkins. – Baltimore–London: Johns Hopkins university press, 1980. – 304 p. – P.7-25.
- Prince, G. Dictionary of narratology / G. Prince. – Andover (Hants): Scolar press, 1988. – IX, 118 p.
- Riffaterre, M. Semiotics of poetry / M.Riffaterre. – Bloomington–London: Indiana university press, 1978. – 213 p. – (Advances in semiotics / ed. by T. Sebeok).
- Stanzel, F.K. Typische Formen des Romans / F.K. Stanzel. – Göttingen: Vandenhoeck u. Ruprecht, 1964. – 77 S.
- Todorov, Tz. The poetics of prose / Tz. Todorov; transl. from the french by R. Howard; with a new forew. by J. Culler. – Ithaca (N.Y.): Cornell univ. press, 1977. – 272 p.

Сайт
«Институт грамматиологии»:
www.grammarology.ru

e-mail:
grammarology@rambler.ru